

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Нижегородская академия

АЛЬМАНАХЪ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Сборник научных статей

№ 1 (9)

Нижний Новгород
2024

Выходные данные:

Альманахъ молодых ученых : сборник научных статей. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2024. – № 1 (9). – 140 с.

Выходит 2 раза в год

Редакторы А. Ю. Афанасьев, Н. А. Елизарова
Компьютерная верстка
А. А. Количенко, Л. Ю. Железовой,
Я. А. Хованской, Т. В. Булкиной
Дизайн обложки Ю. И. Васильева

Подписано в печать 17.06.2024.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 16,28.
Гарнитура TimesNewRoman.
Печать офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ 236

Отпечатано в отделении полиграфической
и оперативной печати
Нижегородской академии МВД России.
603144, Нижегородская область,
Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3

ISBN 978-5-88840-208-5

© Нижегородская академия
МВД России, 2024

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Морозов Олег Леонидович – заместитель начальника Нижегородской академии МВД России (по научной работе), кандидат экономических наук.

Заместители главного редактора:

Афанасьев Алексей Юрьевич – начальник кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Смолин Алексей Юрьевич – начальник редакционно-издательского отдела Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Члены редакционной коллегии:

Беглова Елена Ивановна – профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России, доктор филологических наук, профессор.

Боровских Роман Николаевич – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Национального исследовательского Новосибирского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

Васюков Виталий Федорович – главный научный сотрудник отдела изучения проблем нормативного правового и аналитического обеспечения Научного центра БДД МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Демичев Алексей Андреевич – профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Ивашевский Станислав Леонидович – профессор кафедры философии Нижегородской академии МВД России, доктор философских наук, профессор.

Ильин Игорь Вячеславович – профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Кабанов Павел Александрович – директор НИИ противодействия коррупции Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП), доктор юридических наук, доцент.

Лубин Александр Федорович – профессор кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Макарейко Николай Владимирович – профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Наумов Михаил Борисович – профессор кафедры управления Нижегородской академии МВД России, доктор технических наук, профессор.

Панкратов Евгений Леонидович – доцент кафедры математических и естественно-научных дисциплин Института экономики и предпринимательства ННГУ имени Н. И. Лобачевского, доктор физико-математических наук, доцент.

Петрянин Алексей Владимирович – директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Поляков Михаил Петрович – профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Селезнев Федор Александрович – заведующий Центром краеведческих исследований Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н. И. Лобачевского, доктор исторических наук, профессор.

Сердюк Наталья Владимировна – начальник кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, член-корреспондент Академии военных наук Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор.

Толстик Владимир Алексеевич – начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Шаров Виктор Иванович – профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД учебно-научного комплекса противодействия экономическим и налоговым преступлениям Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Шпилев Дмитрий Анатольевич – профессор кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России, доктор социологических наук, доцент.

Технические редакторы:

Количенко Артем Андреевич – преподаватель кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России.

Железова Людмила Юрьевна – адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России.

Хованская Яна Андреевна – адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I

ИСТОРИЧЕСКИЕ, ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Кротова Е. Н.</i> Внутригосударственные механизмы защиты социальных прав человека в Российской Федерации.....	6
--	---

РАЗДЕЛ II

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Абаринов А. Д.</i> Беспилотный летательный аппарат как объект криминалистического исследования.....	12
<i>Аралкин Н. А.</i> Криминалистическая классификация мошенничества, совершаемого при реализации государственных программ в сфере агропромышленного комплекса.....	16
<i>Абдулханьянов И. А.</i> Понятие эффективности фикции в уголовном праве.....	22
<i>Амочкина Е. П.</i> К вопросу о недостатках в организации судебно-исковой работы правовых подразделений МВД России.....	31
<i>Бугрова Е. Г.</i> Пробелы законодательства о противодействии коррупции.....	36
<i>Бражин Ю. Ю.</i> О характеристике жертв служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение».....	41
<i>Дубов Е. И.</i> Проблемы совокупности и конкуренции преступлений, связанных с контрабандой леса и лесоматериалов.....	46
<i>Железова Л. Ю.</i> Актуальные проблемы установления меры юридической ответственности на примере норм уголовного и административного права.....	52
<i>Ковалев А. Ф.</i> Особенности карательного воздействия конфискации как меры государственного принуждения.....	61
<i>Количенко А. А.</i> Уголовно-процессуальная терминология в эпоху цифровой трансформации.....	67
<i>Кротов М. С.</i> О проблемных вопросах, связанных с выявлением и раскрытием преступлений, предусмотренных статьей 232 Уголовного кодекса Российской Федерации.....	73
<i>Кульпанов А. И., Кропачев С. Ю.</i> Оперативно-розыскная информация в контексте совершенствования оперативно-розыскной деятельности.....	80
<i>Смолин А. В.</i> Доказывание в розыскной деятельности следователя.....	86

Файзализода Ф. С. Влияние средств массовой информации на суицидальные наклонности человека.....	92
Хованская Я. А. Криминообразующие признаки легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем.....	96

РАЗДЕЛ III
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Баранова Л. В. Факторный анализ оборачиваемости дебиторской задолженности генерирующего предприятия электроэнергетики ООО «Автозаводская ТЭЦ».....	102
Чикина Т. Е., Буракова М. А. К вопросу о сущности банкротства.....	111

РАЗДЕЛ IV
ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Миронов Н. А., Кульпанов А. И. Об использовании генеративных нейронных сетей в деятельности органов внутренних дел.....	116
---	-----

РАЗДЕЛ V
**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Бобылев А. А. Тактические особенности подготовки сотрудников оперативных подразделений к применению огнестрельного оружия: проблемы и пути их решения.....	121
--	-----

РАЗДЕЛ VI
ПРИБУДА НАЧИНАЮЩЕГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Валиев А. А. Молодежный жаргон и его отражение в языке средств массовой информации	126
Пирожников А. С. Особенности производства оперативно-розыскных мероприятий при выявлении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом контрафактной табачной продукции.....	131

РАЗДЕЛ I

ИСТОРИЧЕСКИЕ, ФИЛОСОФСКИЕ
И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 342.734

Кротова Екатерина Николаевна,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административного права и процесса,

Нижегородская академия МВД России, (603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3).

E-mail: krotova.en@yandex.ru

**Внутригосударственные механизмы защиты
социальных прав человека в Российской Федерации**

Аннотация: в статье проанализирована проблема реализации на практике различных механизмов защиты социальных прав гражданина Российской Федерации. Рассмотрены полномочия органов, в компетенцию которых входит защита социальных прав граждан. Изучены статистические данные, на основании чего автор выделяет наиболее актуальные вопросы, интересующие граждан в сфере защиты социальных прав.

Ключевые слова: социальные права; механизм защиты; социальное обеспечение; Конституция Российской Федерации.

Введение. Одной из основных задач государственных органов Российской Федерации (далее – РФ) является реализация действия механизма защиты прав и свобод граждан. В настоящее время обеспечение защиты социальных прав выступает в качестве ключевого направления в политике РФ. Безусловно, решение вопросов, связанных с реализацией механизма защиты социальных прав, не является основным содержанием деятельности государственных органов РФ, однако данный факт не отменяет того, что практически каждый орган в РФ имеет какие-либо полномочия и обязанности в области обеспечения социальных прав граждан. Это, в свою очередь, свидетельствует о значимости внутригосударственных механизмов защиты социальных прав человека [1, с. 235].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что внутригосударственный механизм защиты социальных прав человека представляет собой комплекс организационно-правовых действий государственных органов и общественных организаций конкретного государства, действия которых направлены на обеспечение реализации охраны и защиты социальных прав граждан данного государства. Эти действия состоят из сложной структурно организованной системы мероприятий, каждое из которых имеет свое функциональное предназначение. Мероприятия по защите социальных прав граждан взаимосвязаны, как и органы, реализующие их на практике.

Основное исследование. РФ как демократическое государство предоставляет своим гражданам достаточно обширный арсенал правовых механизмов защиты социальных прав, что закреплено в положениях Конституции РФ (ст. 45). В систему защиты социальных прав человека входят не только различные государственные органы, но и общественные образования и даже некоммерческие формирования. В соответствии с законодательством РФ на правовую защиту также могут претендовать лица без гражданства, механизм защиты социальных прав которых незначительно отличается от механизма защиты лиц, имеющих гражданство РФ.

Традиционно органы, занимающиеся реализацией механизма защиты социальных прав человека, подразделяются в зависимости от компетенции на органы общей компетенции (Президент РФ, Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ, законодательные и исполнительные органы власти субъектов РФ), в полномочия которых входят не только защита социальных прав человека, но и другие задачи; специальной компетенции (судебные органы, прокуратура, Уполномоченный по правам человека и др.) [2, с. 356]. Более подробно рассмотрим некоторые органы, обеспечивающие функционирование механизма правовой защиты социальных прав человека в РФ.

Несомненно, одно из важнейших мест в системе обеспечения защиты социальных прав граждан занимает Президент РФ. В соответствии с положениями Конституции РФ именно Президент РФ является гарантом прав и свобод человека и гражданина, что можно трактовать как наличие у него обязанности защищать и охранять права своих граждан всеми доступными законными способами. В системе органов общей компетенции глава государства обладает самыми обширными полномочиями, поскольку имеет право давать указания другим органам на применение механизма правовой защиты социальных прав граждан, а также может обеспечить защиту прав тех лиц, которые пострадали от неправомерных действий или бездействий других органов либо в силу иных объективно существующих факторов (безработица, инфляция, преступность) были

подвержены нарушению социальных прав. Согласно ст. 80 Конституции РФ Президент РФ «...обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти» [3], что служит подтверждением того, что глава государства играет ключевую роль в координировании действий других органов в сфере защите прав человека, в том числе социальных. Зачастую именно Президент РФ выступает с законодательной инициативой касательно наиболее важных вопросов механизма правовой защиты социальных прав граждан.

Данные нормативные акты направлены на защиту социальных прав как всего населения страны, так и на отдельные категории лиц (например, Указ Президента РФ от 18 октября 2007 г. № 1373с «О некоторых мерах по обеспечению социальной защиты отдельных категорий пенсионеров», Указ Президента РФ от 20 марта 2020 г. № 199 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», Указ Президента РФ от 17 декабря 2020 г. № 797 «О единовременной выплате семьям, имеющим детей» и др.). В нормативные правовые акты, принятые Президентом РФ, своевременно вносятся изменения, которые соответствуют экономической и социальной обстановке в стране. Например, в 2020 году в период пандемии новой коронавирусной инфекции Президентом РФ были приняты обширные меры по поддержке семей, имеющих детей, а также пенсионеров: введены дополнительные выплаты на детей до трех лет, выплаты в размере 10 тыс. рублей на каждого ребенка от 3 до 16 лет, а также доплаты на детей к пособию по безработице [4]. Это подтверждает важную роль Президента РФ в обеспечении функционирования механизма правовой защиты социальных прав человека.

В системе органов общей компетенции по защите социальных прав граждан определенную роль играют органы законодательной и исполнительной ветвей власти: Федеральное Собрание РФ, занимающиеся непосредственно законодательным регулированием вопросов, связанных с социальным обеспечением граждан, и Правительство РФ, основной сферой деятельности которого является разработка внутренней и внешней политики государства, в частности, в области обеспечения социальных прав человека.

Наряду с органами законодательной и исполнительной ветвей власти, осуществляющими защиту социальных прав человека, отдельно можно выделить Министерство труда и социальной защиты РФ, которое состоит из Федеральной службы по труду и занятости (Роструд), Фонда пенсионного и социального страхования (СФР). Данные органы имеют узконаправленные полномочия в области правовых механизмов защиты социальных прав граждан и являются частью Правительства РФ.

К органам, имеющим специальную компетенцию в области реализации механизма защиты социальных прав человека, относится прокуратура, деятельность которой регламентируется Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Прокуратура РФ является органом, осуществляющим надзор не только за исполнением и соблюдением законов, но и за недопущением нарушения прав и свобод граждан, в том числе социальных. При этом органы прокуратуры не должны превышать свои полномочия и исполнять роль судебных органов, поскольку отправление правосудия является только прерогативой суда. При помощи вмешательства прокурора в реализацию механизма защиты социальных прав граждан можно оперативно пресекать факты нарушений прав и свобод как отдельной личности, так и больших групп населения (например, трудовых коллективов, малочисленных народов или иных категорий граждан, которые нуждаются в особой защите со стороны государства).

Прокурор имеет ряд инструментов прокурорского надзора, одним из которых является проверка законности действий должностных лиц и органов. В целях защиты социальных прав граждан наиболее важным инструментом прокурорского надзора выступает работа с обращениями граждан по поводу нарушения их социальных прав. В ходе рассмотрения и проверки заявлений и жалоб граждан прокурор проводит разъяснительную работу относительно порядка защиты социальных прав заявителей, принимает меры, направленные на предупреждение и пресечение подобных нарушений, а также привлекает нарушителей к ответственности и возмещению причиненного вреда.

Немаловажную роль в защите социальных прав граждан играет институт Уполномоченного по права человека в РФ. В РФ достаточно хорошо развита система уполномоченных (например, Уполномоченный по социальному страхованию, по правам ребенка, по охране труда и т. д.), которые в большинстве своем связаны именно с обеспечением социальных прав человека. Деятельность данного института регулируется Федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». Уполномоченный не подчиняется никаким органам: в сфере своей компетенции он неприкосновенен в течение всего срока полномочий [5, с. 78].

Главными целями Уполномоченного по правам человека в РФ выступают надзор за соблюдением прав и свобод граждан, а также реализация гарантий их государственной защиты. Правовой механизм защиты социальных прав граждан реализуется Уполномоченным по правам человека в РФ путем рассмотрения обращений граждан, которые всесторонне исследуются и проверяются.

По результатам проведенной проверки в случае, если факт нарушения социальных прав был установлен, Уполномоченный может обратиться в судебные органы (в частности, Конституционный Суд РФ), в прокуратуру либо в иные уполномоченные органы, которые будут принимать соответствующие меры ответственности к нарушителю. Уполномоченный имеет право давать общие рекомендации и свое видение обстоятельств дела в части, касающейся нарушения социальных прав человека.

Проанализируем статистику обращения в данный орган. Начиная с апреля 2020 г. (начало пандемии новой коронавирусной инфекции) на горячую линию Уполномоченного поступило 1 113 обращений, что на 7 % больше по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. Наиболее часто тематика вопросов была связана со следующим:

- 1) отсутствие в аптеках средств индивидуальной защиты: масок и дезинфицирующих растворов;
- 2) отсутствие возможности сдать тест на COVID-19 в шаговой доступности либо завышенная стоимость данной услуги;
- 3) от медицинских работников стали поступать обращения по вопросу негарантированности повышения зарплаты в виде доплат к заработной плате в связи с участием в борьбе с коронавирусом;
- 4) обращения, связанные с жилищными отношениями: оплатой съемного жилья, правомерностью требования арендодателя освободить жилое помещение и др.;
- 5) по вопросам, связанным с оформлением и получением детских пособий. Гражданам даны разъяснения, направлены запросы в компетентные органы. Никто из граждан не остался без пособий и других мер социальной поддержки со стороны государства;
- б) по вопросам нарушения трудовых прав: лишение заработка по причине остановки деятельности работодателей, невыплата заработной платы и другие [6].

Правовой механизм защиты социальных прав граждан реализуется также через судебные органы. Право на судебную защиту прописано в ст. 46 Конституции РФ. Данное право не может быть ограничено даже в период военного положения или чрезвычайной ситуации. Граждане могут защищать свои социальные права через суд не только при получении квалифицированной юридической помощи, но и при непосредственном рассмотрении дела в суде в разумные сроки.

Судебная система РФ имеет достаточно разветвленный характер, однако особенное место при защите социальных прав граждан играет Конституцион-

ный Суд РФ. Именно Конституционный Суд РФ рассматривает вопросы соответствия законов Конституции РФ, а также вопросы, связанные с нарушением конституционных прав и свобод граждан.

Выводы. Проанализировав некоторые полномочия органов, в компетенцию которых входит защита социальных прав граждан, можно сделать вывод, что внутригосударственные механизмы защиты социальных прав человека в РФ имеют всестороннее развитие. Определенными обязанностями по защите социальных прав граждан обладают как органы общей компетенции (Президент РФ, Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ), так и специальной (Министерство труда и социальной защиты РФ, Роструд, СФР, институт Уполномоченного по правам человека РФ и т. д.). Наличие столь обширных механизмов защиты социальных прав позволяет любому гражданину в зависимости от ситуации выбрать порядок и способ защиты своего права, которые на должном уровне будут обеспечены компетентным органом.

Примечания

1. *Игнатенко Г. В.* Международное право и внутригосударственное право: проблемы сопряженности и взаимодействия: сборник научных публикаций за сорок лет (1972–2011 гг.). Москва: Норма: Инфра-М, 2019. 416 с.

2. *Ковалев А. А.* Международная защита прав человека: учебное пособие. Москва: Статут, 2017. 591 с.

3. Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием // Российская газета. 2020. 4 июля.

4. Льготы и господдержка в период коронавируса // Госуслуги: сайт. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/2020_04_15_coronavirus_benefits (дата обращения: 18.12.2023).

5. *Бурков А. Л.* Конвенция о защите прав человека в судах России: монография. Москва: ВолтерсКлувер, 2020. 448 с.

6. Деятельность Уполномоченного по правам человека в период пандемии // Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации: сайт. URL: https://ombudsmanrf.org/news/corona_v/view/deyatelnost_upolnomochennogo_po_pravam_cheloveka_v_period_pandemii (дата обращения: 18.12.2023).

РАЗДЕЛ II ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.9

Абаринов Андрей Дмитриевич,

адъюнкт адъюнктуры,

Нижегородская академия МВД России (603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3).

E-mail: abarinovandrew@gmail.com

Беспилотный летательный аппарат как объект криминалистического исследования

Аннотация: в настоящей статье рассмотрены вопросы исследования беспилотных летательных аппаратов. В связи с актуальностью проблемы и практики расследования преступлений, совершаемых с применением беспилотных летательных аппаратов, нередко возникают объективные сложности в расследовании преступлений. Криминалистическое исследование беспилотных летательных аппаратов требует разработки новых методик исследования.

Ключевые слова: преступления; беспилотные летательные аппараты; исследование; расследование.

Введение. Преступная деятельность постоянно совершенствуется и модернизируется, в том числе и путем использования новых технических средств и методов, поэтому в рамках расследования преступлений, совершенных с использованием беспилотного летательного аппарата (далее – БПЛА), особое внимание необходимо уделять исследованию данных объектов [1]. На современном этапе БПЛА используются и при совершении преступлений террористической направленности, что еще раз подчеркивает актуальность рассматриваемого вопроса.

Основное исследование. Дроны, также называемые БПЛА, беспилотной авиационной системой (БАС), малой беспилотной авиационной системой (МБАС) или дистанционно пилотируемой авиационной системой (ДПАС), могут использоваться для различных операций: начиная от аэрофотосъемки

и видеосъемки, транспортировки грузов из одного места в другое и заканчивая использованием при совершении преступных деяний.

Следует согласиться с позицией М. В. Савельевой и А. Б. Смушкина, что БПЛА можно определить как аппараты неоднократного использования без экипажа, оснащенные двигателями, поднимающими их в воздух за счет аэродинамических сил, работающие в автономном режиме по специально заданной траектории (либо специально разработанной программе) или управляемые дистанционно операторами, имеющие потенциал для дополнительного оснащения специальными техническими средствами летального и нелетального воздействия, аппаратурой видео- и фотофиксации, иной аппаратурой разведки и мониторинга земной поверхности и водной среды [2].

БПЛА, как правило, состоит из следующих двух типов компонентов.

1. Физические компоненты, из которых состоит корпус и механизмы полета, можно разделить на следующие категории:

– корпус БПЛА: основной фюзеляж БПЛА, используемый для размещения всех остальных компонентов;

– контроллер полета, используется для управления полетом. Это устройство стабилизирует БПЛА и, как правило, принимает навигационные данные от устройства радиоуправления. В более сложных системах контроллером полета можно как управлять удаленно в режиме реального времени, так и предварительно запрограммировать для автономного полета;

– двигатели, роторы/пропеллеры/крылья и регуляторы скорости. Эти составные части в сочетании обеспечивают подъемную силу и движение БПЛА. Существуют различные конструкции, например, специализирующиеся на увеличении скорости или продолжительности полета;

– защитный кожух, который надежно защищает двигатели и пропеллеры (наиболее уязвимые компоненты любого БПЛА), предотвращая столкновение, потерю управления и последующее повреждение системы;

– GPS-приемник, не является обязательным для всех БПЛА, но широко используется для эффективного управления положением БПЛА, функционального возвращения в заданную точку и выбора автономных маршрутов полета;

– радиоприемник, используется для приема управляющих входных сигналов, полученных/собранных с наземного передатчика;

– передатчик, передает ручной ввод от оператора на земле на БПЛА;

– светодиодные индикаторы: некоторые БПЛА оснащены светодиодными индикаторами (обычно зелеными и красными), которые могут использоваться для помощи пилоту в ориентации БПЛА и другим пользователям воздушного пространства в идентификации БПЛА (см. рисунок).

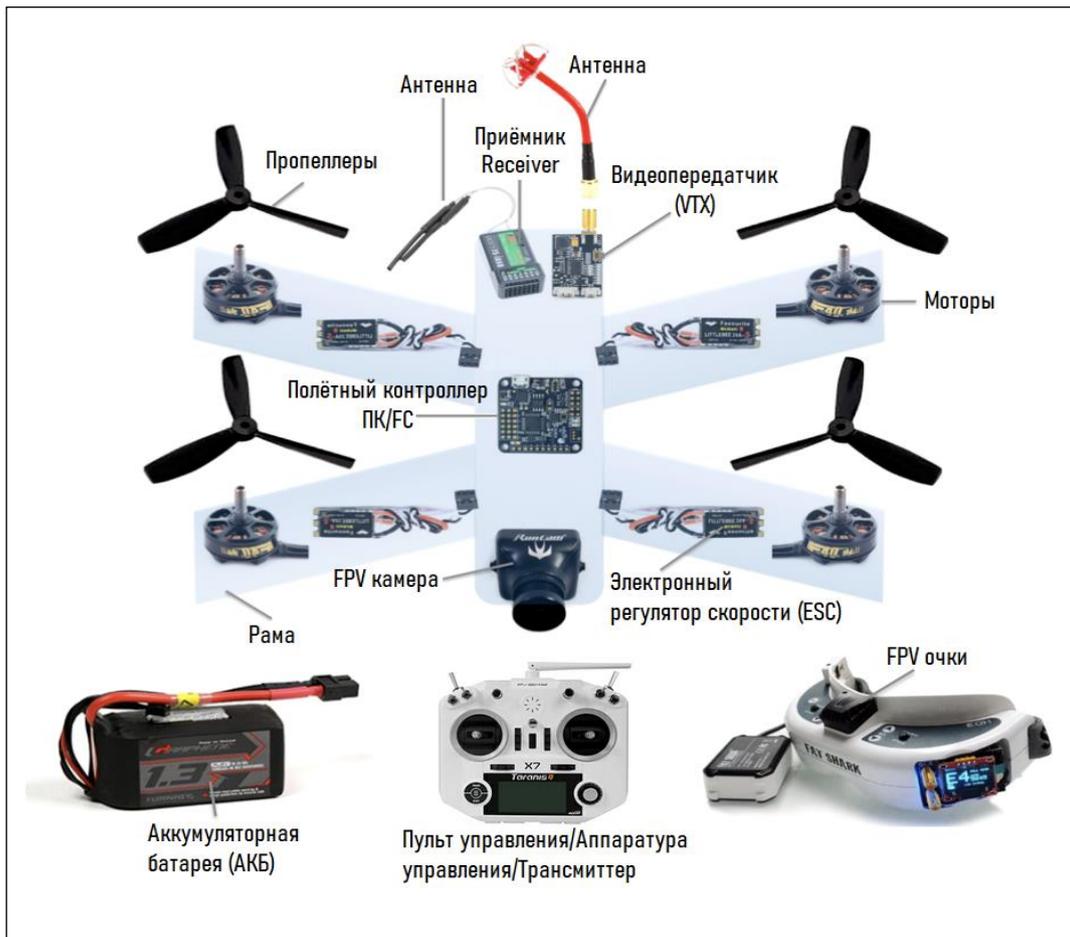

Рисунок. Конструктивные элементы беспилотного летательного аппарата

2. Программное обеспечение. Все БПЛА включают приложение или программное обеспечение, которое используется для управления системой, когда она работает. В настоящее время в интернете доступен огромный выбор приложений для управления полетом и наземным управлением с открытым исходным кодом, которые можно свободно загружать и легко модифицировать для выполнения любого количества задач.

Большинство БПЛА поставляются с сопутствующими мобильными приложениями, позволяющими либо управлять дроном, либо просматривать данные с камеры и местоположение дрона, нанесенные на карту.

Дроны обычно представлены различными типами носителей информации, к которым необходимо применять отдельные методы исследования. Одним из таких типов являются карты памяти. Их можно исследовать как жесткий диск компьютера. С этих карт можно провести как логический, так и физический анализ информации при условии наличия в арсенале эксперта (специалиста) необходимых средств.

Эксперт (специалист) должен получить доступ к карте, извлечь данные, вставить ее обратно в устройство перед включением. Следует отметить, что некоторые устройства хранят данные на карте памяти. Если эксперт (специалист) обнаружит, что карта недоступна, то это может привести к потере данных с дрона.

При исследовании БПЛА эксперту (специалисту) необходимо соблюдать следующую последовательность проведения физического анализа.

1. Если БПЛА включен, то необходимо сфотографировать дисплей контролера (при наличии такового), затем выключить дрон и его компоненты.

2. Изолировать БПЛА от воздействия сигналов GPS/Wi-Fi и других сигналов.

3. При возможности определить марку, модель и иные визуально значимые характеристики БПЛА.

4. Осуществить поиск любых внешних носителей информации, например, SD-карты и др.

5. Произвести фотовидеофиксацию; описать состояние БПЛА и его компонентов.

6. Выполнить упаковку исследуемого объекта; обеспечить дальнейшие меры по его сохранности.

Немаловажным в процессе расследования является установление истории обновления БПЛА; зарегистрированных учетных записей электронной почты; сопряженных устройств; мультимедийных файлов; данных, хранящихся на карте-памяти (географические координаты, путевые точки и местоположение объектов и др.); программного обеспечения БПЛА; CSV-файлов, содержащих тематические данные, диагностику или GPS-координаты и иные данные.

Выводы. В завершении необходимо отметить, что преступления постоянно совершенствуются за счет использования новых технических средств и методов. Осуществляя криминалистическое исследование БПЛА, необходимо учитывать последние разработки электронной цифровой криминалистики и иных технико-криминалистических исследований.

Примечания

1. *Кравченко М. В.* Беспилотный летательный аппарат как средство совершения преступления // Вопросы российской юстиции. 2019. № 4. С. 335–339.

2. *Савельева М. В., Смушкин А. Б.* Беспилотный летательный аппарат как специальное технико-криминалистическое средство и объект криминалистического исследования // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 235–241.

УДК 343.98

Аралкин Николай Александрович,

адъюнкт адъюнктуры,

Нижегородская академия МВД России (603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3).

E-mail: aralkinnik09@mail.ru

**Криминалистическая классификация мошенничества,
совершаемого при реализации государственных программ
в сфере агропромышленного комплекса**

Аннотация: в статье приведена классификация мошенничества, совершаемого при реализации государственных программ развития агропромышленного комплекса. В результате исследования удалось классифицировать мошенничество на основании существующих программ развития отрасли, по признаку организационно-правовой формы субъекта преступления, по документам, содержащим подложную информацию, а также относительно момента совершения обмана конкурсной комиссии.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс; мошенничество; государственная программа; агропроизводитель; бюджетные средства.

Введение. Агропромышленный комплекс (далее – АПК) является одной из ключевых отраслей обеспечения экономической безопасности и важнейшим институтом обеспечения продовольственной безопасности страны. В связи с этим возникает необходимость в комплексном и планомерном развитии отрасли посредством применения ряда мер правового и социально-экономического характера. Наиболее результативным инструментом стимулирования отрасли является государственное финансирование, которое реализуется в виде системы государственных программ по соответствующим направлениям поддержки. Размер государственной поддержки представляется значительным: в 2024 г. выделено 558,6 млрд рублей; на 2025 г. планируется выделение 403,9 млрд рублей; на 2026 г. – 383,8 млрд рублей [1]. Столь значительные суммы финансирования служат аттрактантом для незаконного обогащения недобросовестных агропроизводителей.

Основное исследование. Наиболее распространенным преступлением в сфере АПК является мошенничество, совершаемое при реализации государственных программ развития отрасли, доля которого в совокупности преступных деяний составляет около 54 % [2, с. 39]. Приведенная статистика обуславливает необходимость разработки правоохранительными органами теоретических положений и практических рекомендаций по борьбе с преступлениями исследуемого вида.

Криминалистика как наука ставит перед собой задачу изучения объективных закономерностей преступной деятельности, составляющих предмет криминалистики, результатами которого становятся формирование и дальнейшее совершенствование методик расследования общего и частного уровней. Использование криминалистических методик частного уровня позволяет субъекту расследования выбирать наиболее оптимальные пути и методы расследования, повышая степень эффективности и сокращая срок расследования.

В разработке криминалистических методик большое значение имеет криминалистическая классификация преступлений, формируемая на основе криминалистически значимых особенностей отдельных преступных деяний. Зачастую именно криминалистическая классификация является тем основанием, от которого будет строиться та или иная частная криминалистическая методика. Как отметил А. Ю. Головин, одним из основных средств криминалистического исследования преступной деятельности выступает именно классификационный метод. Классификационное исследование позволяет образовывать полноценную систему криминалистических понятий и терминов, а также формировать основу для дальнейших криминалистических исследований [3].

Для классификации преступлений в качестве классификационного основания многие ученые-криминалисты выделяют уголовно-правовой аспект, поскольку именно на его основе удастся определить родовую, видовую и внутривидовую принадлежность преступления и иные признаки, необходимые для правильной квалификации преступления, и в соответствии с ними разработать необходимую систему расследования. По мнению А. Н. Колесниченко, в основе классификации преступлений на виды (на разновидности, группы и подгруппы) необходимо указывать именно уголовно-правовые признаки, поскольку только уголовно-правовая характеристика всегда в общем виде определяет методику [4]. Схожую позицию занимал и Р. С. Белкин, указывая, что только уголовно-правовой классификацией обозначена область обстоятельств, обязательных для установления при расследовании, и именно такие обстоятельства позволяют определить предмет доказывания и оказывать существенное влияние на содержание частной криминалистической методики [5].

Существуют и иные позиции относительно соотношения уголовно-правовой и криминалистической классификации преступлений. С. В. Пахомов полагает, что уголовно-правовое основание классификации соотносится с криминалистическим основанием таких классификаций, как общее с частным, при этом дополняя, что частные методики, сформированные только на основе уголовно-правовой классификации, не позволят решить весь объем задач ввиду отражения в них положений наиболее общего характера. В то же время формирование криминалистических методик исключительно на базе криминалистически значимых признаков аналогично сужают их эффективность [6].

Не пытаясь оспорить высказанные позиции, отметим, что уголовно-правовая классификация преступлений действительно имеет необходимое и обязательное значение для формирования методики расследования того или иного вида или совокупности преступлений. Однако ввиду того, что криминалистическая наука ставит перед собой задачу изучения преступной деятельности как совокупности событий, содержащих определенные закономерности механизма его совершения, факты и условия, представляющие криминалистический интерес, то считаем возможным выделение некоторых совокупностей преступлений на основании иных критериев, не связанных с уголовно-правовой характеристикой. По мнению Ю. В. Гаврилина, «преступление как объект криминалистического классификационного исследования не должно сводиться только к уголовно-правовому определению, так как значительный интерес представляет рассмотрение преступления как определенного события, как криминальной ситуации, как противоправной деятельности» [7].

АПК является сложной производственно-экономической структурой со множеством направлений хозяйствования, производственных циклов, форм экономических отношений и субъектов хозяйствования, комплексное развитие которых происходит за счет государственного финансирования. Правительством Российской Федерации утверждено пять государственных программ, охватывающих наиболее нуждающиеся направления поддержки, в рамках которых и происходит хищение бюджетных средств.

Учитывая сказанное, целесообразно разделить исследуемый вид мошенничества в разрезе реализуемых государственных программ.

Мошенничество, совершаемое:

- при реализации государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия;
- реализации государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий»;

– реализации государственной программы эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации;

– реализации государственной программы «Развитие рыбохозяйственного комплекса»;

– реализации федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017–2030 годы.

Агропромышленная отрасль включает экономических субъектов различной организационно-правовой формы, руководители которых не всегда соблюдают установленный законом порядок получения бюджетных средств. В связи с этим всю совокупность рассматриваемого вида хищений бюджетных средств можно разделить на мошенничество, совершаемое:

– главой крестьянского фермерского хозяйства;

– председателем сельскохозяйственного кооператива, исполнительным директором кооператива (потребительского, производственного);

– директором, генеральным директором, президентом и иным единоличным исполнительным органом общества с ограниченной ответственностью, акционерного общества;

– гражданином, проживающим в сельской местности и занятым в сельскохозяйственной организации.

Классифицируя рассматриваемый вид мошенничества по следовому отображению, следует отметить, что порядок предоставления государственных выплат предусматривает предварительное предоставление документов в конкурсные комиссии в составе, порядке и сроках, определенных административным регламентом, что обуславливает совершение мошенничества исследуемой категории с подложной документацией. В связи с этим преступления рассматриваемого вида можно разделить:

– на мошенничество, совершенное с использованием подложной документации, оформленной внутри сельскохозяйственной организации (формы годовой отчетности о финансово-экономическом состоянии сельскохозяйственных товаропроизводителей АПК; бизнес-план; справка-расчет; трудовой договор и т. п.);

– мошенничество, совершаемое с использованием подложной документации, составленной в сторонней организации (договоры и платежные поручения, подтверждающие приобретение сельскохозяйственной техники, удобрений и иных субсидируемых категорий расходов, универсальные передаточные документы и т. п.);

– мошенничество, совершенное с использованием подложной документации, полученной из государственных органов (справка из инспекции Федеральной

налоговой службы об исполнении налогоплательщиком обязанности по уплате налогов, сборов, пеней, штрафов, процентов; справка из органов управления муниципального образования об отсутствии средств финансовой поддержки субсидий или грантов за счет средств муниципального бюджета, справка из государственного внебюджетного фонда о состоянии расчетов по страховым взносам, пеням, штрафам и т. п.).

Механизм совершения хищения бюджетных средств, выделенных на развитие АПК, может быть достаточно вариативен, однако основная ключевая особенность присутствует во всех способах совершения рассматриваемого вида преступлений. Она предполагает предоставление подложной документации в конкурсную комиссию. В зависимости от сущности поддержки предоставление такой документации может осуществляться в разные моменты относительно процедуры получения и реализации бюджетных денежных средств.

Таким образом, совершение действий, направленных на обман конкурсной комиссии, может происходить как до момента получения бюджетных денежных средств (при предоставлении документов, являющихся основанием для получения субсидии, гранта), так и после растраты выделенных денежных средств в момент предоставления отчета о целевом расходовании денежных средств.

Выводы. Поскольку перечень государственных программ достаточно широк, а формы экономической деятельности и направлений хозяйствования весьма разнообразны, то и способы мошенничества исследуемого вида представлены огромным массивом, привести исчерпывающий перечень классификаций которых нельзя. Нами представлены лишь группировки мошенничеств, совершаемых при реализации государственных программ в сфере АПК по наиболее очевидным основаниям, что дает возможность в дальнейшем продолжить анализ указанного вида преступлений.

Примечания

1. Государственные программы // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации: сайт. URL: <https://mcx.gov.ru/activity/state-support/programs/> (дата обращения: 20.12.2023).

2. Сведения о преступлениях, связанных с реализацией приоритетного национального проекта «Развитие АПК»: сборник по Российской Федерации за 2018–2022 гг. Москва: ГИАЦ МВД России, 2022. С. 39.

3. *Головин А. Ю.* Базовые криминалистические классификации преступлений // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2. С. 31–40.
4. *Колесниченко А. Н.* Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1976. С. 14.
5. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: учебник: в 3 т. Москва: Юрист, 1997. Т. 3. С. 325.
6. *Пахомов С. В.* К вопросу об основаниях и значении криминалистической классификации преступлений, совершаемых в агропромышленном комплексе // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 2 (89). С. 210–214.
7. *Гаврилин Ю. В.* Расследование преступлений, посягающих на информационную безопасность в сфере экономики: теоретические, организационно-тактические и методические основы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2009. 55 с.

УДК 343.3

Абдулханьянов Ильяс Абдулхаевич,

преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,
Нижегородская академия МВД России (603950, г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, д. 3).

E-mail: abdulxann@gmail.com

Понятие эффективности фикции в уголовном праве

Аннотация: изучению подвергается широко распространенная в юридической науке категория «эффективность», используемая для качественной характеристики отдельных правовых явлений, норм и институтов; обращено особое внимание на ее неоднозначное понимание учеными; актуализируются возможность и необходимость исследования фикции в уголовном праве как одного из средств юридической техники сквозь призму эффективности; формулируется понятие эффективности фикции в уголовном праве.

Ключевые слова: уголовное право; юридическая техника; эффективность; полисемия; фикция; эффективность фикции; понятие.

Введение. Комплексное исследование гносеологических средств, задействованных в процессе юридической деятельности, не должно сводиться к догматическому описанию конкретных норм, в основе конструирования которых они лежат. Отвлеченное комментирование отдельных уголовно-правовых предписаний, сформулированных при помощи фикции, не приближает научное сообщество к образованию целостной и завершенной системы знаний о ней. В существующих монографических трудах, посвященных фикции в праве и уголовно-правовой фикции, в частности, чаще избирался вышеуказанный не вполне продуктивный методологический путь, основанный на изучении ограниченной совокупности норм, созданной при помощи фикции. Такой подход ведет лишь к поверхностному представлению о ней и не позволяет увидеть универсальных, справедливых для всех случаев ее применения правил.

В этой связи обоснованным с научно-практической точки зрения является выработка всеобъемлющих показателей, позволяющих оценить целесообразность использования фикции в каждом конкретном случае. В качестве базового

и центрального критерия оценки ее применения в уголовном законодательстве примем эффективность. По мнению профессора А. П. Кузнецова, формирование взглядов на эффективность отдельных элементов уголовно-правовой действительности дает возможность сформулировать научно обоснованные предложения по совершенствованию и дальнейшему повышению качества реализуемой уголовно-правовой политики [1, с. 315].

Основное исследование. Рассуждая об эффективности использования фикции в уголовном праве, прежде всего следует обратить внимание на исходные термины «эффективность» и «эффективность правовых норм», имеющие для данного вопроса фундаментальное значение. Отметим, что интерпретация этих понятий не так часто встречается в соответствующих гуманитарных энциклопедических источниках (юридических, экономических, социологических, психологических).

В филологических словарях под эффективностью понимается свойство объекта, приводящее к нужным, действенным результатам [2, с. 1442]; способность приводить к нужным результатам [3, с. 914].

В философии «эффективность» редко рассматривается в качестве автономного объекта исследования. Рассуждения о ней можно обнаружить в рамках различных теорий причинности, в которых она означает возможность действующей причины произвести определенный эффект; величина, полученная от деления выходного потока системы на ее входной поток [4, с. 727].

В юридической науке проблема эффективности правовых норм была актуализирована не так давно, однако практически сразу приобрела статус «вечной», неразрешимой, находящейся в мировоззренческой плоскости философии права. Это подтверждается отсутствием в юриспруденции общепризнанного определения понятий «эффективность права», «эффективность правовых норм» и производных от них, несмотря на то, что этим вопросам посвящено множество исследований авторитетных советских и российских ученых-юристов. По мнению Г. П. Толстопятенко, специалисты изучают эффективность в праве с момента появления юридической науки и будут делать это вплоть до исчезновения права [5, с. 246].

Проблемы эффективности правовых норм стали особенно активно обсуждаться во второй половине прошлого столетия. В. М. Баранов и П. В. Ремизов связывают их постановку в современном дискурсе с публикацией в 1965 г. статьи А. С. Пашкова и Д. М. Чечота [6, с. 242]. Впоследствии она получила продолжение в двух теоретических фундаментальных монографиях [7; 8], а также во множестве научных статей [9; 10; 11; 12] и специально-отраслевых исследованиях [13; 14; 15; 16].

В настоящее время все чаще рассмотрению подвергается эффективность как отдельных видов правовых норм, так и целых правовых институтов и иных правовых явлений (законодательства, правовых механизмов, отдельных видов юридической деятельности) [17; 18; 19; 20]. Не вдаваясь в существующие дискуссии, отметим принятые взгляды на сущность термина «эффективность правовых норм».

По мнению авторов монографии «Эффективность правовых норм» (1980), наиболее универсальным, применимым к оценке и других правовых явлений нужно считать следующее определение эффективности правовых норм: соотношение между фактическим результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты [8, с. 22]. Поддерживающие их исследователи указывают на то, что нормы права признаются эффективными, когда практика их реализации способствует достижению поставленных целей [21, с. 36].

Не разделяет такой взгляд на эффективность правовой нормы другая группа авторитетных авторов, предложившая иной концепт по рассматриваемому вопросу. Подвергая аргументированной критике несостоятельность «целевого» подхода к пониманию эффективности, они формулируют собственное ее понятие: количественный показатель, отражающий степень соответствия реальных отношений типовой мере, содержащейся в конкретном акте [7, с. 36].

Ф. Н. Фаткуллин и Л. Д. Чулюкин представляют эффективность как сугубо внутреннее свойство правовых норм, отражающее их способность оказывать благоприятное воздействие на объект в заданном направлении [22]. И. А. Зенин под ней понимал свойство, раскрывающееся в положительном влиянии на общественные отношения [23, с. 155]. По заключению В. М. Баранова, эффективность правовой нормы – это свойство, выражающее меру ее пригодности [24, с. 286].

Солидаризируемся с Д. М. Нартымовым, выдвинувшим тезис о том, что все сложившиеся взгляды на эффективность правовой нормы можно обобщенно разделить на две большие группы: к первой относятся авторы, связывающие ее с внутренним свойством правовых явлений (субъективный), ко второй – те, кто рассматривает эффективность сквозь призму результативности воздействия нормы на общественные отношения [25, с. 48–49]. Не претендуя на исчерпывающее разрешение столь сложного вопроса, полагаем, что два указанных концепта эффективности правовых норм неразрывны и образуют диалектическое единство, в связи с чем сегодня имеется настоятельная потребность в выработке интегрированного современного подхода к правовой эффективности с учетом появившихся, ранее не существовавших элементов правовой действительности.

Несмотря на имеющиеся противоречия, никем не опровергается идея об эффективности правовой нормы как положительном ее качестве, к достижению которого обязаны стремиться законодательные и правоприменительные органы. Необходимо согласиться с профессором В. М. Барановым, указывающим на то, что об эффективности допускается говорить лишь тогда, когда положительные последствия ее реализации преобладают над отрицательными [24, с. 284].

Обобщая вышеизложенное, отметим, что слово «эффективность» во всех сферах человеческой жизнедеятельности практически всегда используется для характеристики какого-либо положительного результата, выражающего объем затраченных средств, для достижения поставленной цели. Кроме того, общенаучная категория «эффективность» часто употребляется при обсуждении проблем, связанных с выбором рациональных способов достижения цели. Несмотря на существование дискуссий в научной среде, никем не отрицается то, что эффективность – это продуктивное свойство, раскрывающее результативное воздействие правовой нормы на объект управления.

В уголовно-правовой науке эффективность предстает многозначным, универсальным мерилom, применяемым к разным объектам уголовно-правовой действительности. Как отмечает С. Ю. Бытко, в доктринальной литературе в разное время в качестве предмета изучения представляла эффективность: уголовно-правового регулирования, уголовной политики, уголовного закона, уголовной ответственности, реализации отдельных уголовно-правовых институтов и норм, уголовных наказаний, процедуры их исполнения, целей наказаний, судебной практики и т. д. [26, с. 168–168]. Н. Ф. Кузнецова указывает на эффективность уголовного закона как на достижимость целей уголовно-правового регулирования [11, с. 38]. А. П. Кузнецов под эффективностью уголовного закона понимает достижение позитивного результата в сфере уголовно-правовой охраны общественных отношений [1, с. 320].

В качестве общего, охватывающего своим содержанием все иные понятия выступает категория «эффективность уголовно-правового регулирования». Ее уровень определяется эффективностью уголовной политики, уголовного закона и практики его применения. Эффективность уголовного законодательства, в свою очередь, зависит от эффективности уголовно-правовых институтов и отдельных норм. Эффективность последних складывается из множества факторов, в числе которых и эффективность используемых при их конструировании и интерпретации юридико-технических инструментов, в том числе и фикции. Она непосредственным образом влияет на качество ряда уголовно-правовых предписаний (деформирующих объективную действительность) и занимает во всей

вышеперечисленной системе очень локальное место, является одним из множества показателей, влияющих на эффективность уголовно-правового регулирования.

Выявив наиболее общие и в то же время наиболее авторитетные точки зрения на исследуемое понятие, перейдем к изучению эффективности фикции в уголовном праве. Эффективность фикции (впрочем, как и других интеллектуальных средств юридической техники – презумпции, преюдиции, символов и т. д.) не стоит отождествлять с эффективностью нормы, в основе которой она лежит. Эффективность применяемого при формулировании и толковании того или иного гносеологического средства составляет лишь один (хотя и очень важный) из частных фрагментов структуры эффективности уголовно-правовой нормы. Кроме него, в эту систему входит эффективность отдельных логических элементов нормы (гипотезы, диспозиции и санкции). Однако далеко не всегда удастся подробно расщепить столь тонкие фрагменты отдельного правового предписания и оценить эффективность каждого из них. Уголовно-правовая норма предстает результатом сложного синтеза многочисленных интеллектуальных, юридико-технических, формально-логических и социально-политических элементов, образующих цельную систему, призванную регулировать общественные отношения. По этой причине оценку эффективности фикции в уголовном праве стоит осуществлять сквозь призму ее окончательного заформализованного вида, то есть через уголовно-правовое предписание.

В каком случае фикция называется более эффективной, а в каком – менее эффективной? Вопрос показателей эффективности в праве также разрешается неоднозначно, что связывается со сложностью и многоаспектностью правового регулирования. В качестве основного критерия ее эффективности выступает степень достижения соответствующих целей уголовно-правового регулирования, сформулированными при помощи нее уголовно-правовыми предписаниями. Известна триада диалектически взаимосвязанных категорий, справедливых и для процесса регулирования общественных отношений: цель – средство – результат. В этом плане фикция – одно из средств достижения нормой, также являющейся своего рода средством управления, заложенных в нее правовых, политических, экономических, социальных и других целей. Неправильное употребление при разрешении того или иного уголовно-правового вопроса фикции отдаляет уголовное предписание от достижения абстрактно заложенной в него цели.

Цель в словарных источниках трактуется как предмет стремления; то, что надо, желательно осуществить [3, с. 873].

В философии цель – это элемент поведения и сознательной деятельности человека, характеризующий предвосхищенный в мышлении результат его деятельности. Например, Аристотель трактовал цель как «то, ради чего нечто существует» [27, с. 731].

Цель в праве в самом общем виде интерпретируется как мысленная модель, идеальный образ будущего результата, к достижению которого стремится субъект юридической деятельности, совершая то или иное юридически значимое действие [28, с. 1063]; идеально предполагаемая и гарантированная государством модель какого-либо социального состояния или процесса, к достижению которой при помощи правовых средств стремятся субъекты правотворческой и правоприменительной деятельности [29, с. 10].

В уголовно-правовой науке цель выступает универсальной категорией, выражающей идеальный результат, достигаемый посредством применения к лицу, совершившему преступление, уголовной ответственности, реализуемой в форме наказания, а также иных мер уголовно-правового характера [30, с. 9].

Такой подход к определению эффективности фикции представляется удачным, ведь цели уголовно-правового регулирования так или иначе выводятся из задач уголовного законодательства (ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации), целей наказания (ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации) и т. д.

Одновременно с этим отметим, что, поскольку фикция применяется для формулирования норм многих уголовно-правовых институтов, преследующих различные цели, не вполне целесообразным видится выделение конкретных целей, достижению которых она способствует.

Наряду с достижением цели уголовно-правового воздействия, в качестве еще одного критерия эффективности фикции следует выделить степень юрико-технического совершенства, сформулированного при помощи нее уголовно-правового предписания. Это положение следует из нашего понимания юрико-технического инструментария как иерархической системы правил, приемов и средств. В данном случае фикция не может считаться эффективной, если при ее использовании нарушены, например, языковые, логические или структурные правила юридической техники, приведшие к образованию пробелов, коллизий, терминологических дефектов уголовного законодательства.

Таким образом, в качестве основных критериев эффективности фикции выступает достижение соответствующих целей сформулированными при помощи нее предписаниями и их юрико-техническое совершенство.

Учитывая изложенные ранее взгляды на сущность и содержание эффективности правовых норм, предлагаем следующую дефиницию эффективности

фигции в уголовном праве: *это свойство фикции, заключающееся в способности сконструированного при помощи нее уголовно-правового предписания, достигать положительный результат в регулировании правовых отношений, соответствующий задачам уголовного законодательства.*

Какова практическая значимость определения и повышения эффективности фикции в уголовном праве? Подавляющий объем изложенного до сих пор материала имеет по большей части сугубо абстрактный характер и ориентирован на решение, несомненно, важных, но все же теоретических задач юриспруденции. Через категорию эффективности фикции возможна выработка универсальных требований, обеспечивающих достижение целей уголовного законодательства.

Вывод. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные обобщения.

Во-первых, в юридической науке до сих пор не сложилось единообразного понимания таких категорий, как «эффективность правовых норм», «эффективность уголовно-правовых норм», «эффективность законодательства», «эффективность уголовного законодательства», однако никем не отрицается их положительное, продуктивное значение, используемое для характеристики тех или иных правовых явлений.

Во-вторых, не следует отождествлять эффективность правовой нормы и эффективность фикции, при помощи которой она формулируется. Последняя является лишь одной из частей сложной структуры эффективности правовой нормы, средством обеспечения ее результативности.

В-третьих, под эффективностью фикции в уголовном праве понимается свойство фикции, заключающееся в способности сконструированного при помощи нее уголовно-правового предписания достигать положительный результат в регулировании правовых отношений, соответствующий задачам уголовного законодательства.

В-четвертых, в качестве основных критериев определения эффективности фикции в уголовном праве выступают: 1) достижение сформулированным при помощи нее уголовно-правовым предписанием соответствующих целей; 2) его юридико-техническое совершенство.

В-пятых, для разработки проблем повышения эффективности фикции в уголовном праве следует сосредоточить свое внимание на формулировании универсальных правил ее использования, обеспечивающих соблюдение выше-названных критериев.

Примечания

1. *Кузнецов А. П.* Проблемы теории уголовного права: в 2 т. Нижний Новгород ; Москва: Институт ФСБ России: Юрист, 2013. Т. 2. 496 с.
2. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д. Ушакова. Москва: Терра, 1996. Т. 4. 1550 с.
3. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. Москва: ИТИ Технологии, 2008. 938 с.
4. Современный философский словарь / С. А. Азаренко [и др.]; под общ. ред. В. Е. Кемерова, Т. Х. Керимова. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Академический проект, 2015. 822 с.
5. *Толстомятенко Г. П.* Европейское налоговое право: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2001. 317 с.
6. *Баранов В. М., Ремизов П. В.* Критика законодательства: доктрина, практика, техника: монография. Москва: Проспект, 2018. 352 с.
7. Эффективность действия правовых норм / Я. И. Гилинский [и др.]; редкол.: проф. А. С. Пашков (отв. ред.) [и др.]. Ленинград: Ленинградский университет, 1977. 143 с.
8. *Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С., Глазырин В. В.* Эффективность правовых норм. Москва: Юридическая литература, 1980. 280 с.
9. *Чечот Д. М.* Выявление эффективности некоторых гражданско-процессуальных норм с помощью социологических методов // Проблемы социологии права: сборник статей. Вильнюс: [б. и.], 1970. Вып. 1. С. 82–89.
10. *Козлов В. А.* К вопросу о понятии эффективности права // Вестник ЛГУ. 1972. № 5. С. 109–111.
11. *Кузнецова Н. Ф.* Проблемы изучения эффективности уголовно-правовых норм и институтов // Эффективность применения уголовного закона: сборник статей. Москва: Юридическая литература, 1973. С. 27–52.
12. *Казимирчук В. П., Боботов С. В.* Эффективность права как формы социального контроля // Эффективность применения уголовного закона: сборник статей. Москва: Юридическая литература, 1973. С. 11–26.
13. *Никитинский В. И.* Эффективность норм трудового права. Москва: Юридическая литература, 1971. 247 с.
14. *Шаргородский М. Д.* Наказание, его цели и эффективность. Ленинград: Ленинградский университет, 1973. 160 с.

15. Вопросы эффективности советского уголовного процесса: сборник статей / под ред. Ф. Н. Фаткуллина Казань: Казанский университет, 1976. 159 с.
16. *Цихоцкий А. В.* Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск: Наука : Сибирское предприятие, 1997. 391 с.
17. *Мамай Е. А.* Эффективность правоприменительных процедур: теория, практика, техника: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2011. 284 с.
18. *Ремизов П. В.* Критика законодательства: теория, практика, техника: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2012. 323 с.
19. *Сизова В. Н.* Эффективность российского уголовного законодательства: теоретико-прикладной анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2012. 217 с.
20. *Даровских О. И.* Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2022. 60 с.
21. *Сергейко П. Н., Хутыз М. Х.* Энциклопедия права: учебное пособие. 2-е изд., доп. и перераб. Москва: Былина, 1995. 157 с.
22. *Фаткуллин Ф. Н., Чулюкин Л. Д.* Социальная ценность и эффективность правовой нормы / науч. ред. В. П. Малков. Казань: Казанский университет, 1977. С. 22–26.
23. *Зенин И. А.* Структура, функции и условия эффективности гражданского законодательства в области научно-технического прогресса: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1980. 371 с.
24. *Баранов В. М.* Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики: монография. Саратов: Саратовский университет, 1989. 397 с.
25. *Нартымов Д. М.* Проблемы повышения эффективности наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2010. 250 с.
26. *Бытко С. Ю.* Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания на преступность: теоретический и прикладной аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2018. 471 с.
27. *Философский энциклопедический словарь / редколл.: С. С. Аверинцев [и др.].* 2-е изд. Москва: Советская энциклопедия, 1989. 814 с.
28. *Российская юридическая энциклопедия.* Москва: ИНФРА-М, 1999. 1110 с.
29. *Мызникова Е. А.* Цели в праве: теоретико-прикладной анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 27 с.
30. *Максимов С. В.* Цель в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. 189 с.

УДК 340

Амочкина Екатерина Павловна,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданского права и процесса,

Нижегородская академия МВД России (603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3).

E-mail: momer@mail.ru

К вопросу о недостатках в организации судебно-исковой работы правовых подразделений МВД России

Аннотация: актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что судебно-исковая работа в системе МВД России представляет важное правовое направление деятельности, поскольку выполняет такую ключевую функцию, как защита в судебном порядке прав и законных интересов органов внутренних дел. В статье рассмотрены ключевые недостатки в организации судебно-исковой работы МВД России, которые влияют на их деятельность в целом.

Ключевые слова: МВД России; судебно-исковая работа; недостатки; пути совершенствования.

Введение. На начальном этапе исковая деятельность в правоохранительных органах необходима для защиты законных интересов в суде государственных структур, а также для решения каких-либо спорных (конфликтных) ситуаций, возникающих в процессе работы.

Согласно Инструкции по организации судебно-исковой работы в системе МВД России одна из основных целей – устранение и предупреждение нарушений, повлекших привлечение МВД России к участию в гражданских делах, рассматриваемых судами Российской Федерации. Первостепенной задачей в случае получения копии искового заявления правовыми подразделениями, где одним из участников гражданского дела будет территориальный орган системы МВД России, является оценка на соответствие действующему законодательству действий (бездействий) сотрудников МВД России, по вине которых орган или подразделение системы МВД России привлекаются к участию в судебном гражданском деле, и, как следствие, грамотному составлению встречного искового заявления или контраргументов как ответчика, участвующего в деле.

Исковая работа в системе МВД России имеет следующий функционал:

- 1) сбор полного пакета документов для рассмотрения предмета иска;
- 2) непосредственная подготовка самого искового заявления, то есть его текста;
- 3) составление отзывов и иных заявлений для направления их в судебный орган;
- 4) представление имущественных прав, интересов, отстаивания прав правоохранительной системы;
- 5) учет исковых заявлений, в том числе их отправка, хранение и сортировка;
- 6) введение искового производства;
- 7) подготовка предложений по усовершенствованию исковой деятельности, а также самостоятельное изменение структуры работы [1].

Основное исследование. Исковая работа, включая подготовку материалов для предъявления исков и отзывов на них, осуществляется юридической службой или соответствующим структурным подразделением, в случае отсутствия такой службы. Как верно отметила Л. А. Судолова, суть судебно-исковой работы в органах внутренних дел (далее – ОВД) заключается в проведении ответных мероприятий (способами судебной защиты) по искам, которые предъявляются к подразделению МВД России, о взыскании денежных средств из федерального бюджета Российской Федерации, а также организации работы по предъявлению исков органом (подразделением) в случае нарушения прав и законных интересов такового [2].

В системе МВД России существует целое направление, осуществляющее мониторинг участия МВД России в судебных заседаниях. Сущность настоящего мониторинга заключается в том, что ведется отчетность причин и условий участия представителей МВД России в судебных заседаниях, а также статистика их результатов. Безусловно, у такой системы имеются свои недостатки, которые существенно портят впечатление о деятельности судебно-искового направления в МВД России, а также препятствуют законной защите прав и интересов правоохранительных органов.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим исковую деятельность в МВД России и определяющим порядок защиты, степень организации и обеспечения искового порядка деятельности в суде представителей МВД России, является Приказ МВД России от 27 декабря 2018 г. № 888 «Об утверждении Инструкции по организации судебно-исковой работы в системе МВД России» [3]. Указанный ведомственный приказ является един-

ственным правовым инструментом, на основе которого функционирует исковая деятельность в МВД России.

Усиление внимания к проблеме судебно-исковой работе подразделений МВД России связано с актуальными недостатками, которые имеют место в настоящий период времени в правовых службах ведомства [4].

Во-первых, частые пропуски установленного законодательного процессуального срока для подачи апелляционной или кассационной жалобы. Такое нарушение влечет автоматический проигрыш при разрешении судебного спора. Для наглядности приведем следующий пример: определением городского суда Республики Коми в 2022 г. было отказано МВД России в удовлетворении ходатайства о восстановлении пропущенного процессуального срока на подачу апелляционной жалобы. Суд в обоснование своего решения указал, что решение было вынесено 7 сентября 2022 г., а апелляционная жалоба направлена только 31 октября 2022 г., то есть по истечении законного срока. Представителем МВД России копия решения была получена 19 сентября 2022 г., поэтому доводы МВД России судом не были приняты во внимание, следовательно, срок восстановлен не был. Допущение подобных нарушений в судебно-исковой работе подразделениями МВД России влечет невозможность дальнейшей защиты законных интересов всей системы в целом.

Во-вторых, неявка в судебное заседание представителя МВД России. Подобные действия, а точнее бездействия, указывают на недобросовестное выполнение своих должностных обязанностей, что препятствует эффективной защите, а также восстановлению нарушенных законных интересов органов и подразделений системы МВД России. Например, в суд первой и апелляционной инстанции Псковской области не был направлен представитель МВД России, при этом из содержания жалобы можно было сделать вывод о ненадлежащем уровне ее подготовки, так как при должном извещении уполномоченный представитель не явился на судебное заседание.

В-третьих, непредоставление полного пакета документов в судебный орган. Сюда же можно отнести предоставление документов ненадлежащего качества (неправильное оформление, отсутствие реквизитов и т. д.). В практике суда Московской области определением 2022 г. оставлена без движения апелляционная жалоба МВД России, поскольку суду не были представлены документы, подтверждающие направление или вручение иным участникам дела копии апелляционной жалобы.

В-четвертых, несоблюдение досудебного порядка урегулирования спора, предусмотренного ч. 5 ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, повлекло возвращение судом искового заявления ОВД. Досу-

дебное разрешение претензии истца к ответчику к моменту подачи искового заявления не было должным образом осуществлено, к тому же не истек процессуальный срок рассмотрения претензии ответчиком на момент разрешения вопроса и принятия искового заявления к производству. Это исключило возможность ответчика на разрешение спора во внесудебном порядке. Таким образом, правовые подразделения ОВД должны стремиться к возможному досудебному порядку урегулирования спора, включая соблюдение претензионных сроков.

В-пятых, требования подсудности гражданских дел, указанные в гражданском процессуальном законодательстве, соблюдались не во всех случаях, где участвовали органы внутренних дел, что повлекло затягивание судебного процесса по вине сотрудников правовых подразделений. Примерами рассматриваемого недостатка служат несколько исков, поданных территориальными органами ОВД о взыскании денежных средств в порядке регресса с нарушением порядка подсудности, из-за чего эти исковые заявления были возвращены истцу в установленный законом срок. Следовательно, необходимо более детально изучать предмет и основание иска, чтобы верно определить подсудность рассматриваемого вопроса.

Перечень перечисленных выше нарушений не является исчерпывающим, а лишь указывает на основные и самые частые проблемы, которые имеют место в судебно-исковой деятельности МВД России. Определяющее влияние на судебно-исковую работу оказывают такие недостатки, как слабая процессуальная подготовка к судебному заседанию, неполнота представленных в суд доказательств и прочее. В целом эти недостатки существенно влияют на общее впечатление о системе МВД России, акцентируют внимание на нежелании сотрудников правовых подразделений вникать в рассматриваемые вопросы, как следствие, порождают слабость собственной правовой защиты.

Выводы. Приведенные недостатки наглядно указывают на формальность и поверхностный подход сотрудников правовых подразделений к формированию позиций по судебным делам. Исключение формализма из профессиональной деятельности юрисконсультов приведет к весомым положительным результатам в судебно-исковой работе территориальных органов ОВД.

Отдавая должное той работе, которая проводится специализированными подразделениями системы МВД России в направлении судебно-исковой работы, следует предложить некоторые пути решения обозначенных выше проблем. В первую очередь, это необходимость совершенствования нормативной правовой базы в данной области, а также поэтапный отбор сотрудников с достаточной правовой и профессиональной подготовкой, представляющих интересы МВД России в судах.

В заключительной части исследования отметим, что судебно-исковая работа МВД России является неотъемлемой частью защиты самой правоохранительной системы, поскольку обеспечение самостоятельной и сильной правовой защиты позволит эффективно решать проблемные вопросы в свою пользу.

Примечания

1. *Авдейко А. Г.* Обеспечение защиты интересов территориального органа МВД России в судах и правовая защита его сотрудников // Профессионал. 2018. № 1.
2. *Судолова Л. А.* К вопросу судебно-исковой работы в совершенствовании правового регулирования деятельности МВД России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 9-1. С. 246–249.
3. Об утверждении Инструкции по организации судебно-исковой работы в системе МВД России: приказ МВД России от 27 декабря 2018 г. № 888 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/552220959?section=text> (дата обращения: 11.01.2024).
4. *Суздалов А. П.* Правовая работа в системе МВД России // Бюллетень правового информирования. Специальный выпуск. 2019. № 6.

УДК 342.9

Бугрова Екатерина Геннадьевна,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административного права и процесса,

Нижегородская академия МВД России (603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3).

E-mail: baranova.nnov@mail.ru

Пробелы законодательства о противодействии коррупции

Аннотация: взяв курс на противодействие коррупции, законодатель не всегда может учитывать особенности правоприменительной деятельности, а именно то, как по принятым законам будут работать правоохранительные органы. В связи с этим автором сделан акцент на устранение принципиально острых пробелов законодательства, которые позволяют отдельным лицам избегать ответственности.

Ключевые слова: пробелы законодательства; коррупционные правонарушения; запреты и ограничения; противодействие коррупции.

Введение. Одной из непосредственно важных и актуальных задач совершенствования современного уровня законодательства Российской Федерации (далее – РФ) стали исследование и разработка правовых средств противодействия коррупции в системе государственной службы. Коррупционные деяния, являясь антонимом правомерного поведения, подразумевают явную угрозу установленному режиму публичной власти, а также препятствуют осуществлению муниципального и государственного управления, тем самым создавая неоспоримые трудности при реализации социально-экономических и иных реформ. Исходя из вышеизложенного, следует, что существует прямая потребность в формировании и реализации единой антикоррупционной политики, а равно системы административно-правовых механизмов противодействия коррупционно опасному поведению.

Целостность системы заключается во всеобщем взаимодействии органов государственной власти, местного самоуправления, государственных и муниципальных служащих, направленном на минимизацию коррупционных рисков.

Только такой подход может быть отправной точкой для проведения комплексных мероприятий по противодействию коррупции и ее формам.

Основное исследование. Проанализировав действующее законодательство РФ об административных правонарушениях [1], а также в соответствии с положениями Модельного закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике» [2] к административным коррупционным правонарушениям можно отнести следующие составы: ст. 5.16, 5.17, 5.18, 5.19, 5.20, 5.45, 5.69, 15.14, 15.21, 19.28, 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ [3]). Рассмотрев каждый состав, можно увидеть закономерность: ни одно из правонарушений напрямую не связано с запретами и ограничениями, накладываемыми на государственных и муниципальных служащих. Это обусловлено тем, что подобные границы созданы с превентивной целью: предупредить будущие коррупционные нарушения. Однако это не значит, что не возникает последствия подобного поведения. Разумеется, накладываются соизмеримые и рациональные санкции. Таким образом, можно говорить о наличии дифференцированной системы ответственности за коррупционное поведение. В связи с этим считаем необходимым вводить такой вид наказания, как дисквалификация, для всех лиц, которые носят статус «должностные». Вследствие этого возможно и расширение перечня административных правонарушений, входящих в группу коррупционных, в частности, за осуществление предпринимательской деятельности государственными и муниципальными служащими. Подобного рода наказание следует применять к лицам за повторные, неоднократные грубые нарушения установленных запретов и ограничений.

Одной из задач законодательства об административных правонарушениях, исходя из ст. 1.2 КоАП РФ [3], является нормальное функционирование государственной власти. В свою очередь, одна из целей административного наказания состоит в том, чтобы предупредить повторность (ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ [3]). Следовательно, дисквалификация государственного и муниципального служащего является одним из способов предупреждения административных правонарушений, так как подразумевает исключение субъекта из конкретной сферы общественных отношений и по сути не дает совершить рецидив подобного рода правонарушений. Возникший конфликт интересов как результат такой формы принуждения позволяет проследить субъективную сторону этого вида правонарушений, а именно умысел лица его совершающего. Итог практической реализации помог бы нам провести статистический анализ и проследить тенденцию понижения (повышения) количества совершаемых правонарушений, а также

произвести оценку эффективности действия законодательства о государственной и муниципальной службе.

Нередко встречаются случаи замены административного наказания на различного рода меры дисциплинарного воздействия к государственным служащим. Подобного рода принимаемые решения, к сожалению, исходя из практической интерпретации, являются неэффективными, например, основываясь на содержании ст. 37 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» [4], где говорится, что расторжение контракта по инициативе нанимателя не может препятствовать трудоустройству в иной государственный орган. Расторжение контракта по инициативе нанимателя по различным причинам и аргументам – мера дисциплинарного принуждения, но, исходя из вышеуказанного закона, лицо вновь может занимать должности государственного или муниципального служащего.

Как мы успели заметить, за коррупционные правонарушения применяется чаще всего альтернатива административному наказанию – меры дисциплинарного принуждения, выраженные в форме замечаний, выговоров, неполных служебных соответствий, увольнений. Не будем забывать о вышеупомянутой ст. 37, где указано, что лицо вновь может получить статус государственного или муниципального служащего. Правильно ли это?

Нетрудно провести логическую цепочку и проследить, что подобный пробыл явно не стимулирует должностных лиц соблюдать нормативные правовые акты и только способствует девиантному поведению. Нельзя упускать из внимания и то, что при становлении противокоррупционной политики не использован весь перечень закрепленных законом видов административного наказания, которые возможны для назначения за коррупционные правонарушения.

Известный многим трактат законодательства об административных правонарушениях в 2009 г. предусматривал наложение административного штрафа на юридических лиц в размере до трехкратной суммы незаконного вознаграждения, но не менее одного миллиона рублей с конфискацией вознаграждения, незаконно переданного, предложенного или обещанного от имени или в интересах юридического лица [5].

В Федеральном законе от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» объективная сторона правонарушения, предусмотренного ст. 19.28 КоАП РФ, была расширена двумя квалифицирующими признаками: крупный и особо крупный размеры совершенных коррупционных действий [6].

Подводя итог, необходимо акцентировать внимание, что настоящие редакции законодательства, предусматривающего ответственность юридических лиц за обещание или предложение, а также за непосредственную передачу вознаграждения в пользу третьих лиц или в свою пользу, закономерно и соразмерно установленному штрафу как виду административного наказания. Особенность здесь прослеживается и в том, что конкретный размер этого штрафа напрямую зависит от суммы вознаграждения, потому конкретный предел не установлен, но напрямую зависит от степени и размера причиненного вреда, как это указано выше.

Пробел данной нормы заключается в том, что законодатель с целью замены уголовного наказания или освобождению от ответственности в целом (деятельное раскаяние, добровольный отказ, сообщение о факте взятки, подстрекательство во взяточничестве) вступает в противоречие с одной из основных задач: минимизация количества фактов коррупционных деяний и максимизация освобождения от ответственности в связи с сообщением о факте взяточничества. Например, предприниматель К., давший взятку должностному лицу И., решил сообщить в полицию о совершенном противоправном деянии. Факт дачи и получения взятки раскрыт: должностное лицо И. в соответствии с приговором районного суда наказывается штрафом и лишается должности, а предприниматель К. освобождается от ответственности в связи с деятельным раскаянием, которое спасло взяткодателя от претерпевания наказания, но факт взятки был зафиксирован, предприниматель К. представлял юридическое лицо, соответственно, будет нести наказание по ст. 19.28 КоАП РФ. Исходя из вышеизложенного, нормы административного законодательства, касающиеся правонарушений в сфере коррупции, требуют определенной доработки и конкретизации касательно возможности применения мер административной ответственности не только к юридическим, но и физическим лицам.

Выводы. Пробелы в административном законодательстве по вопросу регулирования коррупционных деяний должны стать основой для глубокого изучения и устранения их законодательными органами с целью минимизации правонарушений. В 90-х годах XX века, когда был введен в общественном потреблении термин «борьба законов», появилось много путей мошенничества и моментально возрос уровень коррупционных деяний, которые в результате конкуренции норм так и не были доказаны и раскрыты. Изучая сложившийся опыт законотворческой практики, условий современного общества, существующего механизма государственной власти, необходимо с большим уровнем внимательности и предусмотрительности применять возможности законотворческой

инициативы с целью повышения уровня качества законодательной системы Российской Федерации.

Примечания

1. О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы: Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/402619978/> (дата обращения: 13.11.2023).

2. Основы законодательства об антикоррупционной политике: модельный закон: принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 15 ноября 2003 г. № 22-15 // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/2569543/> (дата обращения: 13.11.2023).

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 13.11.2023).

4. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/12136354/> (дата обращения: 13.11.2023).

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 09.02.2009 – утратил силу) // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.11.2023).

6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113656/ (дата обращения: 13.11.2023).

УДК 343.3

Бражин Юрий Юрьевич,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,

Нижегородская академия МВД России (603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3).

E-mail: brazhin.yura@bk.ru

О характеристике жертв служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы определения жертв служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение». Конъюнктура проектной деятельности формирует представление о том, что осуществление противодействия невозможно без исследования виктимологических аспектов, что и побудило автора на формирование круга жертв с их описанием.

Ключевые слова: национальный проект «Здравоохранение»; жертва; служебно-экономическая преступность.

Введение. Демаркация тренда развития государства предопределило формирование вектора внутренней политики, что находит отражение в национальных проектах, реализуемых в плоскости решения стратегических задач, стоящих перед страной. Среди глуболежащих и злободневных выступают проблемы, существующие в образовании, демографии, здравоохранении, экономике, которые в совокупности формируют вызовы, ответом на которые выступила широкомасштабная проектная деятельность. О важности этого социально ориентированного инструмента неоднократно упоминалось Президентом Российской Федерации: «Национальный проект “Здравоохранение” направлен на человека, на решение глубоких проблем, возникших в сфере медицины. И основным индикатором эффективности проектной деятельности будет являться именно человек, то как изменится его жизнь, выступает в качестве основного ориентира для государства» [1]. В этой связи пропорциональным выглядит выделение колоссальных сумм бюджетных ассигнований, целевое расходование которых способно положительным образом изменить ситуацию.

Государственное финансирование исполняется уполномоченными субъектами в тесной взаимосвязи с представителями коммерческих сообществ, что может создать почву для формирования преступных, корыстно-ориентированных воззрений.

Основное исследование. Сложившаяся многополярная ситуация мотивирует ученых на проведение исследований, изучение тонкостей, внимание на которые не всегда обращают правоприменители. С этой точки зрения следует внимательно отнестись к вопросу характеристики жертв служебно-экономических преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение», поскольку общественные отношения, которым причиняется вред в результате злодеяний, носит многообъектную основу, что служит основанием полагать о необходимости разработки модели жертв и определении их свойств.

Устоявшейся точкой зрения следует признать позицию Д. В. Ривмана [2], В. С. Устинова [3], чьи идеи легли в основу определения состава жертв. Физические лица рассматриваются авторами в качестве единоличной группы потерпевших от преступной деятельности, поскольку конечный материальный ущерб несет определенный человек в случаях, когда потерпевшим выступает юридическое лицо, то и интересы организации в судебных разбирательствах представляет также конкретное физическое лицо, наделенное на то правом. В целом с данным суждением следует согласиться, но ограничиться представляется неверным. Во многом следует ориентироваться на соображения, представленные П. А. Кабановым [4, с. 26] и И. В. Ильиным [5, с. 197], мысли которых связаны с выделением в качестве жертв юридических лиц или физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность лично либо с привлечением трудового коллектива.

Доктринальные подходы к определению жертв предопределили выдвижение авторской гипотезы о том, что жертвами служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» являются не только физические лица, но и юридические лица независимо от формы собственности, а также физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей.

В целях подтверждения или опровержения упомянутой идеи автор обратился к респондентам (работники бюджетных учреждений здравоохранения) со следующим вопросом: кто, по вашему мнению, является жертвой служебно-экономических преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»?

По предложенным вариантам получены следующие ответы:

– физические лица – 10,8 %;

- негосударственные юридические лица и физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, – 14,4 %;
- особые юридические лица (государственные и муниципальные образования) – 27,5 %;
- все вышеперечисленные – 47,3 % [6].

Важным доводом в поддержку суждения автора мы считаем тот факт, что финансирование проектной деятельности в большинстве случаев ведется из бюджета различных уровней, а непосредственным звеном расходования выступает бюджетная организация, организационно-правовой формой которой является юридическое лицо. Следовательно, в случае хищения бюджетных средств потерпевшим по уголовному делу признается юридическое лицо, чьи интересы в ходе расследования представляет уполномоченное физическое лицо.

Определив круг жертв, методологически верным видится перейти к их характеристике. К жертвам в лице физических лиц относятся граждане, злоупотребляя доверительным отношением которых, должностные лица внушают необходимость оплаты определенных услуг или покупки лекарственных препаратов. Упомянутый тезис есть ситуация нередкая и имеет отражение в приговорах судебно-следственной практики. Так, П., являясь врачом-нейрохирургом, используя свое служебное положение, получил от потерпевших денежные средства в размере более 1 млн рублей за операционные вмешательства и проведение МРТ-исследований. При этом денежные средства на оказание подобных услуг предусматривались бюджетом региона [7]. В этой связи рассмотрим сущностные характеристики таких жертв.

1. Социально-демографическая:

- лицо женского пола;
- возраст старше 35 лет;
- невысокий уровень дохода.

2. Образовательно-культурная:

- отсутствие высшего образования, либо получено более 20 лет назад;
- низкий уровень правовой культуры.

3. Функционально-отношенческая:

– род деятельности никогда не был связан с занятием руководящих должностей;

- лицо находится на пенсии.

4. Нравственно-психологическая:

- излишняя доверчивость;
- вежливость;
- мнительность.

Процесс становления жертвами юридических лиц отличается иными особенностями. Деятельность организаций структурирована, зачастую излишне бюрократизирована, завязана на высоком уровне корпоративной этики, что непосредственным образом предопределяет высокий уровень латентности служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение». Конъюнктура современных юридических лиц отличается сроком существования их организационно-правовой формы (более 7 лет), возрастным руководством данных организаций (старше 45), личными убеждениями сотрудников.

Исследование приговоров судебно-следственной практики демонстрирует состояние, при котором жертвы в лице государственных юридических лиц могут находиться в патовой ситуации по причинам отсутствия специальных познаний в той или иной области. Так, в рамках поставки медицинского оборудования ни одна бюджетная организация не имеет профилированного сотрудника, обладающего знаниями в технической части аппарата и тем более в его обслуживании [8].

Выводы. Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что процесс становления жертвой служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» связан со многими обстоятельствами:

- личными предупреждениями преступников, влияние и действия которых детерминируют ситуации, при которых невозможно «отказаться»;
- использованием злоумышленниками правовых коллизий и нигилизма потерпевших;
- корпоративной этикой сотрудников медицинских учреждений.

Комплексно упомянутые факторы формируют портрет жертв и актуализируют вопрос государственной повестки в части определения приоритетных направлений виктимологической профилактики.

Примечания

1. Стенограмма Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета. 2019. 20 февраля.
2. Ривман Д. В. О некоторых понятиях криминальной виктимологии // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью: сборник научных трудов. Иркутск: Иркутский университет, 1982. С. 16.
3. Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология: монография. Нижний Новгород: Нижегородский юридический институт, 1998. С. 38.

4. *Кабанов П. А.* Криминальная корпоративная криминология: понятие и предмет // Сибирский криминологий журнал. 2006. № 1. С. 26–31.
5. *Ильин И. В.* Теоретические основы борьбы с мошенничеством, совершаемым в экономической сфере (уголовно-правовые и криминологические проблемы): монография / под общ. ред. В. Д. Ларичева. Москва: Юрлитинформ, 2010. С. 197.
6. Нижегородская академия МВД России: официальный сайт. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/4857859> (дата обращения: 30.01.2024).
7. В Москве суд вынес приговор по уголовному делу в отношении бывшего врача, мошенническим путем вымогавшего денежные средства под предлогом оплаты операций и исследований // Генеральная прокуратура Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/news-statemain?item=7794356> (дата обращения: 30.01.2024).
8. Бизнесмен осужден за мошенничество при поставке медоборудования в Нижнем Новгороде // Говорит Нижний: независимое информационное агентство: сайт. URL: <https://govoritnn.ru/biznesmen-osuzhden-za-moshennichestvo-pri-postavke-medoborudovaniya-v-nizhnemnovgorode/> (дата обращения: 30.01.2024).

УДК 343

Дубов Егор Игоревич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,

Нижегородская академия МВД России (603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3);

старший преподаватель кафедры судебной и прокурорской деятельности, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского (603105, г. Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, д. 4).

E-mail: egordubov1997@yandex.ru

Проблемы совокупности и конкуренции преступлений, связанных с контрабандой леса и лесоматериалов

Аннотация: в статье рассмотрены проблемные аспекты борьбы с криминальными посягательствами, сопряженными с незаконным экспортом лесной продукции, входящей в перечень стратегически важных товаров и ресурсов. Конкретно речь идет о действующем уголовно-правовом противодействии таким преступлениям. Одной из сложностей последнего является юридическая оценка схожих деяний, порождающих спорные вопросы квалификации, касающиеся совокупности и конкуренции некоторых уголовных запретов. На основании примеров актуальных судебных решений, доктринальных положений автор формулирует свои предложения по усовершенствованию правоприменительной практики.

Ключевые слова: совокупность; конкуренция преступлений; контрабанда; лес; лесоматериал; незаконная заготовка; таможенная декларация.

Введение. Правовую сложность противодействия преступным посягательствам, связанным с лесной контрабандой, соотносят с одновременным применением положений не только уголовного, но и других отраслей права, а также специфическими особенностями расследования данного вида преступлений. Оно обусловлено проведением большого числа следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий с целью формирования доказательственной базы преступного умысла фигурантов. Последняя включает в себя

изучение и осмотр значительного количества ранее изъятых документов, тщательный анализ нормативных источников в сфере таможенного декларирования товаров, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества (далее – ЕврАзЭС), осмотр и исследование поступивших из органа дознания материалов оперативно-розыскной деятельности, проведение временно затратных судебных экспертиз, большой

объем уголовных дел. По сведениям, представленным на официальном сайте Федеральной таможенной службы России (далее – ФТС России), объем пресеченной контрабанды леса в 2022 г. в восемь раз больше, чем за весь 2021 г., что свидетельствует о кратном увеличении криминальных посягательств в этой сфере. Говоря о степени разработанности обозначенной темы, следует отметить труды А. Р. Акиева [1], А. Л. Репецкой [2], В. А. Косых [3], Е. В. Стельмах [4] и других исследователей [5].

Обозначенная социально-правовая обусловленность побудила автора исследовать проблемы уголовно-правового механизма противодействия преступным посягательствам, сопряженным с контрабандой леса и лесоматериалов. В частности, особое внимание следует уделить спорным вопросам квалификации, а именно возможным практическим ситуациям при возникновении конкуренций или совокупности норм отечественного уголовного законодательства.

Основное исследование. В некоторых случаях способы контрабанды леса могут быть направлены на совершение еще одного криминального посягательства, связанного с неуплатой или уменьшением объема таможенных платежей в отношении не изъятых или не ограниченных в обороте предметов. В таком случае суд приходит к выводу не об охватывании единым умыслом контрабанды таких корыстных деяний, а квалифицирует данные факты по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 194 и 226¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). В качестве практического примера такой ситуации можно рассмотреть вывод суда в приговоре Канского городского суда Красноярского края по делу № 1-277/11701009513045412/2018 от 16 января 2019 года [6]. Согласно материалам решения подсудимый М., будучи директором компании ООО «Феникс», осуществляя предпринимательскую деятельность, достоверно знал о процедурах лицензирования и экспорта лесопродукции. Гражданину М. было известно, что при наличии квот и приобретения леса у арендаторов лесных участков, имеющих законное право на заготовку сосны обыкновенной, таможенная ставка пошлины на вывоз указанного леса составит 15 % от таможенной стоимости, при отсутствии такой лицензии она возрастает до 80 %. В этой связи директор ООО «Ф.» М. с целью уклонения от уплаты таможенных платежей обра-

тился в компетентный государственный орган за получением разовых лицензий. Для этого он собрал документы, среди которых были фиктивные договоры купли-продажи на лес с ООО «Т.», что способствовало избеганию уплаты высоких таможенных пошлин. Суд не принял его утверждения о несвязанности сделки с экспортом леса и не согласился с тем, что ответственность лежит на декларантах. Подсудимый заявлял, что он лишь постановочный директор ООО «Ф.» и не осуществлял фактического управления. Суд также не согласился, что декларанты несут ответственность за неуплату таможенных платежей и контрабанду, так как они представляли таможенным органам документы, которые были предоставлены М., и ошибочно полагали, что действуют в интересах ООО «Ф.».

Проблема конкуренции или возможной совокупности возникает при рассмотрении составов преступлений, предусмотренных ст. 226¹ и 189 УК РФ. С точки зрения объективной стороны данные составы различаются в первую очередь тем, что при совершении контрабанды речь идет о деяниях, направленных на незаконное перемещение предметов через таможенную границу Таможенного союза или Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза, в том числе ввоз и вывоз на таможенную территорию стран данного Союза. При этом, как отмечает В. В. Ульянова, конкурирующая сторона предусматривает уголовно-правовой запрет на незаконный экспорт контролируемых товаров и технологий, под которым понимается их вывоз из Российской Федерации (далее – РФ) без обязательства об обратном ввозе, а также деяния, сопряженные с незаконной передачей контролируемых товаров, которая возможна на территории РФ [7, с. 150]. Получается, что соотношение норм по ст. 189 и 226¹ УК РФ как общей и специальной только на основании различающихся предметов преступных посягательств порождает дискуссию. В этом случае наиболее остро вопрос о разграничении названных преступлений встает в случаях незаконного экспорта из РФ материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники.

В научной литературе, посвященной таким уголовно-правовым проблемам, как разграничение составов преступлений, предусмотренных ст. 189, 226¹ УК РФ, высказываются позиции о различных вариантах итоговой квалификации преступного поведения. Так, речь может идти о наступлении уголовной ответственности только по ст. 189 УК РФ или исключительно по ст. 226¹ УК РФ. Однако не исключены случаи юридической оценки по правилам идеальной совокупности обозначенных преступлений [8, с. 71–72].

Рассуждая о возможной совокупности преступных посягательств, предусмотренных ст. 191¹ УК РФ и 226¹ УК РФ, можно отметить следующее.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 226¹ УК РФ, является установленный порядок перемещения через таможенную границу стратегически важных товаров. При исследовании проблемных аспектов объективной стороны таких противоправных посягательств отмечается существование различных способов совершения преступления, в том числе использование таможенных документов, содержащих недостоверные сведения. Так, в заполненной таможенной декларации в графах 31, 44 может содержаться информация, не соответствующая действительности о производителе леса. Возникает вопрос: каким правоотношениям причиняется вред указанием недостоверных сведений о лесопроизводителе и поставщике лесоматериалов?

Обозначенные данные о лесопроизводителе не оказывают влияния на процедуру таможенного оформления, процесс перемещения, дальнейших связанных с экспортом платежей по пополнению бюджета. Для целей таможенного оформления на лесоматериалах в обязательном порядке указывают номер и дату подачи декларации о сделке с лесоматериалом. Далее сотрудники таможенной службы проводят проверку подлинности той информации, что содержится в декларации, сравнивая со сведениями из системы ЛесЕГАИС. По нашему мнению, внесение в графу 31 таможенной декларации ложных данных не образует состава преступления по ст. 226¹ УК РФ, но стоит иметь в виду, что незаконные приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины охватываются ст. 191¹ УК РФ.

Мы склоняемся к мнению, что совокупность вышеуказанных норм возможна. Например, когда лицо, совершая незаконную рубку лесных насаждений в целях сбыта, стремится реализовать указанный лесоматериал (обладающий на тот момент еще признаками предмета преступления в сфере экономической деятельности (гл. 21 УК РФ)) с нарушениями таможенных правил, при этом данный материал подпадает под признаки тех пород леса, что были проанализированы нами выше. В этой ситуации такой лесоматериал трансформируется в предмет криминального посягательства в сфере общественной безопасности по обороту стратегически важных ресурсов, что подтверждается наличием примеров судебной практики с вмененной совокупностью указанных составов преступлений [9]. Следует отметить, что вышеуказанный факт преступной деятельности совершался в соучастии. Из приговора Ленинского районного суда г. Иркутска по уголовному делу от 8 апреля 2022 г. 1-273/2022 (1-1091/2021) [10]: г-н К. и его сообщники г-ми П., Л., Ш, О. с целью незаконной перевозки древесины от пунктов приема, отгрузки и переработки через таможенную границу в рамках ЕврАзЭС из РФ в Китай, осознавая незаконность своих действий и понимая возможные негативные последствия, такие как нарушение законодательства о обороте дре-

весины, нарушение таможенных процедур и нелегальное перемещение древесины из Таможенного союза, а также угрозу экономической безопасности и финансовой стабильности Иркутской области и всей страны, в период с 10 февраля 2020 г. по 28 февраля 2020 г. на арендованных производственных базах приобрели, приняли и погрузили не менее 4 917,05 куб. метров незаконно заготовленной древесины (хвойного породы из лиственницы и сосны) с последующим незаконным экспортом (контрабандой) в Китай от имени юридического лица ООО «Д.» путем недостоверного их декларирования. Действия подсудимого, действовавшего в составе преступного сообщества, были квалифицированы по ч. 3 ст. 191¹ УК РФ (3 преступления) как приобретение, хранение, перевозка в целях сбыта и сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины, совершенные в особо крупном размере, организованной группой, а также по ч. 3 ст. 226¹ УК РФ (8 преступлений) как контрабанда, то есть незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС стратегически важных ресурсов в крупном размере, совершенное организованной группой.

Выводы. Во-первых, в споре конкуренций уголовно-правовых запретов, предусмотренных ст. 189 УК РФ и 226¹ УК РФ, первая является общей по отношению к последней (специальной), но не исключительно по признаку предмета. В статье 189 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за нарушение общей процедуры экспортного контроля в отношении перечисленных в этой статье предметов, в то время как в ст. 226¹ УК РФ за частные нарушения, связанные с несоблюдением таможенного контроля в отношении конкретных предметов, к числу которых также относятся лесоматериалы [8, с. 71]. В случае совпадения предметов преступного посягательства, указанных в обозначенных уголовно-правовых запретах, можно вести речь о совокупности этих преступлений.

Во-вторых, рассуждая о конкуренции или возможной совокупности ст. 226¹ УК РФ и 191¹ УК РФ, отметим, что сведения о производителе лесоматериалов, вносимые в графы 31, 44 таможенной декларации, не влияют на экспортный процесс. Сотрудники таможни проверяют подлинность информации, содержащейся в декларации, а внесенные ложные данные в таможенной декларации не образуют состав преступления по ст. 226¹ УК РФ, однако если лесная продукция была незаконно заготовлена, приобретена, хранилась, перевозилась с целью дальнейшей реализацией, то это образует состав ст. 191¹ УК РФ. Вполне возможна совокупность вышеупомянутых норм. Например, это может происходить, когда лицо совершает незаконную вырубку лесных насаждений с целью сбыта и пытается продать этот лесоматериал с нарушением таможенных правил. Данный лесоматериал должен относиться к стратегически важным ресурсам, то есть являться предметом ст. 226¹ УК РФ.

Примечания

1. *Акиев А. Р., Фисенко Д. Ю.* Особенности уголовно-правовой оценки объективных признаков контрабанды лесоматериалов (ст. 226.1 УК РФ) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88). С. 62–70.

2. *Репецкая А. Л.* Сравнительная характеристика современного состояния криминальных рынков в России и Китае // Байкальские компаративистские чтения: материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 17–18 марта 2023 года. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2023. С. 240–246.

3. *Косых В. А.* Контрабанда леса и лесоматериалов. Проблемы правоприменения // Мир юридической науки. 2018. № 5. С. 76–82.

4. *Стельмах Е. В.* Актуальные вопросы экспорта лесоматериалов с территории Дальневосточного федерального округа // Региональные проблемы. 2020. Т. 23. № 4. С. 17–21.

5. *Серета О. В.* Основные версии по уголовным делам о преступлениях в сфере лесопромышленного комплекса // Бизнес. Образование. Право, 2022. № 4 (61). С. 267–271.

6. По делу № 1-277/11701009513045412/2018: приговор Канского городского суда Красноярского края от 16 января 2019 г. № 1-277/11701009513045412/2018 1-277/2018 1-3/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9M8HA6gDsDxX/> (дата обращения: 12.01.2024).

7. *Ульянова В. В.* Вопросы квалификации незаконного экспорта из Российской Федерации контролируемых товаров и технологий // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10 (59). С. 148–155.

8. *Ульянова В. В.* Конкуренция статей 189 и 226.1 УК РФ // Уголовное право. 2016. № 1. С. 68–73.

9. По делу № 3/14-3/2020: апелляционное постановление Иркутского областного суда Иркутской области от 22 июля 2020 г. № 22-1983/202022К-1983/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oiSBjPGjVeZb/> (дата обращения: 12.01.2024).

10. По делу 1-273/2022 (1-1091/2021) от 8 апреля 2022 года: приговор Ленинского районного суда г. Иркутска от 8 апреля 2022 года 1-273/2022 (1-1091/2021) // Архив Ленинского городского суда г. Иркутска.

УДК 340.1

Железова Людмила Юрьевна,

адъюнкт адъюнктуры,

Нижегородская академия МВД России (603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3).

E-mail: Zhelezova-2016@mail.ru

Актуальные проблемы установления меры юридической ответственности на примере норм уголовного и административного права

Аннотация: в рамках данной статьи автором проанализированы проблемы, возникающие при установлении и закреплении мер юридической ответственности на примере норм Уголовного кодекса Российской Федерации и норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. При помощи всестороннего анализа правовых норм, закрепляющих меры юридической ответственности, автором выявлены и аргументированы неразрешенные на данный момент времени в теории права проблемы, связанные как с самой процедурой установления мер юридической ответственности, так и с содержанием данных правовых норм.

Ключевые слова: меры юридической ответственности; дисбаланс; справедливость; наказание; санкция; эффективность.

Введение. Юридическая ответственность как неотъемлемый элемент обеспечения законности и правопорядка выступает межотраслевым институтом российского законодательства, однако, несмотря на широкий спектр отраслей права, для которых институт юридической ответственности является одним из наиболее важных, сам процесс установления юридической ответственности в правовых нормах не совершен.

Основное исследование. На сегодняшний день можно выделить проблемы, связанные с установлением меры юридической ответственности.

Во-первых, это недостаточная регламентация самого процесса выбора данных мер, о чем свидетельствует отсутствие четкого ответа на вопрос о том, какие факторы влияют на сделанный законодателем выбор в пользу того или иного вида и размера наказания.

Законодатель ограничивает правоприменителя в пределах усмотрения путем установления в санкциях статей конкретных мер юридической ответственности, выход за рамки которых правоприменителям недоступен. Таким образом, действующие санкции норм права *de jure* признаются справедливыми и соответствующими целям юридической ответственности.

Исследуя действующее законодательство, можно усомниться в наличии у законодателя четких критериев, посредством которых избирается та или иная мера ответственности, ввиду чего и возникает следующий вопрос: на что ориентируется законодатель при выборе вида и размера наказания, когда конструирует нормы права? Проиллюстрируем данный тезис примером, сравнив ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и ч. 4 ст. 206 УК РФ [1] (таблица).

Таблица

Сравнительная характеристика части 2 статьи 105 и части 4 статьи 206 Уголовного кодекса Российской Федерации

Критерии сравнения	Часть 2 статьи 105 УК РФ	Часть 4 статьи 206 УК РФ
Объект	<i>Родовой</i>	
	Общественные отношения, охраняющие личность	Общественные отношения, охраняющие общественную безопасность и общественный порядок
	<i>Видовой</i>	
	Общественные отношения, охраняющие жизнь и здоровье	Общественные отношения, охраняющие общественную безопасность
	<i>Непосредственный</i>	
	Общественные отношения, охраняющие жизнь человека	Общественные отношения, охраняющие основы общественной безопасности
	<i>Дополнительный</i>	
	–	Общественные отношения, охраняющие здоровье, личную свободу человека
	<i>Факультативный</i>	
	–	Общественные отношения, охраняющие жизнь человека

Окончание табл.

Критерии сравнения	Часть 2 статьи 105 УК РФ	Часть 4 статьи 206 УК РФ
Объект	<i>Потерпевший</i>	
	Физическое лицо	Физическое лицо (заложник)
Объективная сторона	<i>Общественно опасное деяние</i>	
	Умышленное причинение смерти другому человеку	Захват или удержание лица в качестве заложника
	<i>Общественно опасное последствие</i>	
	Смерть человека	
Субъект	Вменяемое физическое лицо, достигшее 14 лет	
Субъективная сторона	Умышленная форма вины	Умышленная форма вины + + цель
Квалифицирующие признаки	<i>Сходство</i>	
	Пункты «а», «ж», «г», «з» ч. 2 ст. 105 и п. «ж», «а», «е», «з» ч. 4 ст. 206 УК РФ, соответственно	
	<i>Различие</i>	
	Пункты «б», «в», «д», «е», «е.1» «и», «к», «л», «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ	Пункты «в», «г», «д» ч. 4 ст. 206 УК РФ
Меры юридической ответственности	– Лишение свободы (от 8 до 20 лет) с ограничением свободы (от 1 года 2 лет); – пожизненное лишение свободы; – смертная казнь	– Лишение свободы (от 15 до 20 лет) с ограничением свободы (от 1 года до 2 лет); – пожизненное лишение свободы

Анализируя выбранные составы, можно сделать вывод, что оба преступления относятся к категории особо тяжких [2], имеют весьма схожие общественно опасные деяния, связанные с насильственными действиями в отношении какого-либо лица, и наступившие в результате них последствия, выражающиеся в умышленном причинении смерти человеку. При этом видится весьма логичным, что меры ответственности за указанные преступления будут схожими.

Если обратиться к санкциям указанных норм, то можно заметить, что срок возможного лишения свободы в этих статьях различается: законодатель

увеличивает минимальный порог лишения свободы за захват заложника, повлекший умышленное причинение смерти человеку, до 15 лет, в то время как за убийство этот порог равен 8 годам. С одной стороны, это можно обосновать тем, что ч. 4 ст. 206 УК РФ закреплена законодателем в главе 24 УК РФ, которая, в отличие от главы 16, в которую входит ст. 105 УК РФ, призвана защищать общественные отношения, охраняющие интересы не только отдельно взятой личности, а интересы всего общества в целом. Таким образом, интересы общества имеют приоритетное значение для государства, по сравнению с интересами отдельной личности. С другой стороны, если законодатель при конструировании санкций указанных норм следовал данной логике, то не совсем понятно, почему санкция ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривает высшую меру наказания в виде смертной казни, тогда как санкция ч. 4 ст. 206 УК РФ ограничивается пожизненным лишением свободы.

Во-вторых, актуальной проблемой является отсутствие четких критериев, исходя из которых можно судить о том, что избранная законодателем мера ответственности является справедливой и обоснованной.

Проблеме справедливости в правотворчестве посвящено множество работ, однако, если проанализировать действующее законодательство, и на сегодняшний день в нормах права можно встретить большое количество положений, которые ставят под сомнение справедливость установленных законодателем санкций. Проиллюстрируем высказанную точку зрения, сравним ст. 106 и 166 УК РФ (рис. 1).

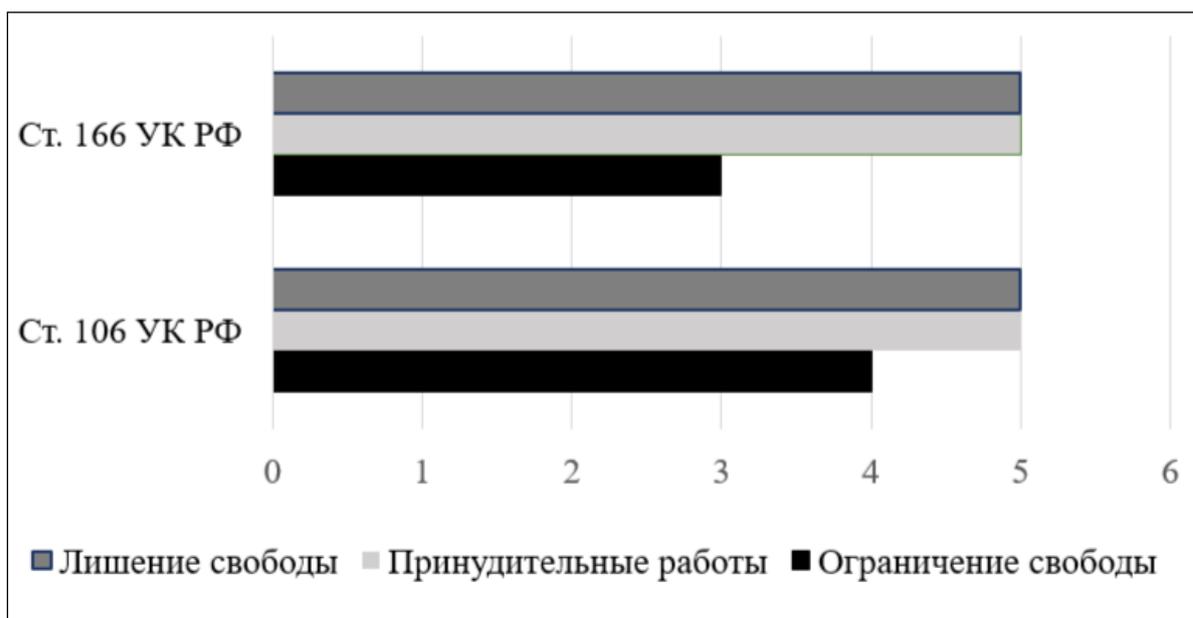

Рис. 1. Меры юридической ответственности по статьям 106 и 166 Уголовного кодекса Российской Федерации

Из представленной диаграммы видно, что законодатель фактически приравнивает меры ответственности (в виде лишения свободы и принудительных работ) за убийство матерью новорожденного ребенка и неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения; что касается такой меры ответственности, как ограничение свободы, то и вовсе за нарушение предписаний ст. 166 УК РФ срок устанавливается меньше, чем за нарушение предписаний ст. 106 УК РФ. При анализе приведенной выше ситуации возникают сомнения в справедливости определенных законодателем санкций, поскольку жизнь человека является высшей ценностью, право на которую гарантируется Конституцией Российской Федерации [3] и вернуть которую не представляется возможным, что нельзя сказать об угнанном транспортном средстве.

В-третьих, вопрос обоснованности и соответствия избираемых законодателем мер юридической ответственности интересам общества и государства также видится нам весьма проблемным. Проиллюстрируем это на примере ч. 1 ст. 6.21, ч. 1 ст. 6.21.1 и ч. 1 ст. 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [4] (рис. 2).

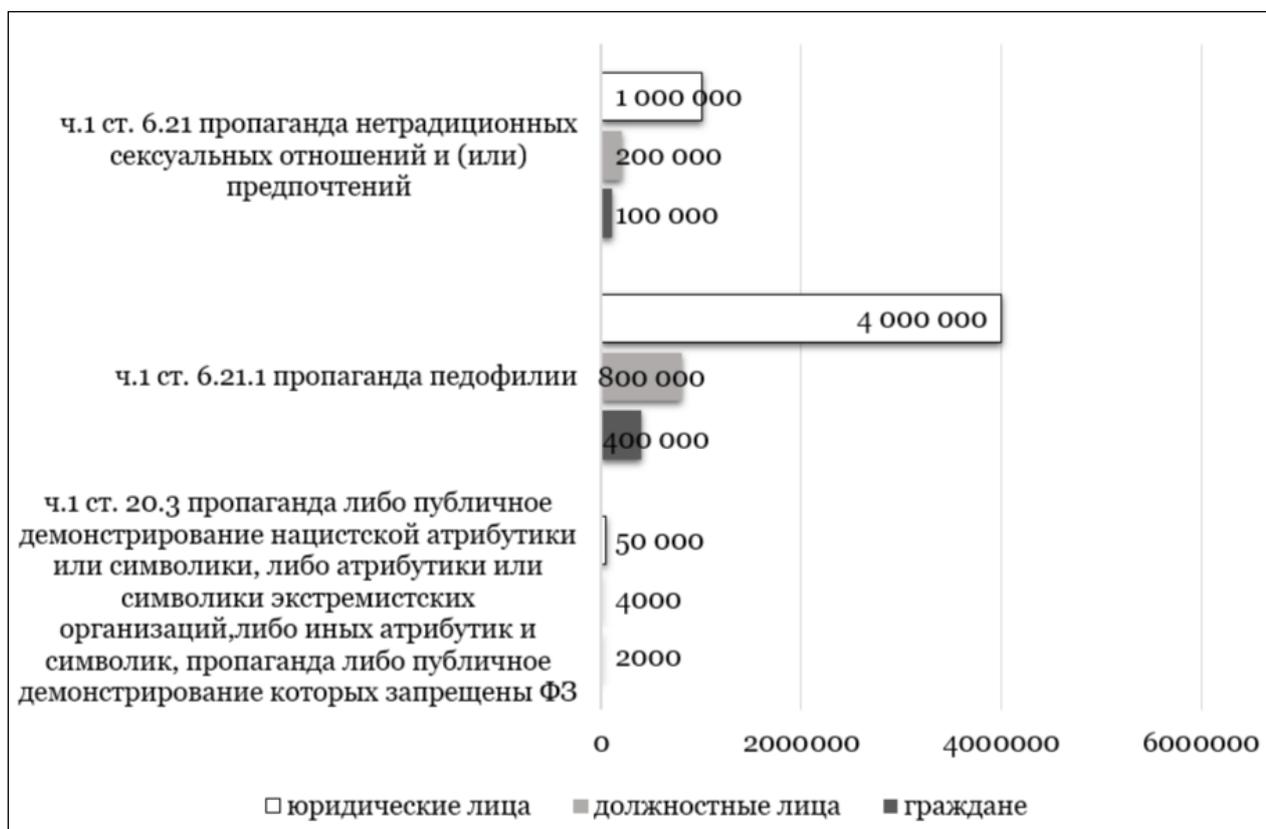

Рис. 2. Максимальные пределы административного штрафа по статьям 6.21, 6.21.1, 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Исходя из анализа указанных статей, можно сделать вывод, что все они связаны с пропагандой различного рода преступного поведения, которое представляет особую опасность для нашего общества и государства. Так, деяния, предусмотренные ст. 6.21 КоАП РФ, подрывают представления о традиционных ценностях Российской Федерации, формированию и защите которых на сегодняшний день (ввиду активного продвижения прав и свобод ЛГБТ в ряде европейских стран) наше государство отводит довольно большое значение [5].

Деяния, предусмотренные ст. 6.21.1 КоАП РФ, могут способствовать росту числа насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних, что также несет весьма серьезную опасность как для нашего общества, так и государства.

Наконец, ст. 20.3 КоАП РФ, которая предусматривает ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, а также иных атрибутик или символов, пропаганда и демонстрирование которых запрещены федеральными законами. Как видно из диаграммы (см. рис. 2), размер административного штрафа за указанные деяния в разы отличается от ранее рассмотренных статей (для юридических лиц – в 20 и 80 раз; должностных лиц и граждан – в 50 и 200 раз), что, по нашему мнению, явно нельзя назвать обоснованным и соответствующим интересам нашего общества и государства.

В свете последних событий можно констатировать тот факт, что в современном мире нацизм приобрел новое обличье и продолжает создавать прямые угрозы безопасности Российской Федерации. Об этом упоминал и Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая на концерте в честь 80-летия победы в Сталинградской битве [6]. Это свидетельствует о том, что проблема вновь возрождающегося нацизма становится для нашего государства особо острой, а пропаганда нацистской атрибутики или символики способна только ухудшить существующее положение. Ввиду этого, на наш взгляд, меры ответственности, направленные на борьбу с таким правонарушением, как пропаганда нацистской атрибутики, явно не соответствуют интересам нашего общества и государства и являются необоснованно мягкими.

Аналогичная ситуация имеет место и с пропагандой атрибутики или символики экстремистских организаций, поскольку указанные деяния способны привести к увеличению числа экстремистских преступлений, которые, исходя из состояния преступности за период с 2018 по 2022 г., только возрастают [7]. Борьба с экстремизмом, представляющим одну из основных угроз националь-

ной безопасности Российской Федерации, имеет приоритетное значение для нашего государства.

Рассмотренные примеры демонстрируют нарушение баланса в установленных законодателем мерах юридической ответственности, что может привести к весьма негативным последствиям, как для правовой системы, так и для развития общества и государства в целом [8].

В-четвертых, неразрешенной остается проблема, касающаяся эффективности существующих в нормах права санкций, поскольку вопрос о том, достигаются ли те цели, для достижения которых и были установлены меры юридической ответственности, также остается открытым.

Одной из основных целей наказания признается предупреждение новых правонарушений как самим правонарушителем (частная превенция), так и другими лицами (общая превенция) [9]. Судить об эффективности действующих санкций можно, как минимум основываясь на анализе данных о состоянии преступности, которые свидетельствуют о том, что более половины совершивших преступление лиц ранее уже привлекались к ответственности [10] (рис. 3).

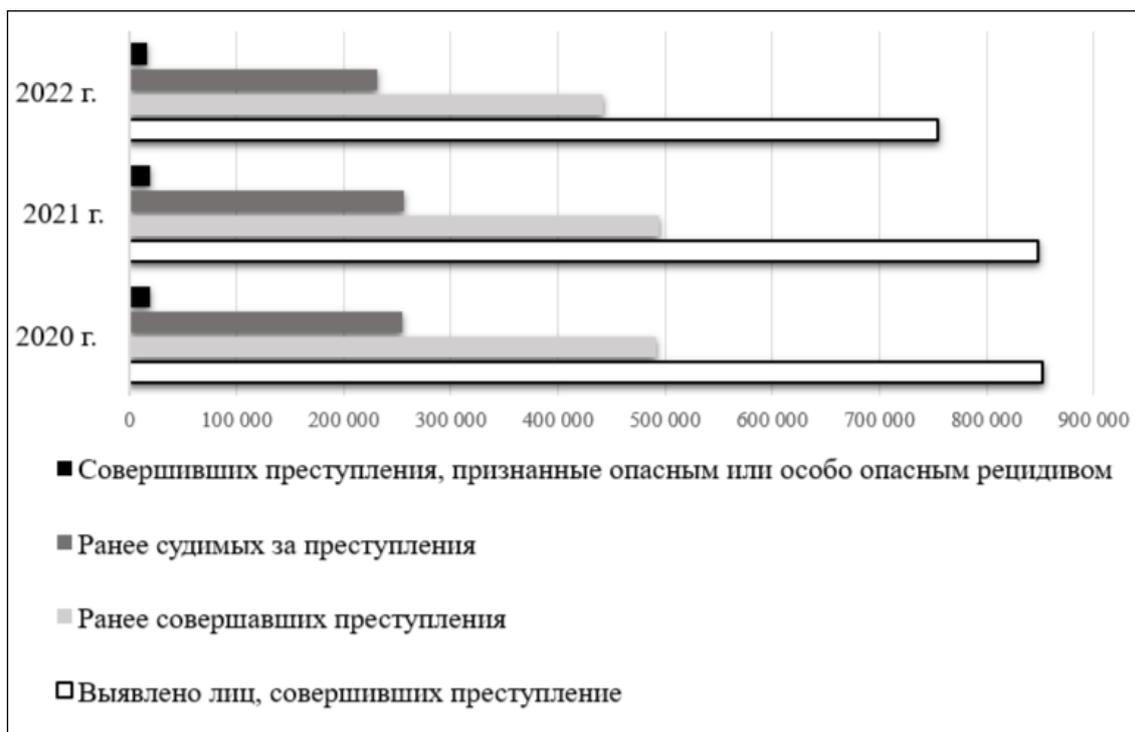

Рис. 3. Сведения о лицах, совершивших преступления

Приведенные данные свидетельствуют о недостаточной эффективности юридической ответственности и позволяют усомниться в том, что цели наказания достигаются.

Выводы. На основании изложенного можно судить о том, что многие вопросы, связанные с процессом установления меры юридической ответственности, носят проблемный характер.

В действующем законодательстве возможно без труда отыскать большое количество примеров, свидетельствующих о явном дисбалансе юридической ответственности, а также об отсутствии справедливости, обоснованности и эффективности в ряде установленных законодателем мер юридической ответственности. Все это обуславливает необходимость проведения подробного научного исследования касательно процесса законодательного выбора меры юридической ответственности (наказания).

Примечания

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12 октября 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

2. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России, МВД России от 24 января 2020 г. № 35/11, 1 (ред. от 13 июля 2020 г.). Перечень № 7 особо тяжких преступлений // КонсультантПлюс: сайт. Режим доступа: по подписке (дата обращения: 23.01.2024)

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета, 2020. 4 июля.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 19 октября 2023 г.) // Российская газета. 2001. 31 декабря.

5. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/77839.html> (дата обращения: 23.01.2024).

6. Торжественный концерт по случаю 80-й годовщины разгрома немецко-фашистских войск в Сталинградской битве // Президент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/70434> (дата обращения: 23.01.2024).

7. Ежемесячные сборники о состоянии преступности в России за 2018, 2019, 2020, 2021, 2022 годы // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики: сайт. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 23.01.2024).

8. *Кушнир И. В.* Дисбаланс юридической ответственности в законодательстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. Саратов, 2021. С. 3–10.

9. *Толстик В. А.* Цели и принципы юридической ответственности (наказания): проблемы согласования // Права человека и подготовка специалистов для правоохранительных органов в контексте реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики государства: отечественный и зарубежный опыт: материалы Международной научно-практической конференции: в 2 ч., г. Владимир, 21 ноября 2013 года. Владимир: Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2013. С. 317–326.

10. Ежемесячные сборники о состоянии преступности в России за 2020, 2021, 2022 годы // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики: сайт. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 10.11.2023).

УДК 343

Ковалев Александр Федорович,

преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,
Нижегородская академия МВД России (603950, г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, д. 3).

E-mail: velnos@mail.ru

Особенности карательного воздействия конфискации как меры государственного принуждения

Аннотация: в статье проведен ретроспективный анализ конфискации имущества как меры государственного принуждения. Дана оценка принимаемым изменениям в Уголовный кодекс Российской Федерации, сопряженным с расширением перечня ст. 104¹ Уголовного кодекса Российской Федерации. Автор делает вывод о необходимости дальнейших законодательных изменений в части применения конфискации имущества не как иной меры уголовно-правового характера, а как уголовного наказания к лицам, совершившим в первую очередь коррупционные и должностные преступления. Это обусловлено исторически детерминированным характером карательного воздействия конфискации имущества.

Ключевые слова: карательное воздействие; конфискация имущества; меры государственного принуждения; уголовное наказание.

Введение. В марте 2024 года органы законодательной власти Российской Федерации (далее – РФ) приняли федеральный закон, расширивший возможность использования конфискации имущества в качестве карательного элемента уголовной политики [1]. Основной акцент сделан на борьбе не с коррупционной преступностью или преступными деяниями, имеющими явные материальные последствия, а с преступлениями, включенными в Особенную часть Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) после февраля 2022 года.

Продолжительное время конфискация, которая выступает иной мерой уголовно-правового характера, широко не применялась. Это можно связать с тем обстоятельством, что она потеряла свой уникальный карательный потенциал. Во-первых, в 2003 г. ее исключили из системы уголовных наказаний, а равно из текста УК РФ [2]. Во-вторых, в 2006 г. ее все-таки вернули, но уже в измененном виде: не как вид наказания, а как иную меру уголовно-правового характера [3].

Вследствие указанного конфискация потеряла свой потенциал в качестве кары за совершенное преступление и стала дополнительным уголовно-правовым механизмом, нацеленным на изъятие у виновного орудий и средств преступления, а наряду с этим другого имущества (денег, ценностей), полученного в результате осуществления преступного деяния. Что важнее.

В соответствии с ч. 3 ст. 104¹ УК РФ, если указанное имущество передано третьему лицу или организации, то оно конфискуется лишь в том случае, когда принявшее его лицо знало (должно было знать), что передаваемое имущество было получено в результате осуществления преступных действий [4]. Это привело к созданию возможности избежать грозящей конфискации имущества не только за счет использования сложных схем по легализации имущества, добытого преступным путем, но и за счет более простых механизмов передачи имущества другим лицам, в том числе и гражданско-правовых (купли-продажи, дарения и т. п.).

Недостатки конфискации как иной меры уголовно-правового характера, а не наказания, неоднократно становились предметом критики в научной литературе [5]. Поскольку их анализ и обобщение не являются целями настоящего исследования, то разумнее перейти к ретроспективной оценке карательного потенциала конфискации и вопросу о том, как лучше его использовать в настоящее время.

Основное исследование. Говоря о конфискации как об одном из видов ответственности, который облечен в форму закона – правовую норму, нужно обратиться к праву Древнего Рима. Понятие «враг народа» (*hostis publicus*), которое появилось еще во II в. до н. э. благодаря политическому деятелю Луцию. К. Сулле, предусматривало, кроме поражения в гражданских правах и изгнания, конфискацию всех земель и имущества [6, с. 152]. В дальнейшем конфискация широко применялась в Средневековье и во времена деятельности инквизиции, причем в последнем случае, как и в Древнем Риме, она выступала не основным, а дополнительным наказанием: в качестве основного могло выступать телесное наказание или смертная казнь, а дополнительно у еретика изымали все имущество [7].

В отечественной практике применения конфискации, согласно Русской Правде, она напрямую не упоминается в качестве меры принуждения, но фактически входит в такие виды наказания, как *поток* и *разграбление*. Данный вид ответственности применялся только к виновным в совершении наиболее опасных преступлений (убийство, умышленный поджог и конокрадство).

Сущность *потока* до настоящего времени однозначно не определена, но ученые склоняются к версии, что это в большей степени касалось лишения прав, не связанных с имуществом, а *разграбление* выступает синонимом конфискации.

Последнее могло происходить как в пользу пострадавшей стороны, так и в пользу государства в лице князя, так и равномерно распределяться среди народа [8, с. 329].

Без изменений *поток* и *разграбление* как вид ответственности просуществовал до периода укрепления Московского княжества (Московского государства). Конфискация имущества трансформировалась в наказание «взять на государя» и назначалась за совершение наиболее тяжких преступлений не только против личности (убийство и поджог), но в основном за преступные деяния против государства [8, с. 358]. Как видно из названия данной меры принуждения, изъятие имущества происходило однозначно в пользу царя, а не потерпевших от преступления или народа. Наиболее ярко это проявилось в период опричнины, который ознаменован небывалыми до того времени масштабами конфискации имущества (земель, дворов) у наиболее состоятельных представителей общества в пользу государства.

В дальнейшем (до XIX в.) конфискация имущества существовала как отдельный вид уголовной ответственности за преступления против общества и государства. Некоторые наказания (шельмование, политическая смерть) предусматривали конфискацию имущества у виновного, хотя прямо не указывали ее [8, с. 373–374].

Таким образом, ретроспективно конфискацию имущества назначали за совершение преступных деяний, посягавших на безопасность государства и общества, к которым относились и коррупционные преступления (мздоимство, лихоимство, казнокрадство и др.).

В советскую эпоху начинается золотой период применения конфискации имущества. Она сразу была включена в систему уголовных наказаний и получила широкую правоприменительную практику [9, с. 373]. Это объясняется тем, что в первые годы становления советской власти непременно надо было изыскать дополнительные средства для проведения необходимых, с позиции руководства страны, реформ.

Нарушившиеся в результате революции социально-экономические связи и отношения в обществе существенно затрудняли планомерное привлечение денежных средств у населения. В результате конфискация стала не только уголовно-правовым средством борьбы с экономической преступностью, но и политическим – борьбы с классовыми врагами (буржуазией) [10, с. 89].

Конфискация подразделялась на два вида: частичную и полную. В первом случае изымалось лишь имущество, используемое в качестве орудия и средства преступления, а равно полученное преступным путем. Полная конфискация предполагала изъятие всего имущества у виновного и у его близких родственников «вплоть до ложек» [11, с. 7].

В период становления советской власти происходила систематизация уголовного законодательства. В Постановлении ВЦИК, СНК РСФСР от 28 марта 1927 г. «Об утверждении Сводного закона о реквизиции и конфискации имущества» приведено понятие конфискации имущества как меры государственного принуждения, состоящей в принудительном и безвозмездном отчуждении имущества в пользу государства, производимом по приговорам суда и в случаях, указанных в Законе, по распоряжениям уполномоченных на то государственных органов. Этим же нормативным правовым актом устанавливался и перечень имущества, которое подлежало конфискации [12].

Сокращение перечня происходило постепенно. Окончательный вид данная мера принуждения приобрела лишь с принятием УК РСФСР 1960 г. В результате за конфискацией имущества окончательно закрепился статус дополнительного уголовного наказания, применяемого в отношении осужденных за корыстные преступления (ряд должностных, но по большей части за преступные деяния против собственности), а равно за особо тяжкие государственные преступления (измена Родине, террористический акт, вредительство и др.). Одним из наиболее ярких примеров использования данного вида наказания является судебное решение «по хлопковому делу»: у всех высокопоставленных соучастников данного коррупционного преступления произведена полная конфискация имущества [13, с. 86].

В действующий УК РФ рассматриваемый вид наказания перешел практически без изменений. Не получив в новой России достаточной правоприменительной практики, а также в связи с либерализацией он был исключен из текста кодекса, а затем возвращен в качестве иной меры уголовно-правового характера.

Выводы. В данный момент на законодательном уровне происходит пенализация уголовной ответственности за совершение преступных деяний, посягающих на общественную безопасность, основы конституционного строя и безопасность государства. К сожалению, данные изменения сложно назвать системными, так как они затрагивают лишь составы, появившиеся после февраля 2022 г. При этом уже давно как в научной среде, так и среди лиц, непосредственно связанных с правоприменением, существует мнение о необходимости расширить перечень статей Особенной части, по которым необходимо применять иную меру уголовно-правового характера – конфискацию имущества [14, с. 177].

Возвращаясь к карательному потенциалу конфискации, мы считаем, что наибольший эффект она будет иметь, если вновь войдет в систему уголовных наказаний и будет применяться в качестве дополнительного наказания к лишению свободы на определенный срок, в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие корыстные и должностные преступления. В текущем виде принимаемый

законопроект, с одной стороны, создает возможность виновным избежать ответственности, изначально скрыв свои корыстные мотивы, используя иные (хулиганские, мести и др.), с другой – создает риски для применения конфискации в качестве способа недобросовестной политической борьбы.

Примечания

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 11 марта 2024 г. № 43-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471811/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100010 (дата обращения: 04.04.2024).
2. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // Российская газета. 2003. 16 декабря.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ // Российская газета. 2006. 29 июля.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. 18 июня.
5. *Бавсун М. В.* Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013. 39 с.
6. *Keaveney A.* The law and the land // Sulla, the last republican. 2nd ed. London: New York: Routledge. 2005. 256 p.
7. *Льоренте Х.-А.* Критическая история испанской инквизиции: в 2 т. Москва: Директ-Медия, 2023. Т. 2. 388 с.
8. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Москва: Юрайт, 2024. 653 с.
9. *Макарова В. В.* Конфискация имущества: отдельные вопросы теории и практики // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17 (1-4). № 3. С. 393–400.
10. *Самгина Д. И.* Конфискация имущества // Наказания, не связанные с лишением свободы: сборник статей / под ред. И. М. Гальперина. Москва: Юридическая литература, 1972. С. 89–98.
11. *Доброноженко Г. Ф., Шабалова Л. С.* Раскулачивание и крестьянская ссылка в социальной памяти людей: исследования, воспоминания, документы. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет. 2005. 294 с.

12. Об утверждении Сводного закона о реквизиции и конфискации имущества: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 28 марта 1927 г. (ред. от 16 декабря 1964 г.) // КонсультантПлюс: сайт. Режим доступа: по подписки (дата обращения: 28.03.2024).

13. *Лавренов С. Я.* Начиналось за здоровье... к 30-летию со дня распада СССР // Обозреватель – Observer. 2021. № 11 (382). С. 82–101.

14. *Маслов В. А.* Эффективность конфискации имущества в контексте официальной статистики // Актуальные проблемы российского права. 2022. Вып. 17. № 12 (145). С. 175–190.

УДК 343.1

Количенко Артем Андреевич,

преподаватель кафедры криминалистики,
Нижегородская академия МВД России (603950, г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, д. 3).

E-mail: kolichenkoa@mail.ru

Уголовно-процессуальная терминология в эпоху цифровой трансформации

Аннотация: в статье проведен анализ уголовно-процессуального законодательства и научной доктрины в целях определения влияния цифровизации на терминологический аппарат современного уголовного процесса. Определено, что за последние десятилетия в нормах уголовно-процессуального закона появились такие термины, как «электронная почта», «электронные носители информации», «электронные сообщения», «электронный документ», «электронная подпись», «электронная книга», «электронный документооборот» и др. В научной доктрине можно выделить появление, к примеру, таких терминов, как «электронные средства доказывания», «электронные доказательства», «цифровые доказательства», «компьютерные доказательства», «электронное уголовное дело» и др. Автор резюмирует, что тенденции цифровизации окажут значительное воздействие на отечественное уголовное судопроизводство, вследствие чего в уголовно-процессуальном законе в ближайшей перспективе будут появляться все новые термины, в том числе технические.

Ключевые слова: уголовный процесс; цифровые технологии; цифровизация уголовного судопроизводства; терминологический аппарат современного уголовного процесса.

Введение. Стремительные темпы развития информационных технологий, несомненно, оставляют свой отпечаток если не на всех, то на большинстве отраслей юридической науки. Не является исключением и уголовный процесс. Как справедливо констатируют М. П. Поляков и А. Ю. Смолин в одной из статей, «... в мире научной и прикладной юриспруденции возникло особое интеллектуальное и эмоциональное напряжение, связанное с разными, порой противоположными подходами к “триумфу технологии”. Это напряжение породило специфическое исследо-

вательское излучение, которое докатилось из столицы до самых окраин отечества, проникло на страницы популярных электронных ресурсов» [1, с. 246].

Соглашаясь с вышесказанным, мы смело заявляем об активной разработке представителями научной доктрины проблематики цифровизации уголовного судопроизводства. Об этом же говорит И. В. Мисник, называя вопросы, связанные с цифровизацией уголовного процесса, одними из обсуждаемых в научной среде: «Ученые-процессуалисты по-разному оценивают влияние инновационных технологий на уголовно-процессуальные отношения. Ряд ученых считает, что происходящие процессы коренным образом изменяют сущность уголовного процесса. Другие авторы, с которыми я солидарна, полагают, что процесс цифровизации не несет в себе революционных изменений, по крайней мере, на начальном этапе» [2, с. 135].

Действительно, сегодня научное сообщество пытается осмыслить, какие возможности имеются для внедрения информационных/цифровых/высоких технологий в уголовно-процессуальную действительность, и примерить их в рамках норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). О необходимости расширения применения цифровых технологий в уголовном процессе говорит и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова [3].

На наш взгляд, делать окончательные положительные или отрицательные выводы о влиянии цифровизации на уголовный процесс пока рано, но промежуточные вполне возможно. Ввиду этого в рамках данной статьи мы затронем вопрос о терминологическом аппарате уголовно-процессуальной науки и уголовно-процессуального закона, которые, по нашему глубокому убеждению, если не ежемесячно, то ежегодно вбирают в себя все новые термины.

Основное исследование. Вопрос интеграции цифровых технологий в уголовный процесс, о которых так бурно ведутся дискуссии в научной среде, требует не только осторожного, но и взвешенного отношения. Можно заметить, как за последние несколько лет юридическая литература в области уголовного процесса и криминалистики семимильными шагами насыщается исследованиями различного уровня (речь идет о проблематике цифровизации уголовного судопроизводства) как на досудебной, так и судебной стадиях [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

Ознакомление с имеющимися трудами, в частности, с представленными в качестве примера, отлично демонстрирует то, что уголовно-процессуальная наука – это живая наука, динамично развивающаяся и реагирующая на вызовы современной преступности.

В подтверждении сказанного процитируем утверждение профессора М. П. Полякова: «“Все течет, все изменяется”». И вот уже двадцать лет течет

и изменяется УПК РФ. Современный Кодекс, проникнутый духом инновационизма, УПК РФ – это не каменный столп. Это постоянно обновляющийся процесс законотворчества» [11, с. 50].

Поговорим о законотворчестве. На основании проведенного анализа действующих норм уголовно-процессуального закона нами была выявлена терминология, которая, как нам кажется, свидетельствует о том, что уголовный процесс не остается в стороне от процесса цифровизации. К числу подобной терминологии следует относить такие категории, как «электронная почта», «электронные носители информации», «электронные сообщения», «электронный документ», «электронная подпись», «электронная книга», «электронный документооборот» – и это не все термины, являющиеся по большому счету отголосками цифровизации российского общества, которые успешно интегрированы законодателем в нормы УПК РФ.

В продолжении сказанного обратим внимание на то, что не все термины, появляющиеся в нормах УПК РФ, вполне понятны для восприятия и интерпретации (при этом не только в контексте самих норм УПК РФ). Конечно, такие термины, как «электронная книга», «электронная почта» или «электронные сообщения», не вызывают вопросов относительно того, какой смысл законодателем в них заложен и как их следует толковать, но вот, например, термин «электронный носитель информации», появившийся в УПК РФ в 2012 г., породил немало число дискуссий, а также на их основе диссертационных исследований, которые в последние несколько лет появляются в обзоре у научного сообщества. По этому поводу автор настоящей статьи ранее высказывал свое мнение [12], поэтому заострять внимание на этом аспекте мы не будем.

Продолжая исследование, зададимся вопросом: появятся ли в уголовно-процессуальном законе еще термины, которые можно будет считать следствием стремительного развития цифровых технологий? Полагаем, да. По нашему мнению, такие термины будут появляться весьма сдержанно и осторожно. Пока мы (имеется в виду научное сообщество) можем наблюдать за действиями законодателя и пытаться корректировать их посредством проведения качественных теоретико-прикладных научных исследований в области уголовного процесса, на основе которых законодатель может сделать верные выводы относительно интеграции тех или иных инструментов в правовое поле.

Поговорив о законодательных вкраплениях применительно к терминологии уголовного судопроизводства под воздействием цифровых технологий, остановимся на вопросе терминологического аппарата научного сообщества, проявляющегося в исследованиях ученых-теоретиков и практиков. В первую очередь выделим такие термины, как «электронные доказательства», «цифровые доказательства», «компьютерные доказательства». В чем кроется причина появления данных терми-

нов в уголовно-процессуальном поле, ведь, казалось бы, что в ч. 2 ст. 74 УПК РФ определены семь видов (источников) доказательств, допускаемых по уголовным делам, зачем нам еще, к примеру, электронные доказательства? На этот вопрос и пытаются найти ответ на научном поприще. Не остался безучастным в этом вопросе и автор настоящей статьи.

Мы убеждены, что вопрос расширения действующей системы уголовно-процессуальных доказательств явно актуален. Объясняется это как минимум увеличением числа преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (в этой сфере совершается каждое третье преступление в 2023 г. [13]), расследование которых требует особого уголовно-процессуального инструментария. Конечно, в нормах УПК РФ не получится отыскать названные термины («электронные доказательства», «цифровые доказательства», «компьютерные доказательства»), по крайней мере на сегодняшний день.

Двигаемся дальше. Не менее интересным с исследовательской точки зрения является разработка феномена «электронное уголовное дело». Об этом в одной из статей говорит С. В. Зуев, называя электронное уголовное дело кульминацией в развитии электронного документооборота [14, с. 6]. Опять-таки, зададимся вопросом: является ли такой термин, как «электронное уголовное дело», следствием развития цифровых технологий, можно даже сказать, результатом влияния названных технологий на уголовный процесс? Разумеется, да.

В данном контексте сделаем небольшую ремарку. Уважаемый читатель, представленная на ваше обозрение статья не имеет целью изучение таких феноменов, как «электронные доказательства», «электронное уголовное дело» и других, ставших, на наш взгляд, для уголовного процесса новым витком в развитии (как в контексте научного поиска, так и возможности для модернизации уголовно-процессуального закона). Автор лишь демонстрирует, какими словами/ словосочетаниями насыщается терминологический аппарат уголовно-процессуальной науки и уголовно-процессуального закона в эпоху цифровой трансформации.

Выводы. Проведенное исследование показало, как эпоха цифровой трансформации российского общества влияет на развитие уголовно-процессуальной науки и на конструирование норм уголовно-процессуального законодательства, которые вбирают в себя новую терминологию. Осмысление данной терминологии явно свидетельствует о времени, можно даже сказать, духе перемен и переменах (в хорошем смысле), ведь, чтобы действительно противостоять преступности, уголовно-процессуальная наука должна работать на опережение.

В завершении согласимся и процитируем изречение профессора Л. А. Воскобитовой: «Взвешенный подход к внедрению цифровых технологий в уголовное судопроизводство, строящийся на правиле “не навреди”, позволит усовершенствовать

процесс, не создавая угроз и рисков ни для целей самого судопроизводства, ни для прав человека, в нем участвующего» [15, с. 102].

Примечания

1. Поляков М. П., Смолин А. Ю. Цифровые технологии на службе правосудия: идеологические предпосылки и технические перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 245–249.

2. Мисник И. В. К вопросу о цифровизации уголовного судопроизводства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 5. С. 135–137.

3. Москалькова выступает за расширение применения цифровых технологий в уголовном процессе // РАПСИ. Российское агентство правовой и судебной информации: сайт. URL: https://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20220606/307998753.html (дата обращения: 27.01.2024).

4. Черкасов В. С. Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2022. 210 с.

5. Топилина Т. А. Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровых технологий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. 32 с.

6. Балашова А. А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2020. 216 с.

7. Каменев А. С. Осуществление функции защиты посредством собирания и проверки электронной доказательственной информации в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2023. 228 с.

8. Медведева М. О. Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 28 с.

9. Сергеев М. С. Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: отечественный и зарубежный опыт: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 322 с.

10. Юркевич М. А. Применение судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2021. 31 с.

11. Поляков М. П. Принцип инновационизма в уголовно-процессуальном за-

конодательстве // 20 лет действия уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы: тезисы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции, Омск, 26–28 мая 2022 года. Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 46–50.

12. *Количенко А. А.* Электронные носители информации как источник получения электронных доказательств в уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 1 (47). С. 114–121.

13. Каждое третье преступление в России совершается в сфере ИТ // Сnews: сайт. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2023-12-20_kolichestvo_kiberprestuplenij (дата обращения: 27.01.2024).

14. *Зуев С. В.* Электронное уголовное дело: за и против // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 6–12.

15. *Воскобитова Л. А.* Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 5 (150). С. 91–104.

УДК 343.57

Кротов Михаил Сергеевич,

преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД
УНК ПЭиНП,

Нижегородская академия МВД России (603950, г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, д. 3).

E-mail: michaelkrotov@yandex.ru

**О проблемных вопросах, связанных с выявлением
и раскрытием преступлений, предусмотренных статьей 232
Уголовного кодекса Российской Федерации**

Аннотация: в статье проанализированы моменты, связанные с проблематикой, которая находит отражение в практической деятельности правоохранительных органов в контексте процесса выявления и раскрытия преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. В частности, освещены критически важные детали, которые необходимо учитывать при документировании состава преступления, ответственность за которое предусмотрено ст. 232 Уголовного кодекса Российской Федерации «Организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов». Проанализированы статистические сведения, касающиеся количества выявленных фактов совершенных преступлений, предусмотренных ст. 232 УК РФ, относительно количества лиц, которые в результате были привлечены к уголовной ответственности за содеянное. Не оставлено без внимания значение практической грамотности и осведомленности сотрудников ОВД, в чьи полномочия и задачи по роду профессиональной деятельности входит обязанность заниматься выявлением и раскрытием фактов функционирования наркопритонов. Особый акцент сделан на сложности проводимых оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий с учетом специфики, связанной с высокой степенью латентности рассматриваемого вида преступлений. Проведены параллели, указывающие на неразрывность уголовного и административного производства в рамках работы по освещаемому факту противоправного деяния. Особое внимание уделено проблемным моментам, связанным с пониманием систематичности в контексте рассматриваемого преступления.

Ключевые слова: уголовная ответственность; административная ответственность; уголовное преступление; административное правонарушение; наркотические средства; психотропные вещества; притон.

Введение. Фундамент актуальности представленного исследования, безусловно, выражен сквозь призму широчайшей и всеобъемлющей степени распространенности и доступности в настоящее время наркотических средств, следствием чего является высокий уровень наркотизации современного общества. Количество совершенных противоправных деяний и, соответственно, количество лиц, привлеченных к административной и уголовной ответственности в обозначенной сфере, стабильно находятся на лидирующих позициях среди всех имеющихся составов, ответственность за которые предусмотрена действующим законодательством.

На прошедшей в ноябре 2023 г. коллегии МВД России, посвященной противодействию незаконному обороту наркотиков, Министр внутренних дел В. А. Колокольцев отметил, что органами внутренних дел выявляется свыше 97 % от общего числа наркотических противоправных деяний [1]. Данный факт позволяет осознать важность практической действительности, связанной с противодействием существующим проблемам подразделениями ОВД.

Безусловно, ни для кого не станет откровением тот факт, что одним из главенствующих факторов, способствующих распространению такого антисоциального явления, как наркомания, являются так называемые притоны, предназначенные для потребления наркотических средств и психотропных веществ. Обозначенную выше проблему наглядно подтверждает официальная статистика, размещенная на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [2]. Исходя из анализа опубликованных сведений в форме статистической отчетности № 6-МВ-НОН, статья 232 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) ежегодно занимает передовые позиции среди уголовных наркосоставов преступлений по количеству лиц, привлеченных к ответственности. Так, на территории страны в 2021 г. к ответственности было привлечено 914 лиц; в 2022 г. – 1 021. Представленные показатели уступают лишь таким популярным составам, как ст. 228, 228¹ УК РФ. Интересен и тот факт, что из общего числа осужденных лиц (содержателей либо организаторов наркопритонов) лишь 4–5 % вменяется обязанность пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании. Это косвенно свидетельствует о том, что сами содержатели притонов зачастую не являются потребителями наркотических средств и психотропных веществ, так как обязанность пройти такое лечение накладывается лишь на привлеченных к административной ответственности по наркотическим статьям

Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ): ст. 6.8, 6.9, ч. 2 ст. 20.20, что находит отражение в положении ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ. Данный тезис наглядно свидетельствует о повышенном уровне латентности данного вида преступлений, тем самым усиливая значимость рассматриваемого явления.

К сожалению, несмотря на наличие в российском законодательстве установленной ответственности, предусмотренной ст. 232 УК РФ, существуют и другие проблемные моменты, связанные с выявлением и документированием рассматриваемого состава и, соответственно, с последующим привлечением виновного к ответственности. Неразрывная взаимосвязь административного и уголовного производства при документировании ст. 232 УК РФ, владение практических сотрудников навыками различных видов производств придают сложности в работе и тем самым повышают актуальность настоящего исследования. Кроме того, особое внимание следует уделить часто встречающимся на практике разногласиям между органами внутренних дел и органами прокуратуры в вопросе признания систематичности предоставления помещений для потребления наркотических средств и психотропных веществ. Этот фактор указывает на необходимость практического воплощения указанных норм и заставляет посмотреть на имеющуюся проблематику под углом правоприменителей.

Основное исследование. Притон. Говоря о проблемных моментах, связанных с выявлением и раскрытием преступлений, предусмотренных ст. 232 УК РФ, прежде всего, необходимо обозначить дефиницию рассматриваемого явления. Прибегнув в этом вопросе к помощи Словаря русского языка С. И. Ожегова, не составит труда уяснить, что под притоном в широком толковании этого слова следует понимать «место тайных преступных сборищ» [3]. При рассмотрении данного понятия сквозь призму наркотической тематики с учетом совокупность мнений большинства ученых притон представляет собой не что иное, как любое жилое (дом, квартира, комната и др.) или нежилое (гараж, подвал, транспортное средство и др.) помещение, которое неоднократно (то есть два и более раза) предоставлялось для потребления наркотических средств или психотропных веществ [4]. Исходя из этого, становится понятно, что фронт возможной работы сотрудников органов внутренних дел по данному направлению весьма обширен, поскольку стоит уделять внимание не только «проблемным» квартирам, на которые регулярно поступают жалобы, но и иным помещениям и даже транспортным средствам. Широкий спектр такой работы возможно охватить только при наличии должной практической грамотности и осведомленности сотрудников органов внутренних дел, которые непосредственно осуществляют деятельность в данном направлении (подразделения по контролю за оборотом наркотиков, участковые уполномоченные полиции).

Практическая грамотность в первую очередь обусловлена синтезом уголовного и административного производства в рамках работы по одному конкретному факту функционирования наркопритона. Мало просто обладать информацией о возможном факте преступного деяния, необходимо еще и осуществить проверочные мероприятия, в ходе которых и будет проходить документирование. Однако прежде, чем говорить о готовности проводить следственные действия, необходимо поработать с административным законодательством. В этом случае речь идет о так называемых «съемах».

По сути, «съем» представляет собой медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения лица, посетившего конкретный адрес, интересующий сотрудников полиции с точки зрения наличия наркопритона. В случае положительного результата освидетельствования данное лицо будет подлежать ответственности, предусмотренной ст. 6.9 КоАП РФ «Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ» [5]. Однако и здесь кроется вероятность столкнуться с трудностями. Во-первых, не каждое потребление наркотиков даст положительный результат в ходе медицинского освидетельствования, поскольку в настоящее время активно появляются новые виды наркотических средств, которые отсутствуют в Перечне, установленном постановлением Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» [6], а внесение таковых занимает достаточно продолжительное время. Во-вторых, даже в случае наличия определенного вещества в Перечне на практике нередки случаи, когда медицинское освидетельствование не выдает положительный результат в силу различных обстоятельств, например, таких как устаревшие тесты. В-третьих, чтобы привлечь лицо за потребление запрещенных веществ по ст. 6.9 КоАП РФ, необходимо дождаться итогового заключения из лаборатории, поскольку результата первичного медицинского освидетельствования недостаточно для составления протокола об административном правонарушении. Но даже при получении на руки итогового заключения (акта) трудности еще не окончены, так как теперь это лицо необходимо найти и привлечь к установленной ответственности. Кроме того, крайне важно в ходе работы в рамках административного производства опросить данного потребителя таким образом, чтобы он не только подтвердил свой факт посещения конкретного адреса, но и указал такие детали, как сведения о собственнике помещения, иных визитерах, а также сведения о самом процессе функционирования наркопритона.

Обозначенные выше проблемные моменты не являются исчерпывающими. Практическая действительность зачастую диктует свои правила, к которым неизбежно приходится подстраиваться.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» в части, касающейся ст. 232 УК РФ, четко определено понятие неоднократности предоставления помещения для потребления запрещенных веществ, а именно два и более раза [4], то есть, возвращаясь к вышеупомянутым «съемам», в качестве оснований для возбуждения уголовного дела по ст. 232 УК РФ должна выступать информация о хотя бы двух фактах положительного освидетельствования лиц, посетивших конкретный притон. Однако практические сотрудники зачастую сталкиваются с проблемой, когда двух «съемов» оказывается недостаточно, и дознаватели отказываются принимать собранный материал и возбуждать в таком случае уголовное дело. Отказ в этот момент обусловлен не прихотью сотрудников отдела дознания, а в первую очередь позицией прокуратуры, являющейся надзорным органом. С чем это связано? Вероятно, здесь стоит принять во внимание примечание к ст. 232 УК РФ, в котором под систематическим предоставлением помещений понимается предоставление помещений более двух раз. В таких случаях сотрудникам полиции приходится документировать еще один факт предоставления помещения для потребления наркотических средств, что сделать не так просто в силу ранее озвученных в статье причин.

В случае успешного возбуждения уголовного дела, а в дальнейшем и получения судебного разрешения на проведение обыска по адресу притона, стоит затронуть момент, связанный с результативностью проводимого следственного действия. При проведении обыска необходимо изъять предметы (вещества), подтверждающие факт функционирования наркопритона или косвенно указывающие на это. К таковым можно отнести непосредственно сами наркотические вещества; различные приспособления, которые могут использоваться для потребления наркотиков (шприцы, резиновые жгуты, металлические ложки, стеклянные трубки). Кроме того, в ходе обыска необходимо обращать внимание на какие-либо простейшие инструменты, оборудование, а также прекурсоры, которые так или иначе могут свидетельствовать о возможном самостоятельном изготовлении наркотических средств. К числу вышеупомянутых следует относить весы, мерную посуду, шланги, трубки, устройства для экстракции и перегонки, ангидрид уксусной кислоты и т. д. В случае «пустого» обыска доказательственной базы по делу может и не хватить, так как из доказательств останутся лишь показания свидетелей, а сам подозреваемый (собственник помещения) наверняка станет все отрицать, что впоследствии повлечет за собой проблемы при расследовании уголовного дела. Следовательно, при проведении обыска сотрудники должны быть предельно внимательны к деталям. Отсюда вытекает логичный вывод: следственные действия, сле-

дующие за подготовительными мероприятиями в виде административных производств при документировании факта функционирования наркопритона, неразрывно связаны между собой, а итоговая судьба уголовного дела зависит от правильности и своевременности их оформления.

Выводы. Проведенное исследование показало значимость и актуальность рассматриваемой темы. Особый акцент мы сделали на существующих проблемных моментах, встречающихся на разных этапах практической деятельности. Рассмотренные в статье вопросы подлежат особому вниманию как на правотворческом, так и на правоприменительном уровнях.

Документирование преступления, предусмотренного ст. 232 УК РФ, требует от сотрудника умения правильно применять нормы административного законодательства, а в дальнейшем грамотного действовать уже в рамках уголовного производства. Повысить качество практического применения различных норм права и видов производств при работе по обозначенному направлению могут соответствующие методические рекомендации для практикующих сотрудников с отражением примерного типового порядка действий.

Учитывая специфику рассматриваемых деяний, нельзя не отметить важность взаимодействия различных служб и подразделений органов внутренних дел, в том числе в части обмена информацией, а также непосредственно практической помощи. Кроме того, необходимо учитывать и различные взгляды на уголовные дела данной категории надзорного органа в лице прокуратуры, а также сложившуюся судебную практику отдельно взятого региона.

Примечания

1. Владимир Колокольцев провел заседание коллегии МВД России, посвященное противодействию незаконному обороту наркотиков // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/gunk/Novosti/item/44936083/ (дата обращения: 08.12.2023).

2. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 08.12.2023).

3. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: около 53000 слов / под ред. Л. И. Скворцова. Москва: Оникс, 2010. 736 с.

4. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 // КонсультантПлюс: сайт. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/ (дата обращения: 08.12.2023).

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ч. 1, ст. 1.

6. Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 // Консультант-Плюс: сайт. Режим доступа: по подписке (дата обращения: 08.12.2023).

УДК 343.2

Кульпанов Андрей Иванович,

преподаватель кафедры математики, информатики и информационных технологий,

Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3).

E-mail: kulpanov-a@yandex.ru

Кропачев Сергей Юрьевич,

преподаватель кафедры математики, информатики и информационных технологий,

Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3).

E-mail: skropach@yandex.ru

Оперативно-розыскная информация в контексте совершенствования оперативно-розыскной деятельности

Аннотация: в статье авторы рассмотрели и проанализировали необходимость совершенствования инструментария оперативно-розыскной деятельности, используя передовые технологии и разработанные научные подходы, в целях эффективного противодействия новым угрозам современного криминального мира. Определили и разработали основные направления работы с оперативно-розыскной информацией в процессе совершенствования оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия; оперативно-розыскная деятельность; киберпреступность; цифровые следы; искусственный интеллект.

Введение. Оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ), указанные в ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД), представляют достаточно эффективный функционально-правовой инструмент оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Несомненно, что их выбор, формирование и принятие в деятельности правоохранительных органов произошли не мгновенно и одномоментно

с принятием в 1992 г. Закона РФ № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» и не в 1995 г. с принятием действующего Закона об ОРД, а гораздо раньше – в период становления и постепенного развития государства, общества и правоохранительной системы, только тогда они представляли собой прообраз современной ОРД и обеспечивали надлежащую защиту функционирования социальных институтов общества.

На основе анализа существующих исследований в данной сфере можно отметить единое происхождение, первоначальную общность и постепенное функционально-правовое разделение, или, иначе говоря, разделение уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных средств, что в целом соответствует доктринальным позициям российских ученых.

Необходимо отметить, что только во второй половине XX в. ОРД стала рассматриваться в современном смысле как предмет научного изучения, поэтому до настоящего времени сохраняются теоретические разногласия относительно природы, объема и содержания ОРД и способов ее обеспечения [1].

Основное исследование. Несмотря на относительно молодой возраст, в первую очередь по сравнению с другими отраслями российского права (например, уголовным или уголовно-процессуальным), теория ОРД довольно быстро заняла место среди юридических и гуманитарных наук, сформировала собственный понятийно-категориальный аппарат, профессионально-юридический лексикон, специальные методы и приемы познания. Это относится и к ОРМ как собственно инструменту ее реализации.

Детальное изучение научной литературы, посвященной ОРМ, позволяет утверждать следующее: длительное время считалось, что ОРМ достаточно полно и всесторонне изучены. Это давало повод хотя бы теоретически заявить о решении существующих на тот момент проблем и оставить законодателям, контролирующим органам и сотрудникам органов внутренних дел лишь задачу внедрения и воплощения теоретических научных разработок в служебную деятельность [2].

Времена меняются. Изменение политических, экономических, технологических и других реалий обуславливает острую необходимость и требует соответствующую адаптацию инструментов познания к изменившимся или даже вновь возникшим условиям и требованиям. Другими словами, резко и быстроменяющиеся социальные условия первых десятилетий начала XXI в. отрицательно влияют на эффективность имеющихся ОРМ как в целом, так и применительно к конкретным мероприятиям, в результате чего возникает необходимость обновления имеющихся или разработки новых методов, а также может быть и отказа от использования тех или иных инструментов. Например, по своей сути ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров» по-прежнему актуально, но его реализация в отношении

стационарных телефонов утратила важность в свете почти повсеместного отказа общества от проводных телефонов и перехода на мобильную беспроводную связь и обмен сообщениями в мессенджерах [3].

Выделим глобальные тенденции, происходящие в жизни общества и влияющие на трансформацию ОРМ в настоящее время.

Во-первых, изменения в формате и условиях личной жизни, формирование нового стиля жизни, появление современных жизненных идеологий, признанных и принятых обществом в целом как вновь возникшая популярная ветвь его развития. Здесь можно отметить и повышение темпа жизни, рост ее насыщенности, необходимость постоянной мобильности человека. Немалую роль сыграли и отказ от государственной монополии на проводную телефонную связь, и появление разных независимых провайдеров услуг беспроводной мобильной связи, разнообразие программ и приложений для осуществления коммуникаций, активное вхождение иностранного сленга в русский язык и т. д. В результате появились следующие факторы, которые необходимо учитывать современному оперативному сотруднику [4]:

- социальные сети, форумы, чаты, мессенджеры и другие формы общения круглосуточно доступны практически из любой точки земной поверхности;

- информация в цифровом виде может храниться неограниченно долго, а также может быть быстро уничтожена в случае возникновения такой необходимости;

- появление различных независимых друг от друга и неконтролируемых государственными органами мессенджеров и теневого сегмента всемирной сети «Интернет», так называемого даркнета, которые используются, как правило, исключительно в противоправных целях (например, для продажи и покупки наркотиков);

- крайне разговорный и текстовый лаконизм сообщений, использование профессионального сленга, молодежного, субкультурного, корпоративного жаргона и свободное написание многих слов, аббревиатур и т. д., что осложняет извлечение смысловой составляющей полученной информации.

Современные цифровые технологии и развитие информационных систем привели к появлению новой и быстроразвивающейся сферы преступной деятельности – киберпреступности. Ее предупреждение, пресечение и раскрытие также вошли в круг задач оперативно-розыскных органов. Большинство киберинцидентов совершается удаленно, посредством использования сетевых технологий, что существенно затрудняет применение традиционных ОРМ (опрос, наблюдение и т. д.). Наряду с этим, работа с цифровыми следами становится одним из приоритетных направлений деятельности оперативных подразделений. Все это в совокупности указывает на необходимость адаптации ОРМ к работе в цифровой среде,

а также разработки новых мер, связанных с контролем за информационными системами и сбором цифровых доказательств.

Не стоит упускать из внимания еще одну влиятельную тенденцию: появление и активное распространение технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ), способных проводить высокоскоростной масштабный анализ данных, визуализировать скрытые закономерности и выявлять риски. Потенциал современного ИИ способен изменить устоявшиеся подходы и методы решения оперативных задач, способствуя кардинальному повышению степени эффективности оперативных подразделений.

По нашему мнению, одним из актуальных направлений, на которые в данный момент необходимо обратить внимание, является поиск информации по открытым источникам в сети «Интернет». И если сам процесс поиска представляет собой определенный набор методов и инструментов для их реализации, то процесс документирования полученной оперативно-розыскной информации остается открытым. В дальнейшем расследовании полученная посредством поиска из открытых источников оперативная информация может помочь в идентификации подозреваемых в совершении преступлений, понимании их мотивов и установлении связей между соучастниками. Информация, представляющая оперативный интерес, может находиться в социальных сетях, блогах, форумах и общедоступных базах данных, что само по себе представляет огромный объем информации, и ручной поиск в таких условиях будет малоэффективен. Соответственно, речь идет о разработке необходимого инструментария применительно к специфике правоохранительной деятельности. Важно отметить, что все более широкое использование шифрования, методов анонимизации и сложность исследования информационных систем создают препятствия для поиска информации таким путем, тем не менее постоянные исследования и развитие информационных технологий позволяют преодолеть эти препятствия и обеспечить оперативных сотрудников эффективными инструментами для сбора и использования цифровых улик.

Нередко можно встретить размышления об использовании ИИ в ОРД, но этот процесс достаточно затруднителен. На данный момент существует несколько проблем, связанных с внедрением ИИ в ОРД.

Во-первых, все нейросетевые модели перед использованием необходимо обучать на соответствующих данных. В этом случае данные представляют собой оперативно-розыскную информацию высокого уровня секретности, что влечет ограничения в ее распространении.

Во-вторых, до конца не решена проблема верификации результатов, сгенерированных ИИ, в результате ответа на поставленный вопрос, поэтому все результаты,

выданные предварительно обученной генеративной языковой моделью, требуют проверки на соответствие точности, надежности и подлинности.

Тем не менее прогресс не стоит на месте, и использование ИИ, например, в процессе планирования и управления ОРД, вполне возможно при решении существующих проблем.

В последние годы технология блокчейн привлекает большое внимание благодаря увеличению частоты использования криптовалют, таких как биткоин, однако их возможное применение в ОРД выходит за рамки финансовых операций. Блокчейн, децентрализованная и устойчивая к взлому технология, обладает рядом преимуществ, например, его неизменяемая природа обеспечивает прозрачность и доверие между участниками, что делает его идеальным инструментом для безопасного ведения учета. В контексте ОРД блокчейн может оптимизировать такие процессы, как хранение цифровых доказательств и оперативной информации, обеспечивая целостность и возможность отслеживания важной информации. Впрочем, несмотря на все преимущества, вопрос адаптации существующих систем к использованию блокчейна требует тщательного рассмотрения и планирования.

В контексте противодействия современным транснациональным преступным группам, особенно в условиях современной напряженной международной обстановки, необходимо укреплять международное сотрудничество в борьбе с транснациональной киберпреступностью, потому что эффективное противодействие требует активного сотрудничества между правоохранительными органами разных стран. Это включает обмен информацией о киберугрозах, совместные операции по задержанию преступников, а также развитие общих стратегий по борьбе с киберпреступностью. Данные меры помогают создать достаточно эффективную и согласованную систему борьбы с транснациональной киберпреступностью и способствуют успешным расследованиям киберпреступлений на международном уровне.

Выводы. Таким образом, наметившиеся тенденции требуют трансформации инструментария ОРД и разработки новых смежных мер, связанных с цифровой средой. Важно не жертвовать аналитическими навыками и опытом, накопленными оперативными подразделениями за десятилетия работы, а дополнять их передовыми техническими средствами и методами обработки больших данных. Необходима сбалансированная эволюционная трансформация, сохраняющая преимущества традиционных мер и одновременно внедряющая перспективные цифровые технологии. Это позволит правоохранительным органам эффективно противостоять возникающим угрозам в виртуальном пространстве и обеспечивать общественную безопасность как онлайн, так и офлайн.

В целом ОРМ – это функциональный инструмент, который со временем эволюционировал вместе с обществом, технологиями и преступностью. Тенденции

цифровизации и внедрения новых технологий открывают не только широкие возможности для его трансформации, но и создают проблемы, требующие своевременного реагирования. На основе анализа опыта и перспективных решений можно разработать стратегию адаптации оперативно-розыскного инструментария к цифровым реалиям при сохранении его оперативной эффективности. Такая сбалансированная модернизация укрепит возможности правоохранительных органов по обеспечению безопасности как в реальном мире, так и в цифровом измерении.

Примечания

1. *Овчинский А. С.* Оперативно-розыскная аналитика (ответ современным угрозам): монография. Москва: Издательский дом Шумиловой И. И., 2015. 108 с.
2. Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сборник научных трудов / под ред. В. С. Овчинского. Москва: ИНФРА-М, 2021. 630 с.
3. Юридическое, техническое и информационно-аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие / под ред. А. Н. Халикова. Москва: Юрлитинформ, 2010. 472 с.
4. *Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В.* Эволюция оперативно-розыскных мероприятий: монография. Москва: Академия управления МВД России, 2021. 160 с.

УДК 343.14

Смолин Алексей Владимирович,

старший преподаватель кафедры криминалистики,
Нижегородская академия МВД России (603950, г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, д. 3).
E-mail: avsmolin1@gmail.com

Доказывание в розыскной деятельности следователя

Аннотация: установление лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, традиционно относят исключительно к деятельности органа дознания. Однако и уголовно-процессуальный закон, и сложившаяся следственная практика требуют именно от субъекта доказывания первоначально выполнять совокупность следственных и процессуальных действий в целях доказывания факта умышленного сокрытия подозреваемого. В статье рассмотрены направления розыскной деятельности следователя, изложен алгоритм установления им местонахождения лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, результатом которого должна стать система доказательств, позволяющая вынести законное и обоснованное постановление об объявлении подозреваемого (обвиняемого) в розыск.

Ключевые слова: розыск; розыскная деятельность следователя; объявление лица в розыск; доказывание.

Введение. На первоначальном этапе расследование преступления может складываться на основе трех следственных ситуаций: 1) лицо задержано непосредственно на месте происшествия; 2) лицо скрылось, но есть информация о его личности; 3) лицо скрылось, и информация о нем отсутствует. Если в первом случае основным направлением следственной работы будет формирование системы доказательств о причастности задержанного к совершенному преступлению, то в двух других случаях основное направление деятельности должно быть связано с установлением его местонахождения и задержанием.

Уголовно-процессуальный закон предписывает субъектам расследования проводить исчерпывающую совокупность мероприятий по розыску лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности. Однако их конкретный перечень законом не установлен, и определение этой совокупности остается на усмотрение субъектов расследования, что приводит к нестабильности следственной практики

и порождает огромное количество жалоб на признание вынесенного постановления об объявлении лица в розыск незаконным и необоснованным. В связи с этим в настоящей статье произведен анализ содержания розыскной деятельности следователя и сформирован алгоритм доказывания факта умышленного сокрытия лица от органов предварительного расследования.

Основное исследование. Розыскная деятельность следователя достаточно широка. Розыск подозреваемых и обвиняемых является одним из приоритетных направлений деятельности, поскольку установление местонахождения данных лиц и обеспечение их участия в процессе судопроизводства обеспечивают выполнение основных функций судопроизводства. Розыскную деятельность следователя можно понимать в узком и широком смыслах. В первом случае к ней относится установление местонахождения известных субъектам деятельности по выявлению и расследованию преступлений объектов, а во втором – весь комплекс деятельности по раскрытию и расследованию преступлений [1, с. 16].

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) закреплены следующие понятия: «розыскные меры» (п. 38 ст. 5; ч. 4 ст. 157), «розыскные действия» (ч. 1 ст. 152) и «розыск» (ч. 5 ст. 208; п. 2 ч. 2 ст. 209; ч. 1 и 2 ст. 210; ч. 2 ст. 238). Анализ содержания данных понятий достаточно широко освещался в юридической литературе. По поводу их соотношения нет единой точки зрения [2; 3; 4; 5]. Как отметила И. В. Смолькова, «...положения статей УПК РФ о розыске скрывшегося подозреваемого изложены крайне противоречиво, небрежно и нечетко. Так, в ст. 210 УПК РФ в качестве субъекта, уполномоченного объявлять розыск скрывшегося подозреваемого, назван только следователь, но почему-то “забыт” дознаватель; в ч.ч. 3 и 4 этой же статьи подозреваемый по какой-то непонятной причине вообще не назван, в них предусмотрено применение задержания и меры пресечения только в отношении обнаруженного скрывшегося обвиняемого» [6, с. 133]. Все это говорит о том, что действующее уголовно-процессуальное законодательство содержит огромное количество не решенных до настоящего момента проблем, касающихся розыска и задержания лица, совершившего преступление. Многие эти недочеты связаны с несовершенством трактовки тех или иных положений закона. Однако практика деятельности по выявлению и расследованию преступлений не зависит всецело или главным образом от совершенства логико-понятийных соображений. Вне зависимости от этого установление лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, и его обнаружение являются приоритетными в деятельности субъектов расследования, поскольку без ее выполнения осуществление задач уголовного судопроизводства невозможно.

Традиционно розыскную деятельность подразделяют на три этапа: 1) от выявления факта сокрытия лица до вынесения постановления об объявлении его

в розыск; 2) от объявления в розыск до приостановления предварительного расследования; 3) после приостановления уголовного дела. Именно на первом этапе розыскная деятельность следователя носит преимущественно доказательственный характер, поскольку совокупностью проведенных мероприятий он должен подтвердить факт умышленного сокрытия лица.

В случае, когда подозреваемое лицо скрылось, но есть информация о его личности, деятельность органов предварительного расследования должна быть направлена на установление его местонахождения. Одним из наиболее эффективных способов является объявление данного лица в розыск. Прежде, чем объявить заподозренное лицо в розыск, субъект доказывания должен провести ряд мероприятий, направленных на закрепление факта умышленного сокрытия лица от органов предварительного расследования. Так, в силу принципа законности при производстве по уголовному делу постановление об объявлении лица в розыск должно быть законным, обоснованным и мотивированным, в том числе содержать достаточные данные о причастности разыскиваемого лица к совершению преступления, указанные в ст. 91 УПК РФ [7]. Это означает, что в постановлении должны быть указаны обстоятельства совершенного деяния, информация о лице, совершившем данное преступление, доказательства, подтверждающие его причастность к совершению данного преступления, результаты проведенных следователем розыскных мероприятий.

Розыскная деятельность следователя неминуемо имеет свои особенности. В первую очередь это обусловлено ее спецификой: она проводится гласно, а средства поиска – совокупность следственных и иных процессуальных действий. Факт сокрытия лица от органов предварительного расследования должен подтверждаться совокупностью доказательственных аргументов. Необходимо закрепить факт того, что заподозренное лицо, зная, что в отношении него ведется или можешь вестись уголовное преследование, в целях уклонения умышленно скрывается от субъектов расследования, тем самым воспрепятствуя производству по уголовному делу.

Традиционной формой уведомления лица о необходимости его участия в производстве расследования является направление повесток о вызове на допрос. Однако такое действие зачастую носит формальный характер: бланк повестки выписывается, но до адресата не доставляется. Это фактически приводит к нарушению права лица на защиту, поскольку в таком случае он не подозревает о проводимом в его отношении преследовании. Следовательно, требуется доказательственное подтверждение факта уведомления лица о его необходимости участия в уголовном деле.

В некоторых случаях повестка о вызове на допрос направляется через оперативного сотрудника, действующего на основании поручения следователя. В таком

случае фиксацией факта передачи им повесток будет его рапорт о проделанной работе.

Если повестка доставлялась следователем лично, согласно практике, проводится внешний осмотр почтового ящика, в котором она впоследствии оставляется, с отражением данного факта в протоколе следственного действия. То же самое проводится и с входной дверью квартиры, если повестка помещается в проем между ней и дверной коробкой. Для наглядности и подтверждения указанный процесс сопровождается и фотовидеофиксацией.

В настоящее время в связи с распространением различных форм связи вызов лица обычно осуществляется посредством телефонного звонка. Данный факт также должен подтверждаться, чаще путем составления справки субъектом, непосредственно осуществлявшим вызов лица.

Если на неоднократные повестки и звонки лицо в течение определенного периода (как правило, недели) так и не объявилось, то выписывается поручение о его принудительном приводе, которое направляется для исполнения органу дознания. По результатам его исполнения следователь получает ответ в виде рапорта оперативного сотрудника, что исполнить данное поручение не представилось возможным ввиду неустановления местонахождения заподозренного лица.

Указанные выше действия имеют важное значение, поскольку в практике нередки случаи, когда после объявления лица в розыск и его последующего задержания оно начинает утверждать, что не знало о своем преследовании и действий к сокрытию не предпринимало. Совокупность данных действий позволит доказать факт, что органами предварительного расследования действительно предпринимались меры на установление местонахождения подозреваемого, однако установить его не удалось. Другими словами, подтверждаются факт отсутствия лица и его умышленное уклонение от уголовного преследования.

Далее следователь направляет поручение органу дознания о производстве оперативно-розыскных мероприятий с целью установления и задержания скрывшегося лица. При этом следователь продолжает осуществлять деятельность по розыску лица в процессуальной форме. В сущности, данная розыскная деятельность следователя имеет две цели: или установить и задержать подозреваемого, или закрепить факт производства всей совокупности розыскных действий следственным путем, что является необходимым условием для объявления данного лица в федеральный розыск.

Первое, из чего должны состоять розыскные действия следователя, – производство обысков в местах регистрации, жительства и потенциального нахождения заподозренного лица. Данные действия, если не имеется оперативной информации о достоверном нахождении данного лица на определенный период времени

в конкретном месте, проводятся после удовлетворения судом соответствующего ходатайства на их проведение. Если есть оперативная информация, то обыск проводится в жилище в случаях, не терпящих отлагательств, с последующим уведомлением судьи и прокурора. Тактически грамотно в данной ситуации будет проведение одновременных обысков по нескольким местам жительства, если такая информация имеется, в противном случае близкие и знакомые подозреваемого могут его уведомить о поисковых действиях сотрудников правоохранительных органов. Кроме того, при производстве обысков не стоит забывать и про поиск в жилище похищенного имущества, орудий совершения преступления, а также иных предметов и документов, которые могут иметь значение для доказывания по уголовному делу.

Если в ходе проведенных обысков лицо не удалось задержать, то необходимо допросить его родственников, знакомых, коллег по работе о возможных местах его нахождения. Важно помнить, что данные лица вряд ли согласятся сотрудничать с правоохранительными органами, поэтому к их показаниям следует относиться достаточно критично.

В целях установления местонахождения подозреваемого необходимо истребовать информацию о возможном его временном нахождении в медицинских организациях на лечении (получение сведений из больниц, диспансеров); в изоляторах временного содержания, следственных изоляторах, исправительных учреждениях (получение сведений из информационного центра органа внутренних дел); о его возможных передвижениях на железнодорожном, водном, воздушном транспорте (получение сведений из подразделений органов внутренних дел на транспорте); о смерти (получение сведений из отделов ЗАГС) и т. п.

Если перечисленные следственные мероприятия не принесли положительного результата, то следователь объявляет подозреваемое лицо в розыск, вынося об этом соответствующее постановление и поручая его производство органу дознания. В поручении следователь должен максимально подробно указать все известные ему данные, которые могут быть использованы для поиска заподозренного лица. Так, Ж. П. Петухова отметила, что в поручении следователь должен указать «...фамилию, имя, отчество, национальность разыскиваемого лица; описать подробно наружные части тела и лица ... особые приметы ... общие индивидуальные признаки разыскиваемого ... указать дату и место рождения, образование, паспортные данные, профессию, увлечения, сведения о последнем месте проживания (регистрации и месте возможного нахождения), сведения о воинском учете; приложить фото разыскиваемого лица» [8, с. 212–213].

Выводы. Несмотря на то, что традиционно розыскную функцию относят к органам дознания, при осуществлении предварительного расследования ее ини-

циатором и субъектом осуществления является следователь. Уголовно-процессуальный закон предусматривает поручение розыска сотрудникам органа дознания, но это возможно осуществить только после производства исчерпывающей совокупности следственных действий, когда факты сокрытия и умышленного уклонения лица будут подтверждены совокупностью доказательств. Даже после вынесения постановления об объявлении лица в розыск и даче поручения на установление его местонахождения розыскные мероприятия следователем не приостанавливаются. Следователь руководит данной функцией и корректирует деятельность в зависимости от складывающейся следственной ситуации.

Примечания

1. *Гончар В. В.* Деятельность следователя по розыску подозреваемых и обвиняемых: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 188 с.

2. *Мешков М. В., Гончар В. В.* Историко-правовые аспекты розыска подозреваемого и обвиняемого // Современная наука. 2015. № 3. С. 51–54.

3. *Бекетов М.* Процессуальные аспекты исполнения органами дознания поручений следователя о производстве розыскных действий // Уголовное право. 2009. № 3. С. 65–68.

4. *Ларин Е. Г., Павлов А. В.* Место розыскных действий в системе средств розыска подозреваемого (обвиняемого) // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 2. С. 63–67.

5. *Гладышева О. В., Репкин М. С.* Понятие и правовая природа розыскных действий следователя // Российский следователь. 2009. № 1. С. 4–6.

6. *Смолькова И. В.* Розыск и задержанием подозреваемого, скрывшегося от предварительного расследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2 (97). С. 129–138.

7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гандалоева Алихана Хаджибикаровича на нарушение его конституционных прав статьей 210 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 января 2017 г. № 206-О // КонсультантПлюс: сайт. Режим доступа: по подписке (дата обращения: 20.03.2023).

8. *Петухова Ж. П.* Деятельность следователя по розыску подозреваемых и обвиняемых, скрывшихся от следствия // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 2 (18). С. 207–214.

УДК 343

Файзализода Фариды Саиджафар,

адъюнкт адъюнктуры,

Нижегородская академия МВД России (603950, г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, д. 3).

e-mail: ffarida98@mail.ru

**Влияние средств массовой информации
на суицидальные наклонности человека**

Аннотация: в статье актуализируется проблема противодействия самоубийствам, в особенности среди несовершеннолетних, в том числе по причине негативного воздействия средств массовой информации, включая интернет-ресурсы. На основе анализа новых социальных явлений, таких как буллинг, моббинг, киберсталкинг, харассмент, констатируется высокая значимость средств массовой информации в негативном влиянии на восприятие и самовосприятие человека, что может служить дополнительным фактором принятия лицом решения о суициде. По результатам исследования формулируется вывод о необходимости выделить первоочередные направления, по которым должно осуществляться противодействие комплексам суицидальности, в том числе путем дальнейшего ограничения распространения контента насилия в средствах массовой информации с целью минимизации криминогенного влияния на личность.

Ключевые слова: суицид; самоубийство; доведение до самоубийства; средства массовой информации; буллинг; моббинг; киберсталкинг; харассмент.

Введение. Как показывает статистика, огромное количество лиц ежегодно заканчивают жизнь самоубийством. В 2022 г. в Российской Федерации 24 589 лиц закончили жизнь самоубийством [1], из них 679 – несовершеннолетних [2]. Для Республики Таджикистан картина в процентном соотношении не менее трагична: в 2022 г. закончили жизнь самоубийством 69 несовершеннолетних [3]. При этом попыток совершения самоубийства предпринималось едва ли не в несколько раз больше, однако из-за своевременно оказанной медицинской помощи или отказа самого субъекта от завершения начатого непосредственно самоубийство не состоялось. Подтвержденные данные относительно числа попыток прервать собственную жизнь отсутствуют ввиду высокой латентности указанного явления. Столь высокие

показатели самоубийств в целом, вне зависимости от того были ли они совершенны по собственному желанию потерпевшего или вследствие давления на него стороннего лица с целью доведения до суицида, связаны в первую очередь с высокой информационной нагрузкой, а также кризисными социальными явлениями.

После стремительного внедрения социальных сетей в интернет значительно увеличилось количество самоубийств несовершеннолетних, которых побудили к этому в так называемых группах смерти. Доступ к ним регулярно блокируется, однако появление новых ставит жизнь детей под угрозу. Впервые о таких группах (вроде сообществ «Синий кит», «Тихий дом», «Разбуди меня в 4:20») стало известно в 2016 г. В них насчитывались десятки или даже сотни активных пользователей [4, с. 87].

Основное исследование. Любой суицид крайне болезненно воспринимается обществом, поскольку, помимо непосредственной гибели человека, самоубийство вызывает сочувствие, тревожные волнения, осуждение, предопределяя деструктивные социальные процессы и последствия, дестабилизируя этико-моральную, психологическую ситуацию в социуме.

В настоящее время мир характеризуется быстрым развитием информационных технологий, что влияет на все сферы нашей жизни. Это связано с тем, что мировое сообщество активно и повсеместно использует телекоммуникационные технологии. В связи с непрерывным совершенствованием и модернизацией технологических процессов постоянно возникают и совершаются общественно опасные деяния, которые наносят моральный и имущественный ущерб.

На современном этапе все чаще становится известно о новых (или трансформированных на иной лад) социальных явлениях, таких как буллинг (от англ. *bullying* – «запугивание», «издевательство», «травля»), моббинг (от англ. *mob* – «агрессивная толпа», «банда»; форма психологического насилия над отдельным человеком со стороны группы); киберсталкинг (длительная повторяющаяся рассылка угроз своей жертве через электронные средства связи); харассмент (приставания и сексуальные домогательства) и прочее. Их применение провоцирует одного человека или группу людей, для которых из-за специфики личного восприятия, невозможности противостоять агрессии или по иным личным причинам, на такие невыгодные и негативные действия, как увольнение с работы, судебные разбирательства, материальные затраты и даже самоубийство.

Сложная ситуация в сфере психологической безопасности человека, в том числе относительно его уголовно-правового обеспечения, способствовала возникновению насущной потребности в усовершенствовании системы механизмов, направленных на минимизацию негативных переживаний, связанных с конфликтами, которые ставят под угрозу целостность личности. Особую роль в этих процессах

играют средства массовой информации (далее – СМИ). Как отмечается в научной литературе, деятельность СМИ наталкивает на мысль об умышленном нагнетании страха среди населения, а именно ежедневном тиражировании на ведущих телеканалах страны материалов воспроизводства обстановки и обстоятельств преступлений, как правило, квалифицированных видов убийств, катастроф, трагических происшествий [5, с. 180]. Соответственно, криминогенное влияние СМИ на личность также является одним из механизмов деструктивного развития как личности субъекта агрессии и/или доведения до самоубийства, так и жертвы таких деяний, тем самым обосновывается особый процесс влияния медиа на личность, специфику индивидуального восприятия и усвоения этого влияния, а также дальнейшей деформации ценностных ориентаций и установок лица.

Криминогенные установки формируются под влиянием распространения в СМИ, включая и сеть «Интернет», криминального романтизма, криминальной субкультуры и идеологии, пропаганды преступной деятельности или преступного образа жизни, чем обуславливают социально-психологическое заражение, одобрение или оправдание преступности, стремление к подражанию, восприятие преступности как нормы [6, с. 110].

Современная информационная эпоха в целом создает благоприятные условия для выражения собственных мыслей, взглядов и убеждений. Возможность реализации такой свободы мысли порой имеет неотвратимый характер и может привести к опасному воздействию виртуальной среды как платформы психологического манипулирования гражданами.

Как известно, каждый человек имеет право выбрать вероисповедание. Ежегодно растет число религиозных объединений (сект), которые по своим обрядам отличаются от основных религий и церковных организаций. Для достижения большей эффективности собственной деятельности секты распространяют псевдорелигии путем прямых телетрансляций, создают отдельные каналы на радиостанциях, где призывают людей вступать в свои так называемые Братства или сходные организации. Как свидетельствует практика, результат их деятельности – это тысячи сломанных судеб и разбитых семей, сотни безумств и самоубийств.

Выводы. Учитывая проблематику влияния СМИ на криминализацию склонения к деятельности, представляющей опасность для жизни человека, представляется обоснованной тенденция к усилению контроля и ужесточению запретов и ответственности за публичную деятельность СМИ, в том числе интернет-изданий и онлайн-площадок, социальных сетей.

Поскольку в большинстве случаев самоубийства совершаются дома, следует особо выделить значимость таких социально значимых проектов и служб доверия, деятельность которых направлена на эмоциональную и психологическую поддерж-

ку лиц, ставших жертвами насилия, или находящихся в состоянии эмоциональной лабильности.

Обозначенные нами меры окажут позитивное воздействие на социополитические и криминологические факторы социальной обусловленности установления уголовной ответственности, а также криминализации деятельности, представляющей опасность для жизни человека.

С целью усовершенствования обеспечения безопасности лица с учетом права на жизнь каждого человека и его защиту, составляющих основу гуманистической деятельности общества и государства, необходимо выделить первоочередные направления, по которым должно осуществляться противодействие комплексам суицидальности, в том числе путем дальнейшего ограничения распространения контента насилия в СМИ с целью минимизации криминогенного влияния на личность, а также разработки специальных норм и механизма противодействия новым вызовам, таким как кибербуллинг, моббинг и другие.

Примечания

1. Статистика самоубийств в России в 2022 году: количественный анализ и важные факты // Портал о важных новостях и не только. URL: <https://deti-skazki.ru/novosti/statistika-samoubijstv-v-rossii-v-2022-go/> (дата обращения: 28.01.2024).

2. Мамиконян О. Омбудсмен Львова-Белова предложила создать службу для борьбы с подростковым суицидом // Forbes: сайт. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/493741-ombudsmen-l-vova-belova-predlozila-sozdat-sluzbu-dla-bor-by-s-podrostkovym-suicidom> (дата обращения: 28.01.2024).

3. В Таджикистане за год покончили жизнь самоубийством 69 несовершеннолетних детей // Вечёрка: сайт. URL: <https://vecherka.tj/archives/58034> (дата обращения: 28.01.2024).

4. Ивлева А. А. Об особенностях криминализации доведения до самоубийства // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 86–89.

5. Боровикова В. В. К вопросу о влиянии средств массовой информации на преступность // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 179–182.

6. Сысолина Н. С., Берестовой А. Н. Криминальная субкультура как криминогенное фоновое явление: понятие и признаки // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 3 (58). С. 107–114.

УДК 343.7

Хованская Яна Андреевна,

адъюнкт адъюнктуры,

Нижегородская академия МВД России (603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3).

E-mail: yanin.gr@mail.ru

Криминообразующие признаки легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы уголовно-правового противодействия преступлениям, предусмотренным ст. 174, 174¹ Уголовного кодекса Российской Федерации. Автор обратил особое внимание на содержание признаков, определяющих преступность данных общественно опасных деяний, а также на то, какие разъяснения по ним были даны Пленумом Верховного Суда Российской Федерации. Исследованы материалы следственно-судебной практики и приведены примеры с различающимися позициями судебных органов по схожим вопросам.

Ключевые слова: уголовная ответственность; легализация; отмывание; криминообразующие признаки; преступление.

Введение. Противодействие легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, является одним из основных направлений, обеспечивающих экономическую стабильность и социальное благополучие государства и его населения. В этих целях органами государственной власти и иными организациями разрабатываются и применяются различные меры, к числу которых относятся формирование списков компаний с выявленными признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке; создание сервисов и платформ, позволяющих оценить рейтинг контрагентов и процента вовлеченности их в совершение сомнительных операций; разработка рекомендаций для финансовых организаций по вопросам ведения своей деятельности и использования платежных инструментов и другие. Наиболее строгими на настоящий день остаются уголовно-правовые (ответственность, предусмотренная ст. 174, 174¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)).

Несмотря на все усилия, предпринимаемые для контроля сложившейся ситуацией, Центральным Банком Российской Федерации (далее – ЦБ РФ) фиксируется

рост количества финансовых пирамид и иных нелегальных организаций по итогам 2023 г. по сравнению с предшествующим [1]. На рисунке видно, что в 2023 г. по сравнению с 2022 г. количество организаций, осуществляющих сомнительные операции, увеличилось на 15,5 %, также наблюдается рост по всем перечисленным их видам, за исключением профессиональных участников рынка ценных бумаг (их стало меньше на 28 %).

Субъекты с признаками нелегальной деятельности

	2022 год	2023 год
Всего	4 964	5 735 ▲
Нелегальные кредиторы	1 722	1 884 ▲
Финансовые пирамиды	2 017	2 944 ▲
Нелегальные профессиональные участники рынка ценных бумаг	1 201	862 ▼
Иное*	24	45 ▲

Рисунок. Количество субъектов с признаками нелегальной деятельности в 2022, 2023 годах

Таким образом, вопросы уголовно-правового противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества не утрачивают своей актуальности и в настоящее время, а эффективность применения данных правовых норм напрямую зависит от того, насколько точно передан замысел законодателя в сформулированных им криминообразующих признаках.

Основное исследование. Традиционно одним из критериев определения общественной опасности, а также места в УК РФ является объект преступления, определяющий специфику общественных отношений. Применительно к интересующим нас статьям (ст. 174, 174¹ УК РФ) они характеризуются принадлежностью к экономической деятельности. Спецификой данных правовых норм является ярко выраженный бланкетный характер, начиная от названия преступления и заканчивая составляющими его признаками. Так, термин «легализация (отмывание)» является результатом имплементации международных правовых актов [2, 3].

С течением времени в различных редакциях уголовного закона смысл и характеристика данных преступных деяний менялись. Сегодня законодатель остановился на следующем.

Предметом преступления являются денежные средства или иное имущество. Определение содержания этих категорий невозможно без обращения к Гражданскому кодексу Российской Федерации, однако Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум ВС РФ) в постановлении от 7 июля 2015 г. № 32 [4] предпринял эту попытку и включил в понятия следующие признаки. Доходы от преступной деятельности должны обладать одной из следующих характеристик: а) их незаконное приобретение является «признаком конкретного состава преступления»; б) получены в качестве «материального вознаграждения за совершенное преступление»; в) получены как «плата за сбыт предметов, ограниченных в гражданском обороте» [4].

Также Пленумом ВС РФ было уточнено, какие формы денежных средств могут являться предметом рассматриваемых нами преступлений. К ним отнесены денежные средства: 1) наличные в валюте Российской Федерации или в иностранной валюте; 2) безналичные, в том числе электронные; 3) «преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенные в результате совершения преступления» [4].

В рамках уголовно-правового законодательства также были выделены отдельные категории, относящиеся и раскрывающие замысел законодателя, касающегося понятия «иное имущество». Перечень иного имущества отражен в п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 7 июля 2015 г. № 32 и включил 1) движимое и недвижимое имущество; 2) имущественные права; 3) документарные и бездокументарные ценные бумаги; 4) имущество, полученное в результате переработки имущества, приобретенного преступным путем или в результате совершения преступления [4].

Перейдем к описанию криминообразующих признаков, составляющих объективную сторону преступления. Наибольший интерес, по нашему мнению, представляют такие средства, как «финансовые операции» и «другие сделки», которые также находятся на стыке с понятиями, содержащимися в гражданском и финансовом праве. Однако и на этот счет Пленум ВС РФ подготовил свои замечания [4].

В качестве финансовых операций понимаются «любые операции с денежными средствами», а сделок – действия, направленные: а) на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей; б) создание видимости возникновения или перехода гражданских прав и обязанностей.

Особое внимание уделяется тому, что все действия совершаются виновным для того, чтобы замаскировать связь между преступлением и имуществом.

Что касается субъектов совершения преступлений, то в ст. 174 УК РФ он общий, а в ст. 174¹ УК РФ – специальный (то есть имущество отмывается тем же лицом, в результате совершения преступления которым оно и было добыто).

Криминообразующие признаки субъективной стороны: цель преступления (придания правомерного вида владению, пользованию, распоряжению имущества), а также в ст. 174 УК РФ – заведомость (осознание и убежденность лица в преступности происхождения имущества). Наша краткость в определении понятия «заведомость» не говорит о том, что данный признак не вызывает проблем у правоприменителей, напротив, мы планируем более тщательно разобраться в этом вопросе и уделить ему в дальнейшем отдельное внимание.

Исследование следственно-судебной практики показало, что большинство трудностей возникает именно в процессе доказывания цели. Так, Четвертый кассационный суд общей юрисдикции принял доводы жалобы осужденного, касающиеся исключения из приговора обвинения по ч. 2 ст. 174¹ УК РФ ввиду отсутствия у него (осужденного) цели преступления, несостоятельными, аргументируя это тем, что виновный именно в целях легализации (отмывания) произвел финансовые операции на торговой площадке по продаже криптовалюты за российские рубли с последующим их выводом на свой банковский счет. Также суд обратил внимание на то, что гражданин А. (данные обезличены) совершал финансовые операции по продаже криптовалюты путем сокрытия незаконного происхождения этих средств, добиваясь придания им вида правомерности, в результате чего ему и удалось ввести эти денежные средства в легальный экономический оборот [5].

Практике известен и другой случай конвертации криптовалюты в рубли, который был оценен судом иным образом. Седьмой кассационный суд общей юрисдикции поддержал жалобу осужденного, опираясь на то мнение, что факт подобного преобразования денежных средств будет достаточным для того, чтобы сделать вывод о наличии состава данного преступления только лишь при доказанном умысле [6].

Наше мнение заключается в следующем. Виновное лицо еще на стадии приготовления к совершению преступления задумывается о необходимости использования им виртуальных активов (например, криптовалют) именно в целях конспирации своей преступной деятельности, за осуществление которой он получит материальное вознаграждение. Также у него имеется (допустим, даже бытовое) представление о том, что у правоохранительных органов нет возможности установить принадлежность используемых им цифровых финансовых активов ввиду технических особенностей (децентрализованности технологии блокчейн, на базе которой и функционируют криптовалюты). Учитывая вышеперечисленные факторы, у нас возникают следующие вопросы: для чего так усложняет процесс получения денежных средств субъект преступления? Зачем прибегает к таким трудностям? Почему не может принять материальное вознаграждение в той валюте, которой он пользуется в своей повседневной жизни? Мы предполагаем, что, совершая преступление

и получая плату, виновный желает воспользоваться заработанным, а не аккумулировать их на криптокошельках в ожидании того, когда он сможет ими расплатиться.

Выводы. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества является серьезным транснациональным преступлением, формирующим теневой сектор экономики и представляющим огромную угрозу для развития любого государства. Противодействие такому социальному явлению – одна из основополагающих задач любой страны.

Уголовное противодействие в Российской Федерации заключается в установлении уголовной ответственности и применении ее мер за совершение деяний, обладающих вышеперечисленными криминообразующими признаками. Квалификационный процесс значительно затрудняется особенностью изложения и формирования таких признаков.

В ходе изучения судебной практики по уголовным делам было обнаружено, что одной из самых распространенных проблем является доказывание имеющейся у виновного цели придания правомерного вида пользованию, владению или распоряжения имуществом, особенно в процессе использования цифровых финансовых активов. В связи с этим мы предлагаем считать, что цель совершения преступления подтверждается действиями лица по использованию криптовалюты и дальнейшего перевода преобразованных от нее денежных средств на банковский счет, поскольку в результате этой деятельности происходит сокрытие преступного происхождения, местонахождения и права виновного на это имущество.

Примечания

1. Банк России выявил за год более 5,7 тысячи пирамид и нелегальных поставщиков финансовых услуг // Банк России: официальный сайт. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=18415> (дата обращения: 10.02.2024).

2. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г. // КонсультантПлюс: сайт. Режим доступа: по подписке (дата обращения: 10.02.2024).

3. Конвенция Организации Объединенных Наций об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности ETS от 8 ноября 1990 г. № 141 // КонсультантПлюс: сайт. Режим доступа: по подписке (дата обращения: 10.02.2024).

4. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем:

постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 (ред. от 26 февраля 2019 г.) // Российская газета. 2015.13 июля.

5. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18 октября 2022 г. № 77-4245/2022 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=KSOJ004&n=105834&date=16.02.2024&dst=100038&field=134> (дата обращения: 10.02.2024).

6. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21 апреля 2022 г. № 77-2103/2022 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=KSOJ007&n=55735&date=16.02.2024&dst=100050&field=134> (дата обращения: 10.02.2024).

РАЗДЕЛ III ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 658.153.8

Баранова Лада Вадимовна,

адъюнкт адъюнктуры,

Нижегородская академия МВД России (603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3).

E-mail: lada.baranova.1999@yandex.ru

Факторный анализ оборачиваемости дебиторской задолженности генерирующего предприятия электроэнергетики ООО «Автозаводская ТЭЦ»

Аннотация: в статье рассмотрен вопрос управления дебиторской задолженностью электрогенерирующим предприятием Нижегородской области. В качестве метода исследования использован факторный анализ, позволяющий оценить степень влияния факторов на оборачиваемость дебиторской задолженности. Данными факторами выступают выручка от реализации и среднегодовая дебиторская задолженность.

Ключевые слова: электроэнергетика; предприятие; дебиторская задолженность; факторный анализ.

Введение. Устойчивое развитие предприятия электроэнергетики во многом определяется высоким уровнем экономической безопасности, рассматриваемой в данном контексте в качестве совокупности функциональных составляющих. Одним из таких структурных элементов выступает финансовая безопасность.

В теории экономической безопасности общепринятая и универсальная трактовка понятия «финансовая безопасность предприятия» так и не принята. В. В. Шлыков полагает, что категория определяется состоянием защищенности предприятия от влияния угроз и факторов эндогенного и экзогенного характера, в рамках обеспечения коммерческих интересов и уставной деятельности [1, с. 20]. В изложении О. Н. Бадаевой и Е. В. Цупко закладываемый смысл в понятие предполагает достижение финансового состояния предприятия, отличающегося способностью и возможностью противостоять угрозам, препятствующим исполнению финансовых интересов [2, с. 71]. С точки зрения Р. С. Палехина, финансовая безопас-

ность предприятия определяется через предельное состояние финансовой устойчивости, способное отражать внешние и внутренние угрозы. Оценка ее уровня осуществляется через индикаторы, во главу угла ставятся показатели изменения стоимости предприятия [3, с. 14].

В авторском изложении финансовая безопасность предприятия интерпретируется в отношении предприятий электроэнергетики и имеет следующее содержание: «Это состояние защищенность финансовой системы предприятия электроэнергетики, при котором обеспечиваются достижение и поддержание ее устойчивости, способной минимизировать негативное влияние внешних и внутренних видов опасностей в условиях необходимости исполнения обязательств по снабжению электроэнергией потребителей в требуемых объемах приемлемого качества». Для определения эффективности политики ее обеспечения обращаются к проведению финансового анализа деятельности, включающего исследование поведения основных параметров.

Основное исследование. Для предприятий электроэнергетики управление дебиторской задолженностью приобретает особую актуальность, связанную с особенностями ведения деятельности как таковой. Пользователь занимает определяющую позицию в вопросах объемов выработки электроэнергии ввиду временного совпадения производства и потребления генерируемого продукта. Именно от его экономического поведения зависят рационализация режимов и адекватность тарифов. В современных инновационных условиях развития концепции «активный потребитель» его статусу уделяется все большее внимание [4]. С этой позиции релевантна проблема своевременности платежей пользователей электроэнергии, ставшей злободневной темой для всех видов предприятий электроэнергетики. Из-за кассового разрыва, образующегося в результате оплаты услуги постфактум и отсутствия платежной дисциплины некоторых клиентов, возникают колоссальные объемы дебиторской задолженности, в том числе просроченной. При этом неоплата потребителем гарантирующему поставщику или иной сбытовой компании влечет возрастание объемов дебиторской задолженности у сетевых и генерирующих компаний.

В качестве одного из ключевых финансовых показателей деятельности предприятия выступает оборачиваемость дебиторской задолженности, входящая в группу показателей оборачиваемости средств, позволяющих оценить эффективность управления активами и капиталом предприятия. На примере генератора электроэнергии Нижегородской области ООО «Автозаводская ТЭЦ» нами исследовано изменение коэффициента оборачиваемости дебиторской задолженности на основе факторного анализа.

ООО «Автозаводская ТЭЦ» является участником первой ценовой зоны оптового рынка электроэнергии и мощности и входит в структуру энергокомпании АО «ЕвроСибЭнерго». Самостоятельный статус приобрела в октябре 2004 г. В таблице 1 представлена основная справочная информация о предприятии [5].

Таблица 1

Основная характеристика ООО «Автозаводская ТЭЦ»

Характеристика	Данные
Основной вид деятельности по коду ОКВЭД	35.11.1 Производство электроэнергии тепловыми электростанциями, в том числе деятельность по обеспечению работоспособности электростанций
Установленная электрическая мощность, <i>МВт</i>	480
Установленная тепловая мощность, <i>Гкал/ч</i>	2172
Доля электрической мощности в Нижнем Новгороде, %	58
Доля выработки в Нижегородской области, %	17

Необходимые исходные данные для проведения факторного анализа (табл. 2) представлены в бухгалтерской отчетности предприятия за 2022 г.

Таблица 2

Значения для факторного анализа коэффициента оборачиваемости дебиторской задолженности

Показатель	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Относительное отклонение		
				2020/ 2019	2021/ 2020	2022/ 2021
Выручка, <i>тыс. рублей</i>	8 858 862	10 223 438	9 590 472	1	1,15	0,94
Среднегодовая величина дебиторской задолженности, <i>тыс. рублей</i>	2 410 671,5	2 696 472,5	2 461 385	1,07	1,12	0,91
Коэффициент дебиторской задолженности, <i>оборотов</i>	3,7	3,8	3,9	0,95	1,03	1,03

Коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности:

$$K_{\text{об. дз}} = \frac{TR}{ДЗ_{\text{ср. год}}}, \quad (1)$$

где $K_{\text{об. дз}}$ – коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности, оборотов;

TR – выручка от реализации продукции (работ, услуг) предприятия, тыс. рублей;

$ДЗ_{\text{ср. год}}$ – среднегодовая величина дебиторской задолженности, тыс. рублей.

Среднегодовая величина дебиторской задолженности определяется как сумма значения показателей на начало и конец анализируемого периода, деленная на два:

((строка 1230 бухгалтерского баланса на начало периода + строка 1230 бухгалтерского баланса на конец периода) / 2).

Использование факторного анализа в качестве метода исследования позволяет выявить факторы, оказывающие наибольшее влияние на переменную [6]. Для его проведения будем придерживаться нижеизложенного алгоритма.

1.1. Установить влияние факторов поочередно за 2020–2021 гг. (табл. 3).

Таблица 3

Расчет коэффициента	Результат	$\Delta K_{\text{об. дз}}$
$K_{\text{об. дз}}^1 = \frac{TR_{2020}}{ДЗ_{\text{ср. год. 2020}}}$	3,67	0,57
$K_{\text{об. дз}}^2 = \frac{TR_{2021}}{ДЗ_{\text{ср. год. 2020}}}$	4,24	
$K_{\text{об. дз}}^3 = \frac{TR_{2021}}{ДЗ_{\text{ср. год. 2020}}}$	4,24	-0,45
$K_{\text{об. дз}}^4 = \frac{TR_{2021}}{ДЗ_{\text{ср. год. 2021}}}$	3,79	

$K_{\text{об. дз}}^1$ – коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности, оборотов, рассчитанный за 2020 г. с учетом влияния выручки от реализации продукции предприятия;

TR_{2020} – выручка от реализации продукции (работ, услуг) предприятия в 2020 г., тыс. рублей;

$ДЗ_{\text{ср. год. 2020}}$ – среднегодовая величина дебиторской задолженности в 2020 г., тыс. рублей;

$K_{об. дз} 2$ – коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности, оборотов, рассчитанный с учетом изменения выручки от реализации продукции предприятия в 2021 г.;

$TR 2021$ – выручка от реализации продукции (работ, услуг) предприятия в 2021 г., тыс. рублей;

$K_{об. дз} 3$ – коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности, оборотов, рассчитанный с учетом влияния среднегодовой величины дебиторской задолженности в 2020 г.;

$K_{об. дз} 4$ – коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности, оборотов, рассчитанный с учетом изменения среднегодовой величины дебиторской задолженности в 2021 г.;

$ДЗ_{ср. год.} 2021$ – среднегодовая величина дебиторской задолженности в 2021 г., тыс. рублей;

$\Delta K_{об. дз}$ – изменение коэффициента оборачиваемости дебиторской задолженности, оборотов в зависимости от изменения факторов.

1.2. Определить совокупное влияние факторов.

$$\Delta K_{об. дз} = \Delta K_{об. дз} (TR) + \Delta K_{об. дз} (ДЗ_{ср. год.}) = 0,57 + (-0,45) = 0,12, \quad (2)$$

где $\Delta K_{об. дз} (TR)$ – изменение коэффициента оборачиваемости дебиторской задолженности, оборотов при изменении выручки от реализации продукции предприятием;

$\Delta K_{об. дз} (ДЗ_{ср. год.})$ – изменение коэффициента оборачиваемости дебиторской задолженности, оборотов при изменении среднегодовой величины дебиторской задолженности.

2.1. Установить влияние факторов поочередно за 2021–2022 гг. (табл. 4).

Таблица 4

Расчет коэффициента	Результат	$\Delta K_{об. дз}$
$K_{об. дз} 5 = \frac{TR 2021}{ДЗ_{ср. год.} 2021}$	3,79	-0,23
$K_{об. дз} 6 = \frac{TR 2022}{ДЗ_{ср. год.} 2021}$	3,56	
$K_{об. дз} 7 = \frac{TR 2022}{ДЗ_{ср. год.} 2021}$	3,56	0,34
$K_{об. дз} 8 = \frac{TR 2022}{ДЗ_{ср. год.} 2022}$	3,9	

$K_{об. дз} 5$ – коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности, оборотов, рассчитанный за 2021 г. с учетом влияния выручки от реализации продукции предприятия;

$TR 2021$ – выручка от реализации продукции (работ, услуг) предприятия в 2021 г., тыс. рублей;

$ДЗ_{ср. год.} 2021$ – среднегодовая величина дебиторской задолженности в 2021 г., тыс. рублей;

$K_{об. дз} 6$ – коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности, оборотов, рассчитанный с учетом изменения выручки от реализации продукции предприятия в 2022 г.;

$TR 2022$ – выручка от реализации продукции (работ, услуг) предприятия в 2022 г., тыс. рублей;

$K_{об. дз} 7$ – коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности, оборотов, рассчитанный с учетом влияния среднегодовой величины дебиторской задолженности в 2021 г.;

$K_{об. дз} 8$ – коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности, оборотов, рассчитанный с учетом изменения среднегодовой величины дебиторской задолженности в 2022 г.;

$ДЗ_{ср. год.} 2022$ – среднегодовая величина дебиторской задолженности в 2022 г., тыс. рублей.

2.2. Определить совокупное влияние факторов.

$$\Delta K_{об. дз} = \Delta K_{об. дз} (TR) + \Delta K_{об. дз} (ДЗ_{ср. год.}) = -0,23 + 0,34 = 0,1. \quad (3)$$

3.1. Установить влияние факторов поочередно за 2020–2022 гг. (табл. 5).

Таблица 5

Расчет коэффициента	Результат	$\Delta K_{об. дз}$
$K_{об. дз} 9 = \frac{TR 2020}{ДЗ_{ср. год.} 2020}$	3,67	0,3
$K_{об. дз} 10 = \frac{TR 2022}{ДЗ_{ср. год.} 2020}$	3,98	
$K_{об. дз} 11 = \frac{TR 2022}{ДЗ_{ср. год.} 2020}$	3,98	-0,08
$K_{об. дз} 12 = \frac{TR 2022}{ДЗ_{ср. год.} 2022}$	3,9	

$K_{об. дз} 9$ – коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности, оборотов, рассчитанный за 2020 г. с учетом влияния выручки от реализации продукции предприятия;

$TR 2020$ – выручка от реализации продукции (работ, услуг) предприятия в 2020 г., тыс. рублей;

$ДЗ_{ср. год.} 2020$ – среднегодовая величина дебиторской задолженности в 2020 г., тыс. рублей;

$K_{об. дз} 10$ – коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности, оборотов, рассчитанный с учетом изменения выручки от реализации продукции предприятия в 2022 г.;

$TR 2022$ – выручка от реализации продукции (работ, услуг) предприятия в 2022 г., тыс. рублей;

$K_{об. дз} 11$ – коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности, оборотов, рассчитанный с учетом влияния среднегодовой величины дебиторской задолженности в 2020 г.;

$K_{об. дз} 12$ – коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности, оборотов, рассчитанный с учетом изменения среднегодовой величины дебиторской задолженности в 2022 г.;

$ДЗ_{ср. год.} 2022$ – среднегодовая величина дебиторской задолженности в 2022 г., тыс. рублей.

3.2. Определить совокупное влияние факторов.

$$\Delta K_{об. дз} = \Delta K_{об. дз} (TR) + \Delta K_{об. дз} (ДЗ_{ср. год.}) = 0,3 + (-0,08) = 0,22. \quad (4)$$

4. Обобщить полученные результаты факторного анализа оборачиваемости дебиторской задолженности (табл. 6).

Таблица 6

Обобщение результатов факторного анализа оборачиваемости дебиторской задолженности

Фактор	Результат влияния		
	2020–2021 гг.	2021–2022 гг.	2020–2022 гг.
Изменение выручки от реализации	0,57	–0,23	0,3

Окончание табл. 6

Фактор	Результат влияния		
	2020–2021 гг.	2021–2022 гг.	2020–2022 гг.
Изменение среднегодовой величины дебиторской задолженности	–0,45	0,34	–0,08
Итоговое влияние факторов	0,12	0,1	0,22

Выводы. Таким образом, строго установленного норматива для оборачиваемости дебиторской задолженности нет. Этот факт обусловлен наличием отраслевых особенностей, технологий, условий деятельности, существующих на предприятиях, тем не менее можно утверждать, что чем выше коэффициент, тем быстрее клиенты погашают задолженность, что является неоспоримым плюсом для финансового состояния предприятия. С учетом этого очевидно, что ситуация в 2021 г. относительно 2020 г. улучшилась, однако показала обратную тенденцию в 2022 г. Подобный факт свидетельствует о необходимости совершенствования и ужесточения политики в области управления дебиторской задолженностью.

Традиционной мерой борьбы с неблагонадежностью клиентов является ограничение энергоснабжения нарушителей. Подобный шаг сбытовых компаний может привести к улучшению ситуации сетевых и генерирующих компаний. Необходимо учитывать, что потребителями электроэнергии могут быть и крупные экономически значимые промышленные предприятия, а вмешательство в их энергетическую безопасность приведет к негативным изменениям в экономике региона.

Примечания

1. Шлыков В. В. Комплексное обеспечение экономической безопасности предприятия. Санкт-Петербург: Алетейя, 1999. 138 с.
2. Бадаева О. Н., Цупко Е. В. Оценка финансовой безопасности малых и средних предприятий // Российское предпринимательство. 2013. Т. 14. № 14. С. 71–83.
3. Папехин Р. С. Факторы финансовой устойчивости и безопасности предприятия: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2007. 21 с.
4. Волкова И. О., Шувалова Д. Г., Сальникова Е. А. Активный потребитель в интеллектуальной энергетической системе // Высшая школа экономики: сайт.

URL: <https://www.hse.ru/data/2013/01/23/1306483935/Volkova-Shuvalova-Salnikova-AkEn>. (дата обращения 18.01.2024).

5. Автозаводская ТЭЦ: сайт. URL: <https://atec.volgaenergo.ru/> (дата обращения: 18.01.2024).

6. Методы статистического анализа данных // StatLab: сайт. URL: <https://statlab.ru/methods?ysclid=lr1tok1em6584672842> (дата обращения: 18.01.2024).

УДК 336

Чикина Татьяна Евгеньевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры математики, информатики и информационных технологий,

Нижегородская академия МВД России (603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3).

E-mail: kurapkina@yandex.ru

Буракова Мария Алексеевна,

курсант,

Нижегородская академия МВД России (603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3).

E-mail: burakovamaryaaa@gmail.com

К вопросу о сущности банкротства

Аннотация: прогнозирование угрозы банкротства актуально на современном этапе экономического роста Российской Федерации, что связано с неплатежеспособностью предприятий, столкнувшихся с проведением процедуры банкротства, а также организациями, у которых существует риск банкротства. Чтобы избежать таких ситуаций, а также для раннего распознавания признаков банкротства на предприятии необходимо проводить внутренний мониторинг финансового состояния. В статье рассмотрены теоретические аспекты сущности и понятия банкротства, а также раскрыта нормативно-законодательная база, которая регулирует процедуру банкротства.

Ключевые слова: банкротство; регулирование; финансовые обязательства; состояние; особенности.

Введение. В современных экономических условиях предприятия часто имеют нестабильное экономическое положение. Они должны самостоятельно принимать решения о формате своей деятельности, искать покупателей и поставщиков, разрабатывать стратегию. Достаточно больше количество компаний сталкивается с некомпетентностью сотрудников и руководства, с последствиями финансовых кризисов, что отрицательно влияет на их деятельность и часто ведет к банкротству.

К применению процедуры банкротства может привести недостаток имущества и финансовых средств для погашения обязательств организации.

Основное исследование. На сегодня банкротство является одним из наиболее регламентированных законом способов для решения проблем, связанных с ликвидацией долгов предприятий и физических лиц, неспособных отвечать по обязательствам. Считаем, что в рамках настоящей статьи целесообразно обратиться к статистическим данным (рисунок).

Рисунок. Количество возбужденных процедур конкурсного производства в Российской Федерации с 2019 по 2022 гг. [1]

В Российской Федерации банкротство регламентируется Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», регулирующим порядок осуществления мер по предупреждению неплатежеспособности, условия и порядок проведения процедуры банкротства, и отношения, которые возникают при неспособности организации или физического лица в полном объеме удовлетворить требования кредитора.

Выделяют два принципа определения банкротства организации: 1) неоплатность; 2) неплатежеспособность.

Неоплатность – это такое состояние должника, когда общая стоимость его имущества меньше общего объема обязательств. При этом неважно, насколько общий объем задолженности превышает ее минимальный размер, чтобы быть признанным банкротом, и не имеет значения срок просрочки задолженности относительно минимального срока, установленного законом.

Неплатежеспособность – это такое состояние должника, когда он не имеет средств и возможности расплатиться с кредиторами. Это выходит из неисполнения обязательств под угрозой банкротства в течение определенного периода времени и на определенную сумму. В этом критерии делается акцент на угрозу банкротства, так как если должник не в состоянии под страхом ликвидации предприятия или имущества изыскать средства для обеспечения своих обязательств, тогда такой хозяйственный субъект не способен функционировать на рынке, а также деятельность такого хозяйствующего субъекта может нанести существенный ущерб кредиторам и другим потенциальным и реальным контрагентам [2].

В западноевропейских странах различают следующие признаки банкротства: увеличение кредиторской задолженности, неплатежеспособность, неэффективность использования имущества, нерентабельность сделок. Также в различных западноевропейских странах похожи определения «преступного» банкротства, которое подразделяется на злостное и простое.

Если судить по мировому и отечественному опыту, то банкротство является неизбежным явлением для современного рынка. Таким образом, организации самостоятельно и регулярно должны проводить антикризисные процедуры [3].

Как было сказано ранее, в Российской Федерации процедуру банкротства регулирует Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)». Признаками современного понятия несостоятельности (банкротства) являются:

- 1) неспособность рассчитаться по обязательствам со всеми кредиторами;
- 2) неспособность должника оплачивать обязательные платежи (отчисления, налоги, иные обязательные платежи в бюджет);
- 3) только после установления арбитражным судом наличия признаков неплатежеспособности, которые являются достаточными для применения процедур банкротства, состояние неплатежеспособности переходит в несостоятельность (банкротство) [4].

Проведенный анализ специальной научной литературы позволил выделить следующие виды банкротства:

- 1) реальное (предприятие юридически объявляется банкротом в связи с неспособностью восстановить в будущем свою платежеспособность и финансовую устойчивость из-за значительных потерь используемого капитала. Такие потери

не позволяют предприятию осуществлять эффективную деятельность в предстоящем периоде);

2) техническое (вызвано большим объемом неоплаты дебиторской задолженности предприятия, также сумма дебиторской задолженности должна превышать сумму кредиторской задолженности, и сумма активов значительно превышает сумму обязательств. Такое банкротство при правильном антикризисном управлении в большинстве случаев не приводит к реальному банкротству);

3) преднамеренное (руководитель или собственник предприятия преднамеренно завышает его неплатежеспособность, нанесение в личных целях экономических потерь предприятию. Данный вид банкротства преследуется по закону);

4) фиктивное (при подаче заявления в арбитражный суд должник имеет возможность в полном объеме удовлетворить требования кредиторов. Так поступают для получения отсрочки платежей или для получения скидки с долгов. При подаче такого заявления должник несет ответственность перед кредиторами за убытки, которые он понес из-за этого).

Банкротство является неотъемлемой составляющей частью рыночной экономики. Главным смыслом процедуры банкротства считают развитие рыночной экономики, производства, бизнеса. Таким образом, банкротство является и неизбежной реальностью, и очевидным благом, так как это возможность получить отсрочку по исполнению обязательств, защита от кредиторов, шанс реструктурировать и обновить бизнес.

В условиях жесткой конкуренции рыночные формы хозяйствования могут привести к временной несостоятельности отдельных субъектов хозяйствования. Кризисы проявляются на разных этапах жизненного цикла организации (зарождение идеи создания организации, проектирование и планирование бизнеса, строительство и ремонт, освоение новых производств и технологий, функционирование предприятия, развитие и упадок, закрытие предприятия или его реорганизация). Организация может пройти все жизненные циклы, а может и остановиться в развитии и не достигнуть желаемых результатов.

Существуют явления, которые могут быть источниками кризисного состояния предприятия: снижение конкурентоспособности, изменение рыночной ситуации, злоупотребления управленческого персонала, введение новых законов, изменения политической среды, стихийные бедствия и т. п. Но основополагающей причиной кризиса в организации является низкий уровень профессионализма управленческого персонала предприятия.

Укрепление рыночных позиций и наращивание собственного капитала – одна из основных задач финансовой деятельности организации. Для этого организация должна снижать себестоимость и наращивать объемы продаж, поддерживать

рентабельность, платежеспособность и оптимальную структуру активов и пассивов баланса.

Выводы. Исходя из вышесказанного, следует, что банкротство предприятия характеризует реализацию предпринимательских рисков в процессе его финансовой деятельности, по причине чего предприятие неспособно обеспечивать в полном объеме свои обязательства перед кредиторами и бюджетом в установленные сроки. Существует много причин банкротства, это связано со взаимодействием значительного числа факторов. Такие факторы делят на внутренние (имеют место внутри организации) и внешние (возникают за пределами предприятия и не входят в сферу его влияния). По мнению зарубежных экономистов, одна третья часть вины за банкротство организации лежит на внешних факторах, и две трети вины – на внутренних факторах, но большинство отечественных экономистов считают, что в Российской Федерации чаще присутствует обратная пропорция: внешние факторы превышают внутренние.

Примечания

1. Инфографика: банкротные итоги 2022 года // ПРОБанкротство: сайт. URL: <https://probankrotstvo.ru/articles/infografika-bankrotnye-itogi-2022-goda-1859> (дата обращения 18.01.2024).

2. *Лобова Е. А.* Сущность банкротства и его свойства // Экономика и социум. 2022. № 3-2 (94). С. 657–661.

3. *Донцова Л. В., Никифорова Н. А.* Анализ финансовой отчетности: учебник. Москва: Дело и Сервис, 2015. 368 с.

4. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.

РАЗДЕЛ IV

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ
НАУКИ

УДК 004.032.26

Миронов Никита Андреевич,

кандидат физико-математических наук, заместитель начальника кафедры математики, информатики и информационных технологий,

Нижегородская академия МВД России (603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3).

E-mail: electro112@mail.ru

Кульпанов Андрей Иванович,

преподаватель кафедры математики, информатики и информационных технологий,

Нижегородская академия МВД России (603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3).

E-mail: kulpanov-a@yandex.ru

**Об использовании генеративных нейронных сетей
в деятельности органов внутренних дел**

Аннотация: статья посвящена изучению возможности использования генеративных нейронных сетей, позволяющих создавать реалистичные изображения, аудио- и видеофайлы, неотличимые от настоящих, в деятельности органов внутренних дел. Приведены примеры генерации реалистичных изображений и предложена конкретная область использования нейронных сетей в практической деятельности.

Ключевые слова: нейронные сети; искусственный интеллект; генеративно-состязательная нейросеть; *GAN*; генерация изображений; опознание по фотографии.

Введение. В настоящее время технологии искусственного интеллекта внедрены во все сферы деятельности человека. Одним из важнейших инструментов в области искусственного интеллекта являются нейронные сети (далее – нейросети) – алгоритмы машинного обучения, которые направлены на имитацию работы человеческого мозга. Сети состоят из множества нейронов, способных передавать сигнал от одного звена к другому. Чаще всего нейросети применяются для решения задач классификации, прогнозирования, кластеризации. Задачи классификации позволяют установить зависимость выходной переменной, являющейся дискретной величиной, от совокупности входных переменных. Задачи прогнозирования позволяют получить будущее значение, исследуя входную последовательность. Задачи кластеризации позволяют сгруппировать объекты внутри одного кластера по схожим свойствам [1].

В ноябре 2022 года компания *OpenAI* представила нейросеть *ChatGPT*, которая дает возможность создавать уникальный текст и даже программный код [2]. С этого времени интерес общественности к генеративным нейросетям *GAN* (*Generative Adversarial Network*) только увеличивается.

Принцип работы генеративных нейросетей состоит в соревновании генератора и дискриминатора, именно поэтому генеративные нейросети называют состязательными. Генератор обучается на большом наборе данных и затем должен создать новые данные, которые не будут отличимыми от реальных. Дискриминатор также обучается на наборе данных: его задача – определить, какие данные являются реальными, а какие данные были сгенерированы. И генератор, и дискриминатор находятся в режиме постоянного обучения, что позволяет нейросетям данного класса создавать реалистичные изображения, текст, аудио- и даже видеoinформацию [3].

Основное исследование. В рамках статьи авторы предлагают рассмотреть одну из возможностей применения генеративных нейросетей в деятельности органов внутренних дел, а именно генерацию изображений для следственной работы. По нашему мнению, возможность генерации изображений может быть весьма полезна при расследовании преступлений, в частности, при проведении следственного действия «Предъявление для опознания».

В ходе следственной работы часто встречаются случаи предъявления для опознания не самих людей, а их фотографий. Такая возможность закреплена законодательно ст. 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: «При невозможности предъявления лица опознание может быть проведено по его фотографии, предъявляемой одновременно с фотографиями других лиц, внешне сходных с опознаваемым лицом. Количество фотографий должно быть не менее трех» [4].

Предъявление для опознания представляет собой процедуру идентификации какого-либо объекта (человека, предмета и т. п.) в установленном уголовно-процессуальным законом порядке, лицом, ранее наблюдавшим его при определенных обстоятельствах, которые имеют отношение к расследуемому преступлению или правонарушению. В процессе опознания можно получить информацию о тождестве или различии идентифицируемого объекта и его образа, оставшегося в памяти идентифицирующего.

Опознание по фотографии является важным инструментом в криминалистике. Оно позволяет идентифицировать подозреваемых, свидетелей или жертв на основе фотографических изображений. Принципы опознания по фотографии включают сравнение физических черт, использование специализированных техник и учет ограничений и проблем, связанных с этим методом.

Предположим, имеется фотография подозреваемого (рис. 1).

Рис. 1. Исходное изображение подозреваемого

Генеративные нейросети позволяют изменять фотографии, что значительно упрощает процесс опознания.

Необходимость создания новых изображений связана с тем, что со временем люди могут изменить свой внешний вид, например, сменить прическу, отрастить бороду или поменять цвет волос (см. рис. 2). Это затрудняет опознание, особенно если фотография устарела или не соответствует текущему внешнему виду объекта или лица.

При совершении преступления или правонарушения идентифицируемый объект может сознательно или неосознанно тем или иным образом скрывать опре-

деленные части лица, например, низко надвинуть на лоб шапку или кепку, и наоборот, слишком высоко повязать шарф, надеть медицинскую маску.

а)

б)

**Рис. 2. Генерация маскировки нейронной сетью:
а) изменение прически; б) добавление бороды**

Генеративные нейросети могут изменить исходное изображение и добавить элементы маскировки (рис. 3).

Рис. 3. Генерация маскировки нейронной сетью: добавление аксессуаров

Выводы. Генеративные нейросети активно развиваются за счет непрерывного обучения двух столпов, лежащих в основе технологии: генератора и дискриминатора. Это позволяет генерировать контент, который с каждым днем становится все более реалистичным. Генерация изображений может быть использована в различных областях жизнедеятельности. Авторы рассмотрели возможность применения данных технологий в практической деятельности органов внутренних дел.

Все изображения настоящего исследования были сгенерированы нейросетью *Kandinsky 3.0* [5], разработанной компанией «Сбер».

Примечания

1. *Поллак Г. А., Прохорова И. А.* Аналитические информационные системы поддержки принятия решений на платформе Loginom Community: учебное пособие. Челябинск: ЮУрГУ, 2022. 229 с.

2. Chat GPT: что это, что умеет и как использовать // vc.ru: сайт. URL: <https://vc.ru/chatgpt/616585-chat-gpt-что-это-что-умеет-i-kak-ego-ispolzovat> (дата обращения: 31.01.2024).

3. Генеративно-сопоставительная нейросеть (GAN): архитектура, примеры, код // Neurohive: сайт. URL: <https://neurohive.io/ru/osnovy-data-science/gan-rukovodstvo-dlja-novichkov/> (дата обращения: 31.01.2024).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ч. 1, ст. 4921.

5. Нейросеть для генерации изображений // Fusion Brain – платформа для генерации изображений. URL: <https://fusionbrain.ai/editor/> (дата обращения: 31.01.2024).

РАЗДЕЛ V

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 34.096

Бобылев Артем Александрович,

преподаватель кафедры огневой подготовки,
Нижегородская академия МВД России (603950, г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, д. 3).
E-mail: bobylev.tema@mail.ru

**Тактические особенности подготовки сотрудников
оперативных подразделений к применению огнестрельного оружия:
проблемы и пути их решения**

Аннотация: в статье рассмотрены особенности профессиональной готовности к применению огнестрельного оружия, проблемы подготовки сотрудников оперативных подразделений к правомерному применению огнестрельного оружия в различных оперативно-служебных ситуациях и пути их решения, а также некоторые особенности подготовки сотрудников ОВД при проведении и организации занятий по огневой подготовке.

Ключевые слова: сотрудник оперативных подразделений; применение огнестрельного оружия; тактико-огневая подготовка; оперативно-служебная деятельность.

Введение. Служба сотрудника ОВД отличается насыщенностью событий, повышенным уровнем риска, высокой физической и психологической нагрузкой. В соответствии со ст. 23 и 24 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» специфической чертой профессии полицейского является полномочие на применение огнестрельного оружия [1].

Использование огнестрельного оружия сотрудником ОВД должно быть максимально эффективным и полностью правомерным, поскольку согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью, их защита – обязанностью государства, а значит, и сотрудни-

ков полиции как представителей государственной власти. По вопросу о применении огнестрельного оружия, а также о подготовке сотрудников оперативных подразделений к применению огнестрельного оружия споры не прекращаются, поэтому, не изменяя свою точку зрения, также продолжаем ее аргументировать в новых исследованиях. В этой статье рассмотрен тактико-специальный аспект огневой подготовки сотрудников МВД России.

Основное исследование. В служебной деятельности сотрудники должны ориентироваться на то, что в ходе применения огнестрельного оружия их действиям будет дана правовая оценка, обоснованная законом. Действия сотрудника по применению огнестрельного оружия должны полностью совпадать с теми правовыми мерами и полномочиями по противодействию общественно опасных деяний, которыми его наделило государство, поскольку одна из особенностей данных мер – причинение вреда здоровью посягающего, а в некоторых случаях и лишение его жизни. Из этого следует вывод о том, что деятельность по подготовке компетентных и высококвалифицированных сотрудников, обладающих множеством необходимых навыков и умений, достаточных при выполнении служебной деятельности, является комплексным и многоплановым процессом при обучении.

Чтобы уверенно владеть огнестрельным оружием и компетентно применять его, сотрудникам органов внутренних дел необходимо вырабатывать навыки и умения с самого начала обучения и постоянно их совершенствовать, а также совершенствовать их в процессе служебной деятельности. Данный фактор является одним из важных, так как он определяет эффективность деятельности подразделений МВД России.

Ситуации применения огнестрельного оружия разнообразны: уполномоченный сотрудник может быть вынужден извлечь оружие из кобуры и привести его в готовность на лестничном пролете, в квартире, на балконе, во время движения на транспортном средстве, на площади, в торговом центре, – всегда, когда возникнет основание для его применения, поэтому сотрудники должны сориентироваться в различных условиях оперативной обстановки и действовать законно. Таким образом, вопросы тактико-огневой подготовки обладают высокой актуальностью, поскольку основания для применения огнестрельного оружия могут возникнуть внезапно и в нестандартной обстановке.

Тактико-огневая подготовка – это дисциплина, совмещающая в себе элементы как огневой подготовки в ее классическом понимании, так и тактико-специальной подготовки. Это курс взаимосвязанных тем, целью которых является техническая, тактическая и психологическая подготовка обучаемых к эффективным индивидуальным и групповым действиям в условиях огневого контакта [2]. Данную дисциплину преподают в высших учебных заведениях, обучающих воен-

нослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников формирований Вооруженных сил Российской Федерации (например, сил специальных операций) и др.

В высших учебных заведениях системы МВД России знания и навыки тактико-огневой подготовки, обучающиеся приобретают на занятиях по огневой и тактико-специальной подготовке на основе междисциплинарной связи этих двух дисциплин. Выделять отдельный предмет нецелесообразно, так как он будет дублировать содержание других. На занятиях, в которых присутствуют компоненты, отвечающие за междисциплинарные связи, значительно повышается коэффициент усвоения материала как по огневой подготовке, так и по сопутствующим дисциплинам [3].

Тактико-огневые особенности подготовки сотрудников ОВД заключаются в организации занятий по огневой подготовке, определении условий ведения огня и выборе упражнений, заданий для изучения.

Организация занятий по огневой подготовке подразумевает тщательную методическую работу преподавателя. Ему следует так выстроить учебный процесс, чтобы выделить междисциплинарную связь огневой подготовки с тактико-специальной и физической подготовкой, последовательно изложить материал для изучения, расставить в нем акценты и узловые моменты. Умение правильно изменять свое положение – из положения стоя в положение лежа, на колено, быстро и четко группироваться, разворачиваться и т. п. – способствует более эффективному применению огнестрельного оружия в условиях огневого контакта. Это так же важно, как и производство прицельного выстрела путем плавного нажатия на хвост спускового крючка, совмещение мушки с целиком.

В рамках тактико-огневой подготовки сотрудник должен обладать навыками применения огнестрельного оружия лично и в составе группы, поэтому занятия следует организовать таким образом, чтобы обучающиеся могли тренировать умения работы в команде: распределение секторов ведения огня, прикрытие напарника, изменение позиций, оценка обстановки и распределение сил и др.

Как было отмечено выше, оперативная обстановка может побудить сотрудника применить огнестрельное оружие в нестандартных условиях, полностью отличающихся от привычных при выполнении упражнений стрельб в тире. А. А. Каримов выделяет пространственно-временные условия ведения огня и разделяет их на пять основных групп: условия городской квартиры и окружающее ее пространство, отдельно стоящего здания, общественного места, транспорта и открытого пространства [4].

Каждому условию соответствуют определенная дистанция ведения огня, наличие возможных преград и укрытий, количество людей (как обычных граждан,

так и правонарушителей). В зависимости от ситуации сотрудник ОВД должен адекватно оценить обстановку и выбрать подходящие тактические действия.

В момент проведения тактических занятий по огневой подготовке преподавателю необходимо обращать внимание обучающихся на условия ведения огня в различных ситуациях, предлагать шаблоны поведения, тактические комбинации, а также побуждать их самостоятельно выбирать стратегию поведения, оценивать обстановку и действовать.

Центральным звеном в тактико-огневой подготовке являются упражнения и практические задания. Н. Д. Уланов считает, что обучение стоит начинать именно с базовых упражнений: уход с линии огня в безопасное направление с одновременным извлечением оружия; уход с линии огня в безопасное укрытие; досылание патрона в патронник при извлечении оружия; уход-выстрел-наблюдение [5]. Действительно, обучающийся должен освоить основные тактические действия для того, чтобы правильно себя вести в различных условиях, перечисленных нами выше.

В процессе тактических занятий по огневой подготовке преподаватель может дать задание на проверку знаний и навыков как тактико-специальной, так и физической подготовки (например, провести наружный досмотр лица в положении стоя у стены под угрозой применения огнестрельного оружия), причем преподаватель может сказать ассистенту каким-либо образом противодействовать другому обучающемуся, который будет проводить досмотр. Здесь он использует все полученные знания и освоенные навыки, тренирует умения оценки обстановки и принятия решения, самостоятельно действует. Практические задания эффективны исключительно в том случае, если обучающийся освоил предыдущий материал, обладает необходимыми знаниями и навыками по огневой, тактико-специальной и огневой подготовке.

Выводы. Таким образом, огневая подготовка сотрудников ОВД должна включать в себя тактические занятия, поскольку в профессиональной деятельности сотрудника полиции возникают различные ситуации, в которых нельзя избежать применения огнестрельного оружия.

Нами выделены следующие особенности тактико-огневой подготовки: организация занятий, определение условий ведения огня и выбор упражнений и практических заданий. Все они взаимосвязаны, имеют свое содержание и значение, на которое должен обращать внимание преподаватель по огневой подготовке, чтобы грамотно, эффективно вести отдельные занятия, построить учебный процесс в целом.

Примечания

1. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

2. Черноиванов А. В., Черданцев И. В. Основы методики тактико-огневой подготовки // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2020. № 20-2. С. 202–203.

3. Кокорева Е. В., Меркулова Ю. А. Тактика как неотъемлемая часть огневой подготовки в усложненных условиях // Актуальные вопросы совершенствования тактико-специальной, огневой и профессионально-прикладной физической подготовки в современном контексте практического обучения сотрудников органов внутренних дел: материалы Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2021. С. 267–270.

4. Каримов А. А. Некоторые аспекты интеграции тактико-специальной и огневой подготовки // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. № 1 (60). С. 54–59.

5. Уланов Н. Д. Типовые упражнения по тактико-огневой подготовке для обучающихся образовательных организаций МВД России // Физическая культура и спорт в структуре профессионального образования: ретроспектива, реальность и будущее: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2022. С. 424–427.

РАЗДЕЛ VI

ПРИБУНА НАЧИНАЮЩЕГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

УДК 808.5

Валиев Азамат Аланович,

слушатель,

Нижегородская академия МВД России (603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3).

E-mail: valievazamat995@gmail.com

**Молодежный жаргон
и его отражение в языке средств массовой информации**

Аннотация: в данной статье рассмотрены молодежный жаргон и его отражение в языке средств массовой информации. В настоящее время имеется достаточное количество работ о причинах заимствований, способах их образования, исследований появления молодежного сленга. Открытым остается вопрос допустимости, уместности использования заимствованных слов и высказываний, связанных с компьютерными технологиями, в средствах массовой информации.

Ключевые слова: жаргон; сленг; молодежный жаргон; СМИ.

Введение. Тема молодежного жаргона и его функционирование в разных сферах языка является одной из наиболее актуальных и динамичных среди современных языковых явлений. Молодежный жаргон постоянно обновляется и изменяется, отражая текущие тенденции и развитие молодежной культуры.

Во все времена прослеживались различия между языком молодежи и старшего поколения. Язык молодежи стремится к использованию жаргонизмов. С возрастом речь человека становится более литературной, однако в ней могут оставаться те жаргонизмы, которые свойственны в его юности [1].

Сленг – это особая форма коммуникации, используемая группами людей с общими интересами или принадлежностью к определенной социальной группе. Он содержит специфические слова, выражения и фразы, которые отличаются от литературного языка.

Итак, под молодежным жаргоном принято понимать экспрессивно и эмоционально окрашенную лексику молодежной аудитории, отклоняющуюся от литературной и языковой нормы [2, с. 137].

Основное исследование. В. В. Смеюха выделяет следующие причины развития молодежного жаргона.

Во-первых, это активное развитие медиасреды, позволяющей интегрировать в язык зарубежные слова и выражения. Функционирование социальных сетей, объединяющих аудиторию, говорящую на разных языках, способствует появлению новых жаргонных слов. Если раньше в качестве преобладающих каналов, распространяющих молодежный жаргон, ученые анализировали журналы и газеты, то сегодня их внимание сосредоточено на интернет-коммуникациях.

Во-вторых, возможность посещения зарубежных стран, общение с носителями языка ведут к усвоению новых слов.

В-третьих, глобализация способствует широкому заимствованию английских слов, которые лежат в основе молодежных сленгизмов [2, с. 138].

Жаргон молодежи – это своеобразный язык, который продуцируется и активно используется в молодежной среде.

Молодежная жаргонная лексика устареваает очень быстро. Это можно объяснить несколькими причинами [3].

1. Быстрый темп технологического развития. В эпоху цифровых коммуникаций технологии развиваются с невероятной скоростью. Молодежный жаргон способен отображать актуальные и современные тенденции и термины, однако с приходом новейших технологий, социальных платформ и медийных инноваций, а также с появлением новых модных тенденций выражения и термины стремительно устаревают, поскольку молодежная культура также постоянно эволюционирует.

2. Краткосрочность трендов. Молодежная культура и модные тенденции в жаргоне молодежи меняются очень быстро: то, что некоторое время назад было популярным и привлекательным, может стать вышедшим из моды через короткий промежуток времени.

3. Быстрое распространение информации. Благодаря социальным сетям и последним медиановинкам молодежь оперативно получает информацию и оказывает влияние на актуальность молодежного жаргона. Если какое-то новое выражение или модный тренд становится популярным на одной платформе, то оно может стремительно распространиться по всему интернету, а затем внезапно утратить актуальность. Чтобы оставаться в тренде и поддерживать свою социальную репутацию и принадлежность к определенной группе, молодежь вынуждена постоянно создавать новую лексику и новые выражения.

Внедрению жаргонной лексики в язык прессы способствуют несколько причин:

- 1) расширение свободы слова, что позволяет прессе использовать более разнообразный язык;
- 2) особая выразительность и усиление эмоциональной составляющей текстов;
- 3) отсутствие в литературном языке подходящих эквивалентов для отображения некоторых явлений или понятий;
- 4) распространение преступности в обществе, что приводит к тому, что жаргон становится более распространенным, отражая данный социокультурный контекст.

Увеличение употребления молодежного сленга отмечается в период развития молодежных периодических изданий 1990–2000-х гг., когда у них возникла цель говорить на одном языке со своими читателями. В текстах статей появляются «рваные» фразы; обилие новомодных слов (например, в 90-е и начале 00-х использовались слова «прикинь», «короче»), оценочных конструкций («улет», «отстой») и междометий («вау»).

Часто сами работники журнала склонны к жаргонотворчеству. Так, в статьях журнала «Молоток» используются слова «мурена» (девушка) и «крендель» (молодой человек), хотя до этого они не были распространенными среди молодежи, но затем их приняли и начали использовать в речи и читатели журнала.

Одно из основных отличий языка средств массовой информации (далее – СМИ), предназначенных для молодежи, заключается в использовании молодежного жаргона и разговорной речи. Медиа контент для молодежи часто содержит новые выражения, модные слова и сокращения, которые молодежь активно использует в повседневной коммуникации. Этот язык создает ощущение принадлежности к своей группе и улучшает восприятие контента.

Итак, медиа контент, предназначенный для молодежи, имеет свои особенности в использовании языка, такие как: молодежный жаргон, мультимедийные элементы, информационно-развлекательный характер и фокус на молодежную культуру. Это помогает вовлечь молодых людей в медийное пространство и создать контент, который отражает их интересы и потребности.

Молодежный жаргон распространен не только в печатных СМИ, но и в электронных – здесь молодежный сленг дополнен интернет-сленгом.

Использование молодежного жаргона в массовых СМИ, доступных широкой аудитории, вызывает определенные проблемы.

Во-первых, старшему поколению или людям, мало знакомым с современной молодежной культурой, молодежный жаргон может быть непонятен. Это снижает доступность и понимание информации, особенно для этих групп людей.

Во-вторых, использование молодежного жаргона в популярных СМИ может негативно повлиять на язык, используемый в этих платформах. Жаргон по своей природе обычно менее формален и в большинстве случаев менее точен и структурирован, чем стандартный язык. Это может неблагоприятно повлиять на качество информации.

Использование жаргонизмов играет важную роль в привлечении внимания различных целевых аудиторий и придании выразительности сообщению. СМИ в значительной степени влияют на восприятие отдельных слов и выражений как по смыслу, так и по эмоциональной составляющей, и это влияние отражается на развитии человеческой коммуникации. Однако следует учитывать, что каждый человек является представителем определенных моральных, этических и культурных норм общества, и полный переход общества на жаргонное общение не является желательным.

Рассмотрим конкретные примеры слов молодежного жаргона в периодических изданиях. Так, слово «чилить» (от англ. *chill* – «расслабляться») обозначает «отдыхать», «расслабиться», «ничего не делать» [4]. Данное слово встречается в текстах образовательного характера для более старшего поколения [5; 6]. Такие тексты обычно предназначены для родителей подростков, их взрослого окружения и педагогов.

Иногда молодежный сленг становится общеупотребительным и в статьях более нейтрального тона, при этом слову желательно давать пояснение, дополнительные характеристики. Можно встретить примеры употребления выражения «на чиле» в качестве негативной оценки действий и эмоций человека: «На заседание Трепова явилась, что называется, на чиле. Равнодушно, изредка бросая взгляд в сторону журналистов и с улыбкой смотря на своего адвоката Даниила Бермана» [7].

Часто СМИ цитируют речь героя, который использовал данную языковую единицу, например, К. Анисимов: «...могу перевести для вас такие слова, как “кринж”, “краш” и “вайб”!» [8].

Выводы. Использование молодежного сленга в массовых периодических изданиях не является широко распространенным. СМИ ограничиваются лишь некоторыми сленговыми выражениями, которые используются в материалах, посвященных образованию и вопросам контакта с подростками [9].

Журналисты применяют сленг, чтобы изобразить молодежную среду или передать точку зрения персонажей статьи в прямой речи, а также выразить свое отношение к описываемым событиям.

Анализ конкретных примеров молодежного жаргона, используемого в СМИ, показывает, что при адекватном применении эти специфические языковые

средства способствуют краткости, выразительности и эмоциональности языка общения. В таких случаях их употребление является целесообразным.

Становится очевидным, что активное использование молодежных жаргонизмов – явление закономерное, отражающее развитие современного русского языка. При этом необходимо учитывать следующее: несмотря на то, что молодежный жаргон играет важную роль в облегчении общения и создании связи между молодежными СМИ и их аудиторией, его употребление в СМИ требует осторожности из-за непонятности для широкого круга людей и потенциального негативного влияния на качество и точность информации.

Примечания

1. Баранова Е. А., Лаврова К. А., Чебаненко В. В. Американский молодежный сленг в российских медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 775–787.

2. Смеюха В. В. Функционирование молодежного сленга в СМИ // Филологические науки. 2023. Т. 9 (75). № 2. С. 137–148.

3. Библиева О. В. Молодежный сленг как форма репрезентации молодежной культуры в средствах массовой информации // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 304. С. 56–58.

4. Английский | English Glow Up | Валерия. Сленг (часть 2) // Дзен: сайт. URL: https://dzen.ru/a/YYG6g_yRe38DIFdq (дата обращения: 30.01.24).

5. Сидорчук В. Что означает выражение «быть на чиле»? // АиФ в Белоруси: сайт. URL: https://aif.by/dontknows/chto_oznachaet_vyrazhene_byt_na_chile (дата обращения: 30.01.24).

6. Не понял, о чем ты говоришь: краш, чилить, падра и другие модные слова // АиФ Урал: сайт. URL: https://ural.aif.ru/society/ne_ponyal_o_chyom_ty_govorish_krash_chilit_padra_i_drugie_modnye_slova (дата обращения: 30.01.24).

7. Краснова Е. Смешно до слез. Дарья Трепова устроила шоу в Басманном суде // АиФ: сайт. URL: https://aif.ru/society/law/smешно_do_slez_darya_trepova_ustroila_shou_v_basmannom_sude (дата обращения: 30.01.24).

8. 17 сентября на МУЗ-ТВ стартует масштабное шоу «Битва поколений» // Известия: сайт. URL: <https://iz.ru/1385758/2022-08-26/17-sentiabria-na-muz-tv-startuet-masshtabnoe-shou-bitva-pokolonii> (дата обращения: 30.01.24).

9. Исаева В. Н. Молодежная лексика в социальных медиа // Коммуникация в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. II. Воронеж: ВГУ, 2022. С. 94–96.

УДК 343

Пироженков Артем Сергеевич,

слушатель,

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя (117437,
г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12).

E-mail: pirozhenkov2106@gmail.com

**Особенности производства оперативно-розыскных мероприятий
при выявлении и раскрытии преступлений,
связанных с незаконным оборотом контрафактной табачной продукции**

Аннотация: в статье проведен анализ распространения несертифицированной табачной и иной никотиносодержащей продукции на территории Российской Федерации. Рассмотрены актуальные проблемы и пути контролирования табачного рынка.

Ключевые слова: табачная продукция; никотиносодержащая продукция; акциз; розничная торговля; Честный знак; ЕГАИС; контрафакт; судебная практика.

Введение. В нашей стране проблема нелегальных сигарет актуальна и довольно масштабна, что подтверждает множество исследований, в частности, *Finexpertiza*, основываясь на данных, полученных от Росстата, сообщает, что 19,2 % россиян (или 23 миллиона человек) – это курильщики [1]. Исходя из этого, мы можем представить, насколько значима эта проблема. Она представляет серьезную опасность для общества тем, что подрывает установленную законом систему налогообложения табачной продукции ввиду неуплаты налогов. Нелегальные сигареты отнимают рынок у производителей и законопослушных ритейлеров, снижают поступления в государственный бюджет, финансирующий программы в сфере здравоохранения и просвещения населения о вреде курения. Подпольная продукция влияет на снижение среднего уровня цен на сигареты, что стимулирует подростковое курение, ставит под удар здоровье граждан, так как реализуемая продукция зачастую опасна для жизни и здоровья человека, а также финансирует отечественный и международный криминал.

Основное исследование. На съезде Евразийской экономической комиссии 18 мая 2021 г. был поднят вопрос о противодействии незаконному ввозу табака в Российскую Федерацию (далее – РФ) из других государств – членов Евразийско-

го экономического союза (далее – ЕАЭС). Эксперты подсчитали, что две трети нелегальной продукции занимают товары из ЕАЭС. Это обусловлено тем, что в государствах – членах ЕАЭС – Белоруссии, Казахстане, Армении и Киргизии – более дешевая табачная продукция, которую из-за выгодной цены нелегально завозят на территорию РФ (иногда под предлогом транзита через государство), где она пользуются большим спросом у российских курильщиков.

Согласно данным Национального научного центра компетенций в сфере противодействия незаконному обороту промышленной продукции (далее – ННЦК), доля этого канала оценивается в 6,7 % от оборота, а главным поставщиком является Белоруссия, на которую по тем же оценкам ННЦК возлагается порядка 93 % нелегальной продукции из ЕАЭС. Только на период 2016–2021 гг. Счетная палата оценила убытки РФ от нелегального оборота табачной продукции в размере 295,6 млрд рублей.

В конце 2021 года в РФ завершилось одно из самых масштабных в истории исследование нелегального оборота табака. Основываясь на данных ННЦК [2], по результатам девяти месяцев 2021 г. незаконный оборот на рынке табачной и никотиносодержащей продукции составил 11,5 %. Это означает, что почти каждая восьмая пачка сигарет в стране нелегальная.

Лидирующие позиции по нелегальному обороту табачной продукции занимают регионы РФ, представленные на рисунке ниже.

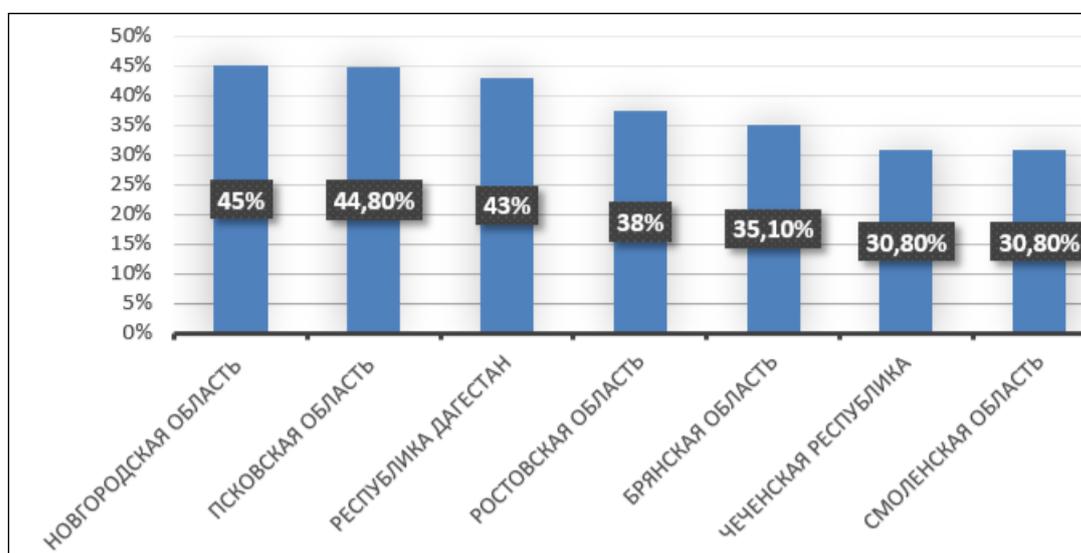

Рисунок. Статистика нелегального оборота табачной продукции

Согласно данным ННЦК, в 2022 г. финансовые потери РФ от нелегального оборота табака составили более 81,5 млрд рублей. Представитель департамента системы цифровой маркировки товаров Министерства промышленности и торговли РФ В. Заславский уточнил, что, согласно данным ННЦК, доля нелегального табака

в 2022 г. в пересчете на курильщиков составила 12,9 %. Исходя из этого, мы можем определить, что за последние семь лет нелегальный рынок сигарет в РФ возрос в 12 раз, или на более 1000 %: от 1,1 до 12,9 %. Незаконная никотиносодержащая продукция по результатам 2022 г. составила 79 %, а жидкости – 93 %. По оценкам экспертов, казна РФ потеряла порядка 30 млрд рублей [3].

Проанализируем способы выявления нелегальной табачной продукции. В российской правоохранительной системе имеется широкий перечень способов выявления нелегальной табачной продукции. Некоторые из них мы рассмотрим подробно.

1. Контроль на границе. Таможенные органы могут проверять достоверность и соответствие документов, а также осуществлять проверки физической таможенной декларации и упаковки товаров. За 2022 год таможей было изъято из незаконного оборота 82,5 млн пачек сигарет, что в разы превышает показатели прошлых лет. По данным фактам возбуждено 128 уголовных дел и 362 дела об административных правонарушениях.

2. Проверка производства. Правоохранительные органы могут проверять производственные мощности на предмет наличия нелегальных производств или фальсификации известных марок. Путем подсчета, статистического анализа, сопоставления количества оборудования, расходуемой электроэнергии, разрядок по привозу сырья и вывозу готовой продукции можно выявить процент переработки, разница которой вероятнее всего уходит в теневой оборот.

3. Маркировка. Использование специальной маркировки на упаковке табачной продукции позволяет отслеживать передвижение товаров по всей цепочке поставок и выявлять нарушения. В статье 18 Федерального закона от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» дано разъяснение регламента порядка учета производства табачной продукции, а также регулируется процедура проверки подлинности акцизных марок на сигареты [4]. Производством акцизных марок для табачной продукции, как ввозимой, так и производящейся на территории РФ, занимается АО «Гознак». Оно печатает акцизные марки установленного образца по специальной технологии с использованием как минимум трех способов печати: размером 44x20 мм, с надписями «Россия» и «Акцизная марка». При изготовлении на марку наносится уникальное сочетание ее разряда и номера. Органом, занимающимся выдачей акцизных марок на продукцию, произведенную в РФ, является Фискальная налоговая служба, а на импортную продукцию – Федеральная таможенная служба.

С 1 июля 2020 года каждая легальная пачка сигарет имеет цифровой код. Проверкой подлинности цифровых кодов и федеральных и акцизных марок зани-

маются организации, осуществляющие оптовую и розничную торговлю табачной и никотиносодержащей продукцией, визуально и с использованием доступных информационных ресурсов. К таким ресурсам можно отнести национальную систему маркировки и прослеживания товаров из разных категорий «Честный ЗНАК» [5].

4. Контроль за точками продажи. Правоохранительные органы могут проверять магазины и торговые точки на предмет продажи нелегальной табачной продукции. Важно отметить, что с 1 июля 2021 года запрещена продажа сигарет ниже установленной государством единой минимальной цены (далее – ЕМЦ). С 1 января 2024 года ЕМЦ составляет 129 рублей за пачку [6]. Сигареты стоимостью от 119 рублей (по ЕМЦ 2023 года) могут продаваться по прежней цене до 1 апреля 2024 г. В дальнейшем стоимость сигарет ниже 129 рублей – признак нелегальности сигарет.

5. Контроль за онлайн-торговлей. Правоохранительные органы могут проводить мониторинг интернет-сайтов и площадок, где происходит продажа табачных товаров, для выявления нелегальной продукции.

6. Сотрудничество с производителями. Правоохранительным органам следует устанавливать сотрудничество с производителями и дистрибьюторами, чтобы получать информацию о подозрительных поставках и помогать в выявлении нелегальной продукции.

Не менее важной проблемой является нелегальный оборот табачной продукции через сеть «Интернет». По данным аналитиков *Group-IB*, объем теневого онлайн-рынка табачной продукции и электронных сигарет в рунете в 2021 г. вырос до 5,6 млрд рублей. Годом ранее этот показатель составлял 500 млн рублей без учета продаж через социальные сети и мессенджер *Telegram* [7]. Несмотря на запрет дистанционной продажи табака, эксперты *Group-IB* обнаружили более 620 онлайн-ресурсов, занимающихся продажей сигарет, стиков и электронных сигарет. Их количество, по сравнению с предшествующим годом, когда таких ресурсов было около 700, снизилось. Это объясняется тем, что в 2021 г. после блокировок часть продавцов перешла в социальные сети и мессенджеры.

Нелегальная продажа табачной продукции через сеть «Интернет» в РФ осуществляется различными способами. Перечислим некоторые из них.

1. Интернет-магазины. Нелегальные продавцы могут создавать фиктивные интернет-магазины, где предлагают табачные изделия без необходимых лицензий и сертификатов. Они используют анонимные платежные системы и специальные программы для скрытия своей личности и местоположения.

2. Социальные сети и форумы. Нелегальные продавцы прибегают к использованию популярных социальных сетей и веб-форумов для рекламы и продажи за-

прещенной табачной продукции. Они могут общаться с потенциальными покупателями, предлагать специальные сделки и доставку через почтовые службы.

3. Пиратские сайты и скрытые онлайн-рынки. В сети «Интернет» также осуществляют продажу контрафактных и незаконных товаров, включая табачные изделия, через пиратские сайты, скрытые онлайн-рынки, в том числе даркнет. Эти рынки доступны только через специальные программы и анонимные сети, что делает сложным их отслеживание для правоохранительных органов.

Обратившись к Федеральному закону от 12 августа 1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [8], выделим оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ), которые применяются в борьбе с нелегальной табачной продукцией.

1. Опрос. При получении оперативной информации о незаконном производстве и/или реализации никотиносодержащей продукции является целесообразным проводить опрос местных жителей в районе мест предположительной продажи подпольного табака. В качестве опрашиваемых лиц необходимо установить целевую аудиторию. В ходе опроса следует выяснить пороговую цену на табачную продукцию, статистику изменения цены на табак за последнее время и изменилось ли качество продаваемой продукции по мнению обывателя.

2. Наведение справок. Изучение документов, касающихся ведения предпринимательской деятельности, бухгалтерских и архивных источников, а также анализ информации о конкретном лице, его круге общения, местах посещения позволяют составить общий портрет предполагаемого преступника.

3. Проверочная закупка. Данный вид ОРМ хорошо подходит для выявления и документирования преступной деятельности. Уже на этапе осуществления проверочной закупки оперативные сотрудники могут проверить, соответствует ли предложенный ассортимент требованиям единой минимальной цены. В дальнейшем после проверки через систему «Честный ЗНАК» и получения заключения экспертов о наличии или отсутствии в табаке вредных примесей и подделке государственной акцизной марки делается вывод о факте преступной деятельности.

4. Наблюдение является не менее важным ОРМ в данной сфере. Посредством наблюдения выявляются объем привозимой продукции и периодичность поставок. Из личного опыта наблюдения и выявления злоумышленников считаем необходимым добавить, что зачастую нелегальный табак завозится в пункты розничной торговли на транспортных средствах, используемых ранее в инкассаторских службах, что сильно снижает риски обнаружения, поскольку по негласным правилам подобные автомобили гораздо реже останавливают сотрудники ГИБДД.

5. Отождествление личности – одно из главных мероприятий, поскольку позволяет выявить личность лица, занимающегося реализацией, а впоследствии оптового продавца и изготовителя.

Из числа ОРМ, требующих судебного санкционирования, считаем целесообразным осуществление прослушивания телефонных переговоров с целью выявления сроков и каналов поставки незаконной табачной продукции, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, что относится в большей мере к покупке нелегальной продукции через сеть «Интернет». Разумеется, вышеописанный перечень не является исчерпывающим. При проведении ОРМ подобной направленности будет более уместен поэтапный и индивидуальный подход.

Мы также предлагаем выступить с рядом законодательных инициатив о возможных вариантах борьбы с подпольной табачной продукцией.

1. Ужесточение наказания за незаконную торговлю табачными изделиями, может включать повышение штрафов, сроков лишения свободы или введение других видов наказания для лиц, занимающихся незаконным оборотом табачных товаров.

2. Внедрение системы трекинга и трейсинга, позволяет отслеживать перемещение табачной продукции от производителя до конечного потребителя, предотвращая нелегальный оборот и контролируя легальные каналы продажи.

3. Ужесточение контроля за производством, хранением и реализацией табачной продукции, может включать более жесткое лицензирование, систему регулярных проверок и аудитов предприятий, занимающихся производством и продажей табачных изделий

4. Развитие программ по просвещению и информированию о вреде курения: пропаганда здорового образа жизни и информирование о тяжелых последствиях никотиновой зависимости.

5. Развитие международного сотрудничества в борьбе с контрабандой табачных товаров: совместная координация действий между государствами повысит эффективность в борьбе и позволит обмениваться полезным опытом и навыками между службами.

Выводы. Таким образом, изучив тематику рассмотренного нами вопроса, углубившись в статистику и проанализировав имеющийся практический опыт, отметим важность борьбы с такого рода преступлениями и проведения профилактических мер.

Реализация на прилавках магазинов контрафактной табачной продукции несет угрозу не только здоровью, но и жизни покупателей. Теневой бизнес по продаже сигарет наносит колоссальный ущерб экономике РФ, а также создает угрозу безопасности государства. Лица, вставшие на этот преступный путь, придумывают все новые способы для обхода и нарушения законодательства РФ, чтобы незаконно по-

лучать доход, именно поэтому так важен совместный слаженный труд подразделений не только в рамках нашего ведомства и между службами, но и на межгосударственном уровне. Необходимо постоянно совершенствовать методы борьбы, а также применять новейшие технические средства и методики, такие как трекинг и трейсинг, проводить профилактическую работу, разъясняя населению, какие негативные последствия могут быть от употребления нелегальной табачной продукции. Только общими усилиями получится достичь весомого прогресса, оздоровить нацию и искоренить нелегальный бизнес, построенный на здоровье и жизни людей.

Примечания

1. Названы самые курящие регионы России // SINEXPERTIZA: сайт. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/sam-kury-region-ros/> (дата обращения: 07.02.2024).

2. Кошкин В. Названа доля незаконного оборота табака в России // RG.RU: сайт. URL: <https://rg.ru/2021/11/18/nazvana-dolia-nezakonnogo-oborota-tabaka-v-rossii.html> (дата обращения: 07.02.2024).

3. Минпромторг оценил в 81,5 млрд руб. потери бюджета в 2022 году от нелегального оборота табака // Информационная группа «Интерфакс»: сайт. URL: <https://www.interfax.ru/russia/898255> (дата обращения: 07.02.2024).

4. Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции: федеральный закон от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 8, ст. 721.

5. Честный знак. Национальная система цифровой маркировки: официальный сайт. URL: <https://xn--80ajghhoc2aj1c8b.xn--p1ai/> (дата обращения: 27.12.2023).

6. О единой минимальной цене табачной продукции на период с 1 января 2024 г. по 31 декабря 2024 года: информационное сообщение Министерство сельского хозяйства Российской Федерации от 29 ноября 2023 г. № МА-21-27/28744 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463885/ (дата обращения: 27.12.2023).

7. Бусаргин А. Дали прикурить: нелегальный рынок онлайн-продаж табака в 2021 году достиг 5,6 млрд рублей // Ф.А.С.С.Т.: сайт. URL: <https://www.facct.ru/media-center/press-releases/illegal-tobacco-market-2022/> (дата обращения: 27.12.2023).

8. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.

Требования к рукописям статей, представляемым
для опубликования в периодическом сборнике научных статей
«АЛЬМАНАХЪ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ»

1. Сборник научных статей выходит два раза в год. В первый выпуск принимаются рукописи научных статей до 1 февраля, во второй – до 1 сентября. Политика сборника научных статей допускает опубликование специальных выпусков, посвященных результатам научно-представительских мероприятий молодых ученых*.

2. К опубликованию принимаются рукописи статей научных статей** молодых ученых***, соответствующие следующим разделам:

- Юридические науки.
- Экономические науки.
- Физико-математические и технические науки.
- Исторические, философские и социологические науки.
- Педагогические, психологические и филологические науки.
- Трибуна начинающего исследователя.

3. Рукопись статьи должна содержать:

– **раздел, в котором планируется опубликование научной статьи** (см. п. 2 требований к рукописям научных статей), а также **научную специальность**, в рамках которой подготовлена статья;

– **универсальный десятичный код (УДК)** (см.: <http://teacode.com/online/udc/>);

– **сведения об авторе на русском языке** (ФИО полностью, ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), должность, место работы (учебы), адрес места работы (учебы), адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы));

– **заголовок на русском языке**;

– **аннотацию на русском языке** (300–500 знаков);

– **ключевые слова на русском языке** (4–7 слов или словосочетаний);

– **основную часть, структурно состоящую из введения** (актуализация и постановка проблемы – **до 1 страницы**), **основного исследования** (исследовательская часть, отражающая процесс решения проблемы – **от 3 до 7 страниц**) и **выводов** (оценка полученных результатов, подведение итогов и определение перспектив дальнейшего исследования – **до 1 страницы**);

– **примечания на русском языке** (в сборнике статей принята затекстовая система библиографических ссылок, оформленных в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008, с размещением в тексте номера источника и страницы в квадратных скобках; использование подстрочных ссылок не допускается).

* Молодой ученый – это сотрудник, работник и (или) адъюнкт (аспирант) образовательной или научной организации, профессионально занимающийся научной и (или) научно-технической деятельностью в возрасте до 35 лет включительно.

** Рукописи статей, содержащие сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну, к опубликованию не принимаются.

*** В исключительных случаях могут быть опубликованы научные статьи научно-педагогических и практических работников, а также студентов, курсантов и слушателей образовательных организаций высшего образования по актуальным вопросам тех разделов наук, которые представлены в данном сборнике научных статей.

4. Текст статьи печатается гарнитурой Times New Roman, размер шрифта – 14, интервал – 1,15. Поля – по 2 см с каждой стороны. Абзацный отступ должен быть одинаковым и равен 1,25 см, выравнивание абзаца – по ширине страницы. Нумерация страниц обязательна. Схемы, рисунки, диаграммы, графики (ширина не более 137 мм) должны быть сохранены в формате JPG и приложены отдельными файлами. Автор(ы) статьи должны соблюдать грамматические и пунктуационные правила, логику изложения и правила юридического языка.

5. Наименование статьи набирается строчными буквами. Расстояние между заголовком и последующим текстом равно 1 интервалу, а между последней строчкой текста и расположенным ниже заголовком – 1 интервалу.

6. При использовании в тексте работы цитат, положений, заимствованных из литературы, автор обязан делать ссылки на них в соответствии с установленными правилами. Заимствование текста без ссылки на источник не допускается. В тексте статьи при упоминании какого-либо автора необходимо сначала указать его инициалы, затем фамилию (например, «как подчеркивает В. И. Петров», «по мнению В. Н. Иванова», «следует согласиться с Т. П. Сергеевым»). При использовании материалов судебно-следственной практики данные должны быть обезличены.

7. Объем статьи должен составлять **не менее 5 и не более 10 машинописных страниц.**

8. Оригинальность текста статьи по системе «Антиплагиат» должна составлять не менее 70 %.

9. Автор несет ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, наличие сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати.

10. После вычитки отпечатанного текста автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана; цитаты проверены; сведений, составляющих государственную или иную охраняемую законом тайну, не содержится (дата, подпись)» и отсканированный вариант в формате PDF направляет вместе с файлом статьи в формате RTF на электронную почту: **almanakh_namvd@bk.ru**.

11. К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

12. При невыполнении предъявляемых требований автору отказывается в опубликовании.

13. Редакция оставляет за собой право осуществлять техническое редактирование (не меняющее смысла) авторского оригинала.

14. В случае, если редакционная коллегия не увидит в представленной статье актуальности и научной новизны, а также при выявлении неустранимых недостатков, то в ее приеме может быть отказано.

15. При передаче рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи в сети «Интернет».

16. Редакцией плата за опубликование рукописей статей не взимается, авторский гонорар не выплачивается.

Образец оформления статьи

Раздел (см. п. 2 требований к рукописям научных статей) и научная специальность, в рамках которой подготовлена статья.

УДК (см.: <http://teacode.com/online/udc/>)

Фамилия Имя Отчество

ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), должность, место работы (учебы) в именительном падеже (адрес места работы (учебы))
E-mail: электронный адрес

Название статьи

Аннотация: текст аннотации 300–500 знаков.

Ключевые слова: ключевые слова в именительном падеже через точку с запятой (4–7 слов или словосочетаний).

Введение (*актуализация и постановка проблемы – до 1 страницы*). Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи, текст статьи [1, с. 100]. Текст статьи текст статьи.

Основное исследование (*исследовательская часть, отражающая процесс решения проблемы – от 3 до 7 страниц*). Текст статьи [2, с. 234]. Текст статьи [3]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи. Текст статьи текст статьи.

Выводы (*оценка полученных результатов, подведение итогов и определение перспектив дальнейшего исследования – до 1 страницы*). Текст статьи текст статьи.

Примечания

1. Костенко М. А., Орлова Е. С. Правоприменительная деятельность: понятие, признаки и стадии осуществления // Таврический научный обозреватель. 2015. № 4–2. С. 97–101.

2. Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология научного исследования. Москва: Либроком, 2007. 274 с.

3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50, ст. 7362.

